

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 3 (15)

**Издаётся с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2014**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 3 (15)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2014**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почётный работник общего образования Российской Федерации
президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО
проректор по учебной работе,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В.

главный редактор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

Афанасьева О.В.

Беляева И.А.

Бубнова И.А.

Вострикова О.В.

секретарь

Геймбух Е.Ю.

Громова А.В.

Джанумов С.А.

Кирилина А.В.

Костева В.М.

ответственный секретарь

Курдюмов В.А.

Матвеева И.И.

секретарь

Радченко О.А.

Собянина В.А.

Сулейманова О.А.

Тарева Е.Г.

Чупрына О.Г.

Языкова Н.В.

Ярыгина Е.С.

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент

доктор филологических наук, доцент

кандидат филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор

(Московский государственный лингвистический университет)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Баранова К.М., Афанасьева О.В.* Образ Нового Адама в американской колониальной литературе XVII века 8
- Евдокимова Л.В.* Портрет и имя в экфрасисе Ф. Сологуба 18
- Матвеева И.И.* Феномен дома и его художественное воплощение в творчестве А.П. Платонова 27
- Яковлев М.В.* Образ природы в книге стихотворений Д. Андреева «Русские боги» 36

Русистика. Германистика. Романистика

- Алексеев А.В.* Символические значения в истории слова *печаль* 45
- Ярыгина Е.С.* Ещё раз о «коммуникативном подходе» к сложному предложению (к вопросу о возможностях лингвистического эксперимента) 52
- Карпова Л.С.* О лингвопоэтической функции метафоры в текстах разных повествовательных типов 63
- Чупрына О.Г.* Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход) 71

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Чернявская В.Е.* Ценностные ориентиры научной деятельности: бескорыстие исследователя или экономизация науки? 80

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Черкашина Е.И.* Вариативность языковой подготовки студентов неязыкового вуза 87

Слово молодым учёным

- Авдеева Е.О.* Японская поэзия эпохи Хэйан —
изысканность и утончённость форм 96
- Калинина К.С.* Художественная функция снов
и видений в романе И.А. Новикова «Золотые кресты»..... 103
- Луткова Е.С.* Результаты экспериментального обучения
чтению аутентичных текстов в профильной школе
с позиции лингвокультурологического подхода 109
- Малькова В.В.* Русские и немецкие устойчивые сравнения
как средство представления тематического поля
«Социальные отношения» 116
- Шишкин К.Г.* Особенности детективного жанра
на примере неоконченной повести Г. Грина
«Пустой стул» (1926)..... 121
- Щенникова Н.В.* Некоторые особенности понимания
подростками слова «аромагия» (по данным
ассоциативного эксперимента)..... 128

Критика. Рецензии. Библиография

- Девятова Н.М.* Рецензия на монографию Н.А. Герасименко
«Бисубстантивные предложения в русском языке: структура,
семантика, функционирование» (М.: МГОУ, 2012. 292 с.) 134

**Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Филология. Теория языка.
Языковое образование», 2014, № 3 (15)..... 138**

- Требования к оформлению статей..... 142**

CONTENTS

Literary Science

- Baranova K.M., Afanasyeva O.V.* The New Adam Figure
in American Colonial Literature of the XVIIth Century..... 8
- Evdokimova L.V.* Portrait and Name in F. Sologub's Ekphrasis 18
- Matveeva I.I.* Phenomenon of Home and Its Artistic Presentation
in Platonov's Creative Work..... 27
- Yakovlev M.V.* The Image of Nature in the Book of Poems
«Russian Gods» by D. Andreev..... 36

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Alekseev A.V.* Symbolic Meanings in the History of the Word
«Печаль» («Sorrow»)..... 45
- Yarygina E.S.* «Communicative Approach» to the Complex
Sentence as an Option of Linguistic Experiment (Revisited)..... 52
- Karpova L.S.* On the Linguopoetic Function of Metaphor
in Texts of Various Narrative Types..... 63
- Chupryna O.G.* Culture References in British Teen Books
(Linguocultural Approach) 71

Linguistic Theory. Theory of Cross-cultural Communication

- Chernyavskaya V.E.* Value Guidelines in Science:
Disinterestedness vs Market Rules..... 80

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Cherkashina E.I.* Variety of Language Training of Students
at Non-linguistic Universities..... 87

Young Scientists' Platform

<i>Avdeeva E.O.</i> Refinement and Finesse of Japanese Poetry of the Heian Period.....	96
<i>Lutkova E.S.</i> Teaching Authentic Texts Reading in Professional-oriented School in Linguocultural Perspective: Results of an Experiment.....	103
<i>Kalinina K.S.</i> Artistic Role of Dreams and Visions in the Novel «The Gold Crosses» by I.A. Novikov.....	109
<i>Malkova V.V.</i> Russian and German Idiomatic Comparisons as Means of Representation of the Thematic Field «Social Relationships»	116
<i>Shishkin K.G.</i> Some Peculiarities of the Detective Genre in «The Empty Chair» by G. Greene (1926)	121
<i>Schennikova N.V.</i> Some Peculiarities of the Modern Adolescents' Comprehension of the Word «Aromagic» («Аромагия») Based on an Associative Experiment Data.....	128

Criticism. Reviews. Bibliography

<i>Devyatova N.M.</i> Review of the Monograph by N.A. Gerasimenko «Bi-substantive Sentences in Russian: Structure, Semantics, Functions» (M.: MSRU, 2012. – 292 p.).....	134
--	-----

«MCTTU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» / Authors, 2014, № 3 (15)	138
--	-----

Style Sheet.....	142
------------------	-----

**К.М. Баранова,
О.В. Афанасьева**

Образ Нового Адама в американской колониальной литературе XVII века

Статья посвящена анализу формирования одной из ключевых фигур национальной американской литературы – образу Нового, или Американского, Адама. Хотя по традиции этот образ соотносится с творчеством писателей-трансценденталистов, начало его формирования можно усмотреть в ранних произведениях колониального периода развития американской словесности, что и послужило предметом исследования в данной статье. В ней исследуются основные черты, присущие образу Нового Адама, через анализ основополагающих мотивов, характеризующих сочинения раннеколониальных авторов.

The article deals with the analysis of the New Adam figure in American literature. By tradition its creation is referred to transcendentalist writers though the beginning of the image under study could be found in the early works of American pre-national literature. The article dwells upon the main characteristics of the image of New Adam through investigation of the basic motifs in the diaries of the colonial authors.

Ключевые слова: Новый Адам; литература колониального периода; дневник; образ; мотив.

Keywords: New Adam; colonial literature; diary; image; motif.

Для американской литературы одной из ключевых фигур является образ *Нового Адама*, чьё появление обычно связывают с творчеством писателей-трансценденталистов, но который формировался в течение предыдущих столетий. Подчеркнём, что *Новый Адам* (иной термин — *Американский Адам*) используется литературоведами, изучающими американскую литературу, прежде всего для того, чтобы назвать жителя Нового Света. Это — человек, который действует согласно новым принципам, имеет новые идеи, формирует новые мнения и выступает своеобразным контрастом европейцу. Последнему, с точки зрения американцев, в большей степени присущи такие качества, как преклонение перед богатством и знат-

ностью, праздность и отход от истинной религии. Зарождение данного образа можно усмотреть в произведениях американской словесности XVII века, что непосредственно связано с появлением на страницах колониальных сочинений таких основополагающих мотивов, как *предопределение, избранность, невинность, дикие просторы, трудолюбие, свобода и равенство* [9].

В современном литературоведении *Новый Адам* воспринимается в виде некоего мифического образа, которому многие учёные отводят центральное место среди иных мифов американской литературы. Его основы лежат в мировоззрении тех английских колонистов-пуритан, для кого Новый Свет выступал не только в виде рая, но и как реальные заокеанские территории, где они могли бы обрести и в конечном счёте обрели спасение от религиозных преследований.

Тем не менее в их осмыслении новые земли — это прежде всего метафорический Сад, в котором колонистам как бы предлагается второй шанс на спасение. Именно здесь они имеют возможность начать богоугодные деяния заново, освободиться от тех ошибок, которые возникли в результате первородного греха, когда пал библейский Адам. *Нового Адама*, по их мнению, в «Сад независимости и равенства» приводит Провидение. Он сам руководствуется промыслительностью, верой в свою избранность и добродетелью. Эти составляющие легли в основу мифа о новом *Американском Адаме*, человеке, который строит свою жизнь, во многом полагаясь на себя, и образ которого позднее будет развиваться и углубляться в национальной литературе США XIX века в творчестве таких писателей, как Г. Мелвилл, Г. Торо, Р.У. Эмерсон, У. Уитмен, и других.

В основных сочинениях североамериканской словесности XVII столетия, таких, например, как дневники У. Брэдфорда, Дж. Уинтропа, Р. Уильямса, С. Сьюолла, М. Роландсон, безусловно, можно выделить вышеназванные основные мотивы. Все они играют существенную роль в формировании базиса возникающей американской литературы [8]. Именно семнадцатое столетие и произведения, созданные в колониях Новой Англии той эпохи, сыграли весьма существенную роль в *религиозном* освоении земель Нового Света.

В текстах литераторов данного ареала, по существу, закладывались литературно-художественные традиции и вырабатывались черты стиливых особенностей будущих литературных произведений США. Основой всех религиозных и светских сочинений тех лет служил пуританизм — религиозно-философское мировоззрение большинства переселенцев. В работах жанра дневниковых записей на первый план явно выступает зарождение духовного облика *Нового Адама*, и раскрывается данный образ во многом через названные мотивы, которые пронизывают дневники всех упомянутых авторов.

Подчеркнём, что мотив оказывается значимым не только для темы, идеи произведений, но и в большой степени структурирует их сюжет, систему образов. Представляется, что мотивы уместно подразделять на идейные и сюжетно-образные, ибо их функции в литературных трудах не совпадают. Так,

сюжетно-образные мотивы проявляются в конкретных эпизодах того или иного сочинения и выстраивают его сюжет и систему образов. Идейные же мотивы, если иметь в виду работы американских авторов колониального периода и многих их последователей более поздних периодов (Готорн, Мелвилл и другие), в значительной степени оказываются обусловленными мифологическими истоками. Но и те, и другие пронизывают дневники всех вышеупомянутых авторов, влияя друг на друга. При этом применительно к образу *Нового Адама* значимыми для его интерпретации оказываются как идейные мотивы, так и сюжетно-образные.

С этой точки зрения мотив предопределения можно рассматривать как базисную характеристику анализируемого образа. В его основе заложено беспрекословное служение Создателю. Члены пуританских общин верили в промыслительность всего происходящего. По их глубокому убеждению, человек не мог повлиять на ход событий, так как именно Всевышний определял порядок вещей в мире. Случайности полностью исключались. Все эти элементы веры, безусловно, присущи *Новому Адаму*.

Основополагающие черты данной знаковой фигуры в литературе США, в том числе и вера в предопределение, были заложены уже в произведениях словесности XVII века, в частности, в дневниковых записях У. Брэдфорда (1590–1657), вошедших в американскую литературу под названием «История поселения в Плимуте». У. Брэдфорд, второй губернатор Плимутской колонии, является одним из наиболее выдающихся авторов этого периода. Мифологический в своей основе облик *Нового Адама* находит отражение в его произведении в виде образа нового человека, обладающего всеми качествами, необходимыми для того, чтобы быть причисленным к группе избранных. К ним следует отнести почитание Господа, неукоснительное следование всем пуританским догматам, стремление к исполнению миссии, возложенной на переселенцев Творцом. Особо нужно оговорить, что указанные характеристики черпались и из реального мира, ибо подобные черты можно было наблюдать в характерах лучших представителей общины.

Из базисной характеристики *Нового Адама* — веры в промыслительность всего сущего — во всех анализируемых сочинениях возникает категория *предопределения*. В дневнике Брэдфорда она начинает выступать как максимально значимая. В текст ретроспективных записей одного из первых литераторов Нового Света повсеместно вплетаются замечания по поводу того, что всё в мире предрешено. Губернатор то и дело вставляет в текст свои пояснения, подчёркивая, что всё происходящее с жителями Новой Англии случается по воле Создателя и зависит только от неё (*by his spetiall providence, a special providence of God, Lord had apoyned it, by the hand of God etc.*). Подобные многочисленные референции позволяют сделать вывод, что рассматриваемый мотив предопределения, безусловно, играет центральную роль в дневнике У. Брэдфорда. Более того, в качестве одного из максимально значимых ком-

понентов он переходит затем в литературу XVIII века, становясь знаковым и для сочинений Джонатана Эдвардса [8].

Дневник в качестве ведущего жанра тех лет появляется не случайно. Ведь дневниковые записи XVII века в Новом Свете — это правдивая летопись великих дел. При этом они (дневники) фактически выступают как внутренняя религиозная «цензура» со стороны именитых авторов. Так, например, У. Брэдфорд, описывая происходящее, постоянно даёт оценки деяниям своих современников, то осуждая и порицая их, то наставляя на путь истинный, пропуская всё своё повествование через пуританские догматы. Губернатору важно отметить, *что* делается не так, как следует, и *кому* из колонистов надлежит воздать должное. Занесение в дневниковые записи событий с указанием, кто поступает в соответствии с правилами, а кто их нарушает, с наличием критики в адрес последних, даёт основание видеть в «Истории поселения в Плимуте» своеобразную пуританскую «цензуру». Наличие же в дневниковых записях этого автора элементов художественности позволяет рассматривать его в качестве образца художественной литературы XVII века.

Дневник Брэдфорда, который относится к классическим произведениям того периода, можно воспринимать как художественный сплав многообразных жанров — притчи, мемуаров, элементов фольклора, эпистолярного жанра, деловых документов, автобиографии. Особо хочется выделить переплетение дневниковых записей и автобиографического повествования, в чём проступает зарождение «авторского присутствия» в нарративе и что будет характерно для литературы США последующих столетий. В определённой степени здесь можно также усмотреть исток полифонии жанров, который мощно зазвучит во многих сочинениях американских романтиков, в частности, в романе Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» (1851).

Для дневниковых записей Брэдфорда типично также символическое толкование происходящих событий. Подчеркнём и то, что все семь анализируемых мотивов, в понимании автора, оказываются практически равнозначными для логики изложения событий. Иными словами, опубликованная в 1856 году «История поселения в Плимуте» — это художественно интерпретированное освещение событий той эпохи, где *религиозный идеал* выходит на первый план и представляет собой первую фазу в зарождении и дальнейшем становлении национального американского менталитета.

Интересно отметить, что, анализируя жизнь Брэдфорда в своей книге «Великие деяния Христа в Америке» («Magnalia Christi Americana» или «The Ecclesiastical History of New England from Its First Planting»), известный проповедник конца XVII века Коттон Мэзер неоднократно подчёркивает исключительные качества губернатора, указывая, что последний, безусловно, представлял собою незаурядную личность. Богослов характеризует Брэдфорда как достойного колониста — *this worthy person* [1: p. 109], достойного отца-пилигрима, труд которого необходимо оценить по достоинству.

И хотя священнослужитель прямо не говорит об этом, из всех его восхвалений в адрес Брэдфорда вытекает мысль о том, что Коттон Мэзер воспринимает личность губернатора как прообраз *Нового Адама*.

Мотив диких просторов оказывается также весьма значимым для формирования облика *Нового Адама*. Реальные дикие просторы новых земель переосмыслились и интерпретировались колонистами аллегорически. В дневниках того времени они упоминаются постоянно и обозначаются словом *wilderness*. Отметим, что в западноевропейской традиции тех лет наличествовало противопоставление рая и дикого леса, своеобразной чащи. Последняя ассоциировалась с великим злом. Поскольку американская колониальная литература, по сути, «выросла» из культуры Западной Европы, эта идея противопоставления Эдема и непроходимых диких лесов естественным образом находит отражение на страницах дневниковых записей американских переселенцев и воплощается в мотиве диких просторов.

Неизведанные земли, простирающиеся далеко на запад, воспринимались М. Роландсон (1637–1711) и другими сочинителями XVII века как чаша, где концентрировалось зло, которое воплощалось в язычниках-индейцах, слугах Сатаны. В своём дневнике-исповеди «Повествование о пленении и избавлении миссис Мэри Роландсон» («Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson», 1682) автор крайне отрицательно отзываясь о реальных непроходимых зарослях, которые служат аборигенам домом. Их же самих она называет *the wild beasts of the forest, barbarous heathens, madmen* [3]. Естественный выход из сложившегося положения — необходимость сражаться с обитавшими там слугами Дьявола и распространять на этих территориях христианскую религию.

Дневниковые записи М. Роландсон представляют собой тот тип повествования, в котором, посредством художественного отображения *личного опыта* на фоне значимых для всех переселенцев событий, происходит становление будущей национальной культуры. Её дневник — это описание событий *личной* жизни, *личное* видение происходящего. Проникая в структуру дневниковых записей, *личностное* восприятие знаменует собой процесс эволюции в структурах формирующегося фундамента американской культуры и литературы. Одновременно здесь происходит фиксация определённых изменений, возникающих у колонистов в восприятии рассматриваемых мотивов.

Категорию *дикие просторы* в начале произведения Роландсон связывает с аллегорическим переосмыслением библейской пустыни. Отметим, что в Библии *wilderness*, имея значение «пустыня», может также выступать для обозначения убежища. Традиционно служители культа покидали общество, поражённое пороками, и обретали покой в пустыне, где занимались поисками истинной веры. Таким образом, пустыня представляла для них своеобразным укрытием, где они закалялись, обретали душевное равновесие. Следовательно, трактовка слова *wilderness* в христианском понимании не была одно-

значной. Это можно отметить и в дневнике Роландсон, в котором понимание диких просторов имело иную, помимо описанной выше, трактовку, а именно «своеобразное убежище от порочности и греховности реального мира».

По ходу развития сюжета в «Повествовании о пленении» можно выявить начало эволюции рассматриваемого мотива. С одной стороны, у автора, хотя и неосознанно, наблюдается изменение отношения к аборигенам. Она начинает воспринимать их как людей, обладающих не только недостатками, но и положительными качествами. С другой стороны, в тексте явно проступает несколько иное восприятие самих диких просторов. Они по-прежнему трактуются Роландсон как вместилище сил зла, где проживают слуги Дьявола, но, руководствуясь аллегорическим переосмыслением библейской пустыни, героиня пытается найти путь духовного освоения этого пространства.

У Роландсон аллегорическое восприятие диких просторов — это уже не монокартина. В её трактовке исследуемого мотива наблюдается одновременное соединение метафорического изображения пустыни и христианского дома, что также даёт возможность усмотреть эволюционные изменения в развитии самого мотива, который в последующем трансформируется в мотив фронта и найдёт своё яркое проявление, например, в романах Ф. Купера. Подчеркнём, что покорение дикой природы, способность превратить заселённые переселенцами территории в земной рай — это тоже характеристика *Нового Адама*.

Особое значение в дневниковых записях Роландсон имеет рассмотренный выше мотив предопределения. Раскрывается он в русле общего пуританского понимания, однако рассказчица, безоговорочно принимая идею промыслительности, делает сознательные усилия к тому, чтобы следовать «прямым указаниям» Библии. Автор вводит в повествование настоящий психологический анализ своего поведения в разных ситуациях. Возможно, впервые в этом произведении литературы колониального периода так отчётливо проявилась тенденция к я-центризму. В определённой степени это ведёт к интересному переосмыслению героиней самой идеи промыслительности. Так, наряду с Создателем и личность в произведении оказывается максимально значимой и выступает на передний план. Соответственно в сочинении присутствуют два символических образа, между которыми намечается диалог. Отметим, что на страницах дневника Роландсон также предлагаются символические толкования реальных событий. Объективная действительность и метафора в её повествовании сливаются.

Не менее значимым для создания образа *Нового Адама* оказывается и мотив трудолюбия. При этом обязанность и необходимость трудиться на общее благо сочетается у жителей общин с безропотным выполнением даже самой тяжёлой работы. Более того, изнурительный труд не воспринимается как наказание, напротив, поселенцы-пуритане с радостью берутся за любое трудное дело. Такое поведение легко объяснимо. Оно обусловлено тем, что вся работа для *Американского Адама* — это исполнение повелений и поручений Господа.

Однако в прославлении труда в некоторых дневниковых записях наблюдается определённое смещение акцентов. В них можно отметить элементы такой черты *Нового Адама*, как индивидуализм. Тяжесть производимых поселенцами работ в начале освоения новых территорий действительно вынуждала колонистов трудиться на общее благо. Однако, достигнув более или менее сносных условий жизни, они начинают понимать, что личная заинтересованность в выполняемой работе оказывается более продуктивной. Об этом прямо пишет в своём дневнике У. Брэдфорд: «This [distribution of the land] had very good success; for it made all hands very industrious... and gave far better content» [6: p. 105].

В этом высказывании явно проступает начало эволюции рассматриваемого мотива, ибо в XVIII веке в своих сочинениях Б. Франклин открыто заявляет о том, что именно благодаря личной выгоде люди становятся трудолюбивыми.

В произведениях XVII века (на начальном этапе формирования национального самосознания) возникает гражданский идеал нового общества. Вполне логично, что на первый план выступают категории *свободы* и *равенства*, столь необходимые для образа *Нового Адама*. Наиболее отчётливо это можно проследить в «Дневнике» (1630–1649) Дж. Уинтропа (1588–1649) [5]. Мотивы свободы и равенства (в его собственном понимании), трудолюбия звучат в дневнике этого автора весьма мощно, образуя ядерную часть изучаемых мотивов. Тем не менее мотивы провиденциальности, избранности и негреховности также значимы для его работы.

Хотя «Дневник» Уинтропа писался практически одновременно с сочинением Брэдфорда, он представляет собой уже иной вид дневникового повествования. Весь пафос этого сочинения направлен на описание и анализ необходимых параметров для вновь создаваемого объединения граждан, подчиняющихся воле магистратов (под магистратами понимались представители теократического органа управления), которое в таком виде мыслилось автором как идеальное гражданское общество. Построение последнего воспринимается Уинтропом как основная прагматическая задача для колонистов. Её неоспоримость доказывается в его произведениях постоянными примерами-символами и специфическим осмыслением мотивов. Религиозный фон, естественно, занимает и в этом произведении существенное место. Иначе и быть не могло в творении истинного пуританина, каковым, без сомнения, являлся губернатор Массачусетской колонии. Все эти качества оказываются естественными и для *Нового Адама*, жителя североамериканского континента. При этом возможность свободно следовать канонам единственно правильной, с точки зрения пуритан, религии и здесь выступает на первый план.

Однако идеальное общество будущего приобретало отнюдь не однозначные черты для всех, кто населял Новую Англию. Естественно, что все они преследовали единую цель — распространять на неосвоенных территориях, незнакомых с учением Христа, истинную религию. Казалось бы, единая цель — создание христианского общества — должна была способствовать единому

пониманию того, каким этому обществу надлежало быть. В реальности же всё происходило иначе. Понимание гражданского идеала у членов общины, которые могли претворить эту цель в жизнь, не было однозначным. Гражданский идеал для Уинтропа — это такое устройство общества, в котором наличествует авторитарное управление колониями при помощи магистратов.

Как явственно следует из сочинений Р. Уильямса (1603–1683) и С. Сьюолла (1652–1730), эти авторы абсолютно иначе понимали решение этой проблемы. Их точка зрения не совпадала с убеждением Уинтропа, что законы построения мироздания определяются неравенством людей. Этот антидемократический тезис был неприемлем для Р. Уильямса, который отвергал принуждение и теократизм. Этот выдающийся мыслитель Новой Англии не мог принять разделяемую большинством его сограждан точку зрения в отношении инакомыслия. Он призывал к толерантности и утверждал, что люди должны исповедовать те религиозные убеждения, которые они полагают правильными: «...all Religions should enjoy their liberty...» [7: p. 97].

С антидемократическими заявлениями Уинтропа не может согласиться и С. Сьюолл [4]. В своем «Дневнике», который он начал вести в 1674 году, а завершил в начале XVIII века, автор отводит много места анализу категории свободы. Однако это понимание вступает в противоречие с тем, как рассматривает свободу Уинтроп. Оба автора считают, что свобода является безусловно значимой категорией для создаваемого нового общества на заокеанских землях. Но в противовес Уинтропу, который распространяет её лишь на небольшую группу избранных, Сьюолл считает, что свобода в самом широком смысле слова должна быть присуща всем гражданам идеального общества. Он настаивает на отсутствии института рабства.

Сопоставление работ этих авторов даёт основание утверждать, что уже в XVII веке появляются интерпретационные различия в трактовке исследуемых нами мотивов. Эти несовпадения можно выявить в вышеуказанных текстах. Взгляды Уинтропа на структуру нового общества коренным образом отличались от понимания того, каким видел его Уильямс. Для последнего неприемлемым было общепринятое положение, что только избранным отводится особая роль в идеальном гражданском устройстве. Свобода и равенство трактуются в его произведениях с противоположных Уинтропу позиций.

Анализ выделенных для исследования мотивов различных произведений колониальных авторов XVII века даёт основания утверждать, что в изучаемую историческую эпоху существовало определённое мировоззренческое противостояние в их понимании. Так, гражданский идеал, выраженный в сочинениях Дж. Уинтропа, Р. Уильямса и С. Сьюолла, предлагаемые в них трактовки анализируемых мотивов избранности, свободы, равенства позволяют говорить о значительных расхождениях и даже противоположных воззрениях авторов.

Интерпретация раннеколониальными сочинителями изученных мотивов и их конкретные проявления в рассмотренных работах далеко не всегда одно-

значны. Нельзя также утверждать, что все они одинаково широко используются во всех произведениях. Однако эти мотивы, безусловно, значимы для вышеперечисленных литераторов и входят в виде слагаемых в художественную картину мира, созданную авторами в XVII веке. Религиозный и гражданский идеалы играют существенную роль в осмыслении облика *Нового Адама*, что явно выражается через идейные и сюжетно-образные функции проанализированных мотивов.

Отметим, что почти у всех литературных образов XVII века наличествует их мифологический или легендарный прообраз. Если выразить данное положение дел метафорически, то его можно представить в виде зерна, которое упало на плодородную почву и «проросло» в произведении в качестве определённого образа. Это утверждение правомерно и применительно к феноменам *Нового Адама* и *Нового Эдема*. Со своей исторической родины колонисты привезли мечту и о том, и о другом. Выполнение особой миссии (*errand into the wilderness*) и желание соответствовать представлению об избранности входят в качестве важных элементов в зарождающуюся литературу колониального периода. В самом начале формирования американской словесности различные идеальные характеристики, а также качества, присущие самим колонистам, переплетаясь, начинали слагаться в мотивы (избранность, трудолюбие, равенство, свобода). Объединяясь, они формировали собирательный образ *Нового Адама*.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что все выделенные мотивы, возникшие в XVII столетии, продолжают развиваться в литературе последующих столетий. Часть из них (например, мотивы диких просторов, свободы, провиденциальности) эволюционируют. Другие, изменяясь, значительно трансформируются (мотив избранности). Третьи (например, мотив трудолюбия) из произведений раннеколониального периода переходят в качестве основной составляющей в фундамент нравственно-этической концепции, изложенной в сочинениях Б. Франклина.

Подчеркнём также, что религиозный идеал, занимавший центральное место в сознании переселенцев в начале XVII века, к концу столетия начинает смещаться на периферию. На первый план американского самосознания выходит гражданский идеал, когда колонисты начинают проявлять желание воспринимать себя, в первую очередь, как нацию, независимую от метрополии, и когда происходит дальнейшая эволюция мотивов свободы и равенства и их конкретизация в новых условиях существования.

Таким образом, можно сказать, что собирательный образ Нового Адама в XVII веке представляет собой негреховного, избранного Всевышним свободного человека, который постоянно трудится, осваивая дикие просторы, борется за равные права живущих на новой земле людей и верит в Провидение и всемогущество Создателя.

Библиографический список***Источники***

1. American Literature Survey. Vol. 1. Colonial and Federal to 1800 / Ed. by Milton R. Stern. – New York: The Viking Press, 1962. – 614 p.
2. *Bradford W.* History of Plymouth Plantation: 1606–1646 / W. Bradford. – S. l., 2001. – 470 p.
3. *Rowlandson M.* Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson / M. Rowlandson. – New York: s.a. – 39 p.
4. *Sewall S.* The Diary // American Literature Survey / S. Sewall; ed. by Milton R. Stern. – New York: The Viking Press, 1962. – P. 75–88.
5. The Journal of John Winthrop 1620–1649 / Ed. by R.S. Dunn and L. Yeandle. – Cambridge: Massachusetts: London: Harvard University Press, 1996. – 354 p.
6. The Puritans / Ed. by P. Miller and Th.H. Johnson. – New York: Cincinnati, Chicago: American Book Company, 1938. – 846 p.
7. *Williams R.* The Complete Writings of Roger Williams / R. Williams. – Vol. 1. – New York: The Baptist Standard Bearer, 2005. – 412 p.

Литература

8. *Афанасьева О.В.* Развитие и трансформация мотива «предопределение» в американской литературе XVI–XIX веков / О.В. Афанасьева // Вестник МГПУ. – 2012. – № 2 (10). – С. 8–15.
9. *Баранова К.М.* Истоки основных лейтмотивов американской литературы в произведениях колониального периода (XVII век): монография / К.М. Баранова. – М.: МГОУ, 2009. – 258 с.

References***Istochniki***

1. American Literature Survey. Vol. 1. Colonial and Federal to 1800 / Ed. by Milton R. Stern. – New York: The Viking Press, 1962. – 614 p.
2. *Bradford W.* History of Plymouth Plantation: 1606–1646 / W. Bradford. – S. l., 2001. – 470 p.
3. *Rowlandson M.* Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson / M. Rowlandson. – New York: s.a. – 39 p.
4. *Sewall S.* The Diary // American Literature Survey / S. Sewall; ed. by Milton R. Stern. – New York: The Viking Press, 1962. – P. 75–88.
5. The Journal of John Winthrop 1620–1649 / Ed. by R.S. Dunn and L. Yeandle. – Cambridge: Massachusetts: London: Harvard University Press, 1996. – 354 p.
6. The Puritans / Ed. by P. Miller and Th.H. Johnson. – New York: Cincinnati, Chicago: American Book Company, 1938. – 846 p.
7. *Williams R.* The Complete Writings of Roger Williams / R. Williams. – Vol. 1. – New York: The Baptist Standard Bearer, 2005. – 412 p.

Literatura

8. *Afanasyeva O.V.* Razvitie i transformaciya motiva «predopredelenie» v amerikanskoj literature XVII–XIX vekov / O.V. Afanasyeva // Vestnik MGPU. – 2012. – № 2 (10). – S. 8–15.
9. *Baranova K.M.* Istoki osnovny'x lejtmotivov amerikanskoj literatury' v proizvedeniyax kolonial'nogo perioda (XVII vek): monografiya / K.M. Baranova. – M.: MGOU, 2009. – 258 s.

Л.В. Евдокимова

Портрет и имя в экфрасисе Ф. Сологуба

В статье исследуются особенности религиозного экфрасиса Ф. Сологуба. В эссе «Елисавета» (1905) описание портрета и этимология имени императрицы выполняют аналогичные художественные функции: акцентируют напряжённые отношения между божественным и человеческим уровнем бытия и являются выражением архетипа Самости.

The article investigates the particularities of F. Sologub's religious ekphrasis. In his essay «Elisaveta» (1905), the description of the portrait and the etymology of the Empress's name perform similar functions: they accentuate tensions between the divine and human levels of existence and are an expression of the archetype of Selfness.

Ключевые слова: Ф. Сологуб; религиозный экфрасис; учение Вл. Соловьёва о Софии; архетип; имя.

Keywords: F. Sologub; religious ekphrasis; V. Solovyov's doctrine of Sophia; archetype; name.

В основе введённого Л. Геллером филологического понятия «религиозный экфрасис» заложен религиозный принцип, который не только побуждает к духовному созерцанию и постижению высшего мира; это «принцип сакрализации художественности как гарантии целостности восприятия» [4: с. 19]. Поэтому для религиозного экфрасиса определяющей является проблема соотношения слова и живописи [10: с. 59]. Так, П. Флоренский в своей работе «Иконостас» (1912–1922) утверждает, что икона и проповедь равносильны по воздействию. Икона свидетельствует «воплощённое Слово»; это означает, что «и речь, и икона непосредственным предметом своим, от которого они неотделимы и в объявлении которого вся их суть, имеют одну и ту же духовную реальность» [12: т. 2, с. 516]. Слово религиозного экфрасиса расширяет пространственно-временные границы, выражает то, что не визуализировано, но познаётся религиозным сознанием, наконец — «удваивает, усиливает... пограничность», «грань миров» [10: с. 65]. Между тем в русской литературе нового времени описание секулярных изображений нередко предполагает «память» об иконном первообразе. Иконическая традиция позволяет обнаружить названные выше свойства религиозного экфрасиса в описаниях «мирских» картин. Действительно, особенностью экфрасиса в русской литературе нового времени является тенденция к «иконизации»: «за описанием картины в русской литературе так или иначе мерцает иконическая христианская традиция иерархического предпочтения «чужого» небесного «своему» земному» [5: с. 43].

Противостояние несовершенного настоящего универсально-духовному влечёт за собой преодоление оппозиций, структурирующих модель земного мира [5]. Оригинальным преломлением указанных свойств русского экфрасиса является эссе Ф. Сологуба «Елисавета» (1905), которое посвящено «двойному» портрету кисти французского художника Ж.-Л. Монье, изображающему императрицу Елисавету Алексеевну, жену Александра I. Интерпретация композиционных особенностей портрета в эссе сопряжена с семантикой и функционированием в русской культуре имени изображённой женщины.

«Семиотические процессы, происходящие на границе слова и изображения, совершаются именно в промежуточной сфере воображения» [10: с. 59], — утверждает современный исследователь религиозного экфрасиса. Поэтому есть смысл обратиться к теории архетипов К.Г. Юнга. В авторской интерпретации портретного образа Елисаветы из одноимённого эссе Сологуба просматривается попытка соединения религиозных учений Востока о самости как высшем внутреннем Я и религиозно-философской концепции Вл. Соловьёва о Софии, Душе Мира. В этом случае наблюдается интеграционное свойство архетипов, которое «состоит в их взаимном струящемся проникновении друг в друга», «переплетённости» [14: с. 111–112]. В экфрасисе Сологуба прослеживается процесс претворения архетипа *Анима*, который символически может быть выражен в духовном поклонении женщине [13: с. 274–296], в архетип *Самость*, который означает достижение личностного единства и целостности. *Самость* в учении Юнга граничит с понятием «Бог» и определяется как «верховная личность», как «цель процесса индивидуации» — становления сущности человека через гармонизацию сознательного и бессознательного, через переживание ситуации противоречия, которая не может быть разрешена усилиями разума [14: с. 95, 120]. Для религий Востока (брахманизма, даосизма и даже буддизма) характерна сознательная установка на преодоление неизбежных психологических противоречий, которая мыслится как единственно возможный путь спасения; принцип освобождения от противоположностей — «поклонение самому себе, своей самости (саморазвитие)», тому, что определяется как «Бог внутри нас» [13: с. 239–331, 269, 271–274]. Сологуб испытал непосредственное влияние буддийского учения, которое отводит человеку исключительную роль в мироздании [15: с. 190]. В эссе 1906–1907 гг. поэт утверждал, что и благо, и зло — реальность, созданная самим человеком, поэтому разделение мира на «Я» и «не-Я» есть иллюзия. Каждая личность должна стремиться к изначальному единению противоположностей в совершенном, Абсолютном «Я», потенциал которого содержится в каждом живом существе [3: кн. 2, с. 148–171]. Поэтому женщина в психологической реальности и эстетических представлениях Сологуба не предмет поклонения, но изоморфная часть высшего «Я» (см. стихотворение «Елисавета, Елисавета...», трилогию «Творимая легенда»).

Между тем с точки зрения психоанализа предназначение жанра портрета может быть определено как побуждение к гармонизации внутреннего мира, к обретению Самости, характеризуемой также как «тотальный человек» — «то, кем он на самом деле является, а не только то, каким он себе кажется» [14: с. 119].

В связи с этим уместно отметить, что, согласно Ю.М. Лотману, живописный портрет — «наиболее философский жанр живописи», который «в основе своей строится на сопоставлении того, *что человек есть*, и того, *чем человек должен быть*», предполагает «столкновение сущности и исторической реальности» [9: с. 510, 515]. Экфрасис в эссе Сологуба основан на сравнении двух изображений Елисаветы Алексеевны (профильного и анфасного), которое экстраполируется на соотношение *я* повествователя и портрета в целом. Пересечение границы между пространством картины и пространством зрителя означает переход от профанического к сакральному, что маркируется расширением представлений повествователя о своей личности и о сути человеческого *я*. Через весь текст эссе «Елисавета» проходит лейтмотивная самохарактеристика портретного образа императрицы: «*Это Я*» [2]. В отличие от Юнга, в терминологии которого *Я* (эго) рассматривается как часть *Самости*, в творчестве Сологуба *Я* становится основным символом данного архетипа. Однако ассоциации сологубовского *Я* с восточными религиями (Атманом в индуизме или единым *Я* в буддизме) могут быть освоены в русле идей «нового религиозного сознания», предполагающих интеграцию различных религий и философии. Эссе «Елисавета» было написано в тот период творчества Сологуба, когда писателя привлекала возможность «взаимопроникновения» буддизма и христианства, буддизма и гностицизма (эссе «Жалость и любовь», 1904).

В мифотворчестве Сологуба суть соотношения «*я*» человеческого и «*Я*» Абсолютного определяется одновременной проекцией на различные религиозные и философские источники, создавая эклектичное смысловое пространство. В эссе «Елисавета» *Я* «Вечного Лица», созидающего преходящий мир, населённый призрачными феноменами, как «жестокую и нежную игру», как «дивное кружение» [2: с. 130–131], восходит к буддийской концепции единого абсолютного сознания, образующего в пространстве сансары множество иллюзорных субъектов [15: с. 190–195]. Одновременно выражение связи *я* повествователя с Абсолютным *Я* как подвижного процесса, то сближающего, то отдаляющего друг от друга полнота личностной вертикали бытия, не противоречит христианским идеям синергии. Характерно, что личностная иерархия акцентируется здесь графически — противопоставлением эмпирического *я* повествователя и «*надмирного*» *Я*, которое прозревается в портретном образе Елисаветы.

Сологуб высвечивает в живописном образе императрицы Елисаветы Алексеевны бытийные черты в координатах символистских представлений. В эссе «Елисавета» Сологуб следует интерпретационному подходу в традиции экфрасиса и привычному «пластическому» портрету противопоставляет «портреты музыкальные», предназначенные для внутреннего видения [2: с. 129–130]. Известно, что в эстетике символистов доминировало представление о музыке как гармонии небесных сфер, как некоей метафизической основе творческого процесса и любого вида искусства. «Пластические» портреты, по мысли Сологуба, изображают «земное, преходящее». В «*музыкальных*» портретах, как в «высоких созданиях искусства», преодолевается профаническое содержание, земная «пластика»

образа и освобождается его божественная сущность [2: с. 129–130]. В эссе «Елисавета» символом сущности и её земных воплощений становится «двойной» портрет императрицы. Зеркало на полотне Монье (т. е. ситуация «удвоение удвоения») позволило автору эссе включить образ императрицы в новые смысловые связи, так как «возможность удвоения является онтологической предпосылкой превращения мира предметов в мир знаков» [9: с. 609].

Ко времени написания эссе в творчестве «младосимволистов» нашла выражение идея «зеркальности» как «основной универсальной структуры мира», в которой «выделяется двойственность... как принцип отношения между частями»; причем зеркальность реализуется и как изоморфизм, и как искажение образа в духе идей Платона [11: с. 129]. «Зеркальность» также соединяет символические значения личности, расколотой во множестве зеркальных отражений, которые, однако, стремятся к синтезу в Едином [11: с. 123, 125]. Зеркало на двойном портрете Елисаветы становится своеобразным камертоном смыслового и функционального многообразия «зеркальности», потому что Сологуб интерпретирует портрет в связи с важной для него эстетической оппозицией *Лик/Личина*. Лик — это одно из сологубовских определений всеединого, Абсолютного «Я», приобщиться к которому может развитая человеческая личность, ответственная за грехи мира и способная изменить действительность в жертвенно-творческом акте, слившись с Единой Волей. Личина — ложная маска «Я», следствие раздробленности социума, неправильного представления отдельного «я» о себе самом, толкающего на самозванство, или результат эстетической игры [3: кн. 2, с. 150–151, 156–157, 167–169]. В эссе Личины образа Елисаветы воспринимаются как «нежная», «святая» игра божества, созидающего земной мир. Им противостоят Личины-маски — портретные изображения, лишённые онтологической глубины и отдаляющие зрителя от приобщения к Единому. В портретном образе Елисаветы повествователь прозревает «Вечный Лик», избавление от разного рода Личин, которое возможно «в моменты Влюблённости», проявляется в гениальных творениях — «Джоконде» Леонардо да Винчи, «Сикстинской Мадонне» Рафаэля. К «отражению» второго порядка, значительно искажённому, Сологуб относит «совсем неинтересный» профиль Елисаветы в зеркале: это, как объясняет автор, Царица.

Обращает на себя внимание тот факт, что в эссе составляющие оппозиции *Лик / Личины* образуют относительно гармоничную систему (в отличие, например, от эссе «Человек человеку — дьявол»). Полагаем, это обусловлено тем, что и Лик, и Личины Елисаветы допустимо рассматривать как разные аспекты Софии, Души мира, обозначенные в трудах Вл. Соловьёва «Чтения о Богочеловечестве» (1880), «Россия и Вселенская Церковь» (1889). Философ определяет Софию как слияние идеального и материального начал в неразделённом тождестве: это «выраженная, осуществлённая идея», «тело Божие, материя Божества», «совершенное человечество» [1: с. 108, 113]. Корреляции *я/Я* в эссе Сологуба объяснимы и в рамках соловьёвского учения о Софии, как соотношение отдельной личности и воссоединённой с Божеством,

всечеловеческой Софии. По мысли Соловьёва, отдельные сущности (души) множественного тварного мира могут стремиться к самоутверждению вне воли Бога. Но цель мирового развития, в котором участвует каждая человеческая личность, — «постепенное одухотворение человека через внутреннее усвоение и развитие божественного начала» [1: с. 71], соединение человечества в идеальном организме, Софии, Душе Мира, которая в акте свободной воли должна подтвердить свою принадлежность к божественной ипостаси [1: с. 134–140]. В учении Соловьёва различают нетварный (тело Бога), тварно-нетварные (Богородица) и тварные аспекты Души Мира [8: с. 227–240]. «Мгновенные», преходящие Личины Елисаветы в эссе Сологуба ассоциируются как с тварно-нетварными («Дева-Мать»), так и с тварными аспектами Софии и являются олицетворением *Анимы*. Это, во-первых, интимно-романтический аспект, который означает земную возлюбленную как подругу в вечности. Вечная Женственность представлена в эссе через отсылки к известному поэтическому мифу А. Блока («И вот Прекрасная»; «Я предчувствовал её» [2: с. 131, 132]). Во-вторых, эстетически-творческий, эсхатологический аспекты, утверждающие претворение обманчивой, преходящей женской красоты в новое качество («...красота — “где твоё жало?”» [2: с. 131] — ср.: Ос. 13:14) и спасение мира этой новой красотой в последние времена, озаменованное явлением «Жены, облечённой в солнце» (Откр. 12:1) Ср. у Сологуба: «Жена... последняя, совершенная» [4: с. 131]. В портретном образе сологубовской Елисаветы за мерцанием разных Личин просвечивает некая Единая божественная сущность, трансцендентная целостность: «и на дивном Лице непередаваемое выражение надмирного восторга»; «дивный Лик побеждает в надмирном самоутверждении» [2: с. 130–131]. Полагаем, что в контексте соловьёвского учения Лик (Я) принимает черты дотварной Софии: это, по словам Лосева, «нетварная», «абсолютно божественная София, домировая и внемировая» [8: с. 229].

Черты софийности в образе Елисаветы находят выражение и в символической цветовой гамме портрета. Причем сочетание зелёного и жёлтого оказалось значимым для Сологуба не только в описании картины Ж.-Л. Монье («какая гармония жёлтого с золотым платья и восхитительных рук и плеч, какие рефлексии внизу от зелёной драпировки, которая кажется совсем чёрною!» [2: с. 131]), но и в портрете Елисаветы Рамеевой из «Творимой легенды»: «Платье... зеленовато-жёлтого цвета... Жёлтый цвет радовал Елисавету. В этом было очень далёкое, досознательное, воспоминание, словно из иной жизни, прежней» [3: кн. 1, с. 9–10]. Позднее П.А. Флоренский в своей работе «Небесные знамения (Размышления о символике цветов)» (1919) охарактеризует сочетание золотого и зелёного как признак «райского аспекта» Софии — «вне её определения или самоопределения к Богу». Согласно философу, «это тот духовный аспект бытия... при котором нет еще познания добра и зла... а есть лишь... свободное играние перед лицом Божиим, как зелёно-золотистые змейки у Гофмана... как играющее на солнце — море. Эта София, этот аспект Софии зрится золотисто-зелёным и прозрачно-изумрудным» [12: т. 2, с. 417–418]. Подтверждает устойчивость семантики данного цветового

сочетания в символистской литературе тот факт, что желто-зелёная гамма — отличительная черта «софийных» образов «райского аспекта» в романе Д. Мережковского «Александр I» (сон декабриста Одоевского) и в лирическом цикле Вяч. Иванова «Песни из лабиринта» («Знаки»). «Райский» аспект портретного образа Елисаветы означает отсутствие конфликта между творцом и творением, между человеком и Абсолютом, является показателем внутренней целостности, к которой стремится повествователь. Универсальный план становится доминантой и претворяет образ женской красоты в символ божественного всеединства.

Направление интерпретации портрета императрицы обусловлено, на наш взгляд, именем изображённой женщины. Этимология имени «Елисавета» восходит к словосочетанию «Бог Завета» [15: с. 461], т. е. для мифопоэтического сознания произнесение этого имени могло означать тайное упоминание Бога. В эссе Сологуба, как в религиозном экфрасисе, слово и живопись взаимообусловлены. Вследствие интереса автора к личностному аспекту бытия, к вопросу о трансцендентности человеческого я, портрет функционирует в экфрасисе как феномен, аналогичный по своей структуре имени. Взаимная замещаемость портрета и имени имеет общесемиотические предпосылки. Портрет, как и имя, балансирует между объектом знака и знаком [9: с. 501]. И портрет, и имя способствуют преодолению времени, соединению разных культурных эпох, выражению возвышенных чувств к давно умершей женщине — исторической личности. Так, в духе раннего символизма утверждался приоритет «текста искусства» над «текстом жизни». С другой стороны, мифопоэтический изоморфизм портрета и имени в эссе Сологуба может быть мотивирован и в русле идей платонизма. В диалоге «Кратил» проводится аналогия между именем и живописным изображением; утверждается, что и то, и другое не абсолютная копия предмета, но подражание каким-либо сторонам его сущности (430a–433b). Именно в культуре XX века укрепились представления о трансцендентной направленности портрета и имени. Так, П.А. Флоренский опирался на платоновское определение идеи как лика (εἶδος, δεα) — «созерцаемого вечного смысла» [12: т. 2, с. 434], когда писал о тождестве иконописного изображения и имени святого: «В существе своем икона есть не что иное, как лик и только лик. Но лик есть, в сущности, имя. Существо иконы будет, если на кусочке бумаги написать и м я святого» [12: т. 2, с. 778]. Благодаря имени и портрету человек раскрывает в себе и ближнем — образ и подобие Божие. Согласно А.Ф. Лосеву, имя, как воплощённость энергий сущности в материальном инобытии, есть не только энергетическая связка между Абсолютом и словом, преодоление дуализма между сущностью и индивидуальным сознанием. Это место сближения трансцендентной Личности с человеческим личностным уровнем: «Имя — порождение живых, взаимообщающихся личностей... Имя — личностный символ» [7: с. 820–821]. Похожая структура субъект-субъектных отношений определяет и философию портрета, охарактеризованную Лотманом через переходный тип картин, промежуточный между иконой и портретом. Двойственность природы портрета, в котором сосуществуют божественное и человеческое начала, выражает анфасное изображение лица Христа: «Лик Христа как бы представляет собой зеркальное

отражение того, кто на него смотрит... Отражение может воплощать собой упрёк или прославление, но оно всегда есть оценка. Зритель как бы получает критерий для суда над самим собой: он находится на оси зрения Бога и, следовательно, представляет собой как бы отражение божественной сущности... Зрителю как бы говорится: в тебя заложена внутренняя возможность Того, Чьи черты отражаются в твоём лице как в затуманенном зеркале» [9: с. 510]. В эссе «Елисавета» автор выражает аналогичные представления о портрете как взаимном отражении человеческого и божественного планов бытия. Отношение авторского эмпирического «я» к портретному образу императрицы как к «Вечному Лику» также имеет субъект-субъектный, оценочный характер: «И наперекор царящим в жизни Личинам, это — Я. Только я» [2: с. 130].

Язык живописного портрета в эссе аналогичен пространственному моделированию структуры имени. Вследствие онтологической иерархичности имя, как энергичная скрепа, одновременно направлено на трансцендентное и феноменальное [7: с. 613–801]. В эссе аналогичная пространственная функция портретного образа достигается, во-первых, как результат того, что мир картины связан с внешним миром, с точкой зрения *я* повествователя, который ощущает присутствие Абсолютного *Я* в совершенном портретном образе человека, но это значит, что портрет выявляет и божественное подобие профанического *я*. Во-вторых, структура, напоминающая строение имени, присутствует в пространстве картины. Анфасный образ Елисаветы, возвышенный до сакрального *Я*, проецируется на «искажённое» (неполное, профильное) отражение царицы в зеркале. Интерпретация «двойного» портрета высвечивает антитетичную семантику имени *Елисавета*: этимологические, глубинные смыслы противопоставлены историческим. Сологуба интересует не столько имя исторического лица, императрицы (хотя имена императоров в России имели «магический» смысл [12: т. 3, кн. 2, с. 193–194]), но имя, которое называет божество и потому отличается мощной духовной энергией, пожалуй, самое «именное» человеческое имя в координатах философии А.Ф. Лосева. Мифологизация имени, таким образом, осуществляется через совмещение синхронического и диахронического аспектов русской культуры. Если в послепетровском секуляризованном обществе центральное место занимали имена собственные, выражающие идею государственной власти, то в конфессиональной христианской культуре имена воспринимались как средство познания отношений человека и Бога, Божьего промысла [6: с. 133–136, 146–147]. Сологуб в эссе актуализирует изначальное предназначение собственного имени, которое у современников вызывало ассоциации прежде всего с царским престолом. Можно сказать, что портрет и имя в эссе «Елисавета» объединяет художественная функция умозрительного зеркала, отражающего бытийную ситуацию человека, что коррелирует с различными мифологическими системами, в которых с зеркалом связано божество. В эссе Сологуба имени и портрету, истинным зеркалам, противопоставлено зеркало, предмет на картине, которое акцентирует буддийские и индуистские представления о зеркале как напоминании об иллюзорности мира, придуманного сознанием.

Следовательно, в эссе «Елисавета» идентичность и взаимозамещаемость сакрального «Я» (Лица), имени *Елисавета* и портретного образа имеют свою мифопоэтическую мотивацию. Если позволительно восстановить логику Сологуба, то портретный образ и имя Елисаветы становятся для поэта символом сопряжения Абсолютного Я и человеческой личности. В координатах психоанализа это означает выражение архетипа *Самости*. Имя и портрет как знаковые системы дуалистичны в эссе Сологуба, однако омофоничность символической пары Я — я нацелена на снятие оппозиций между мужским и женским, жизнью и искусством, историей и вечностью, человеком и Абсолютом.

Библиографический список

Источники

1. *Соловьёв В.С.* Сочинения: в 2 т. / В.С. Соловьёв; сост. и подгот. текста Н.В. Котлерева; вступ. ст. В.С. Асмуса; примеч. Н.В. Котлерева, Е.Б. Рашковского. — Т. II: Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. — М.: Правда, 1989. — 735 с.
2. *Сологуб Ф.* Собрание сочинений: в 12 т. / Ф. Сологуб. — Т. X. Сказочки и статьи. — СПб.: Шиповник, 1911. — 230 с.
3. *Сологуб Ф.* Творимая легенда: в 2-х кн. / Ф. Сологуб; сост., подгот. текста, послесл. Л. Соболева; коммент. А. Соболева. — М.: Худ. лит., 1991.

Литература

4. *Геллер Л.* Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе / Л. Геллер // Экфрасис в русской литературе: сб. тр. Лозаннского симпозиума / Под ред. Л. Геллера. — М.: МИК, 2002. — С. 5–22.
5. *Есаулов И.А.* Экфрасис в русской литературе нового времени: картина и икона / И.А. Есаулов // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Н. Захаров. — Вып. 3. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2001. — С. 43–56.
6. *Запольская Н.Н.* Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры / Н.Н. Запольская // Имя: Семантическая аура: сб. ст. / Отв. ред. Т.М. Николаева. — М.: Языки славянских культур, 2007. — С. 133–150.
7. *Лосев А.Ф.* Бытие — имя — космос / А.Ф. Лосев. — М.: Мысль, 1993. — 958 с.
8. *Лосев А.Ф.* Страсть к диалектике / А.Ф. Лосев. — М.: Сов. писатель, 1990. — 320 с.
9. *Лотман Ю.М.* Об искусстве. / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство — СПб, 1998. — 704 с.
10. *Меднис Н.Е.* «Религиозный экфрасис» в русской литературе / Н.Е. Меднис // Критика и семиотика. — Вып. 10. — Новосибирск, 2006. — С. 58–67.
11. *Миц З.Г.* Поэтика русского символизма / З.Г. Миц. — СПб.: Искусство — СПб, 2004. — 480 с.
12. *Флоренский П.А.* Сочинения: в 4 т. / П.А. Флоренский; сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубочёва), П.В. Флоренского, М.С. Трубочёва. — М.: Мысль, 1994–2004.
13. *Юнг К.Г.* Психологические типы / К.Г. Юнг. — СПб.: Ювента; М.: Прогресс — Универс, 1995. — 717 с.
14. *Юнг К.Г.* Структура психики и архетипы / К.Г. Юнг. — М.: Академ. проект, 2007. — 303 с.

Справочные и информационные издания

15. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – Т. I. – М.: Сов. энциклопедия, 1991.

References*Istochniki*

1. *Solov'ov V.S.* Sochineniya: v 2 t. / V.S. Solov'ov; sost. i podgot. teksta N.V. Kotlereva; vstup. st. V.S. Asmusa; primech. N.V. Kotlereva, E.B. Rashkovskogo. – Т. II: Chteniya o Bogochelovechestve. Filisofskaya publicistika. – М.: Pravda, 1989. – 822 s.

2. *Sologub F.* Sobranie sochinenij: v 12 t. / F. Sologub. – Т. X: Skazochki i stat'i. – SPb.: Shipovnik, b. g. – S. 129–132.

3. *Sologub F.* Tvorimaya legenda: v 2 kn. / F. Sologub; sost., podgot. teksta, poslesl. S. Soboleva; komment. A. Soboleva. – М.: Xud. lit., 1991.

Literatura

4. *Geller L.* Voskresenie ponyatiya, ili Slovo ob e'kfrasis / L. Geller // E'kfrasis v russkoj literature: sb. tr. Lozannskogo simpoziuma / Pod red. L. Gellera. – М.: MIK, 2002. – S. 5–22.

5. *Esaulov I.A.* E'kfrasis v russkoj literature novogo vremeni: kartina i ikona / I.A. Esaulov // Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov: sb. nauch. tr. / Otv.red. V.N. Zaxarov. – Vy'p. 3. – Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo un-ta, 2001. – S. 43–56.

6. *Zapol'skaya N.N.* Refleksiya nad imenami sobstvenny'mi v prostranstve i vremeni kul'tury' / N.N. Zapol'skaya // Imya: Semanticheskaya aura: sb. st. / Otv. red. T.M. Nikolaeva. – М.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2007. – S. 133–150.

7. *Losev A.F.* By'tie – imya – kosmos / A.F. Losev. – М.: My'sl', 1993. – 958 s.

8. *Losev A.F.* Strast' k dialektike / A.F. Losev. – М.: Sov. pisatel', 1990. – 320 s.

9. *Lotman Yu.M.* Ob iskusstve / Yu.M. Lotman. – SPb.: Iskusstvo – SPB, 1998. – 704 s.

10. *Mednis N.E.* «Religiozny'j e'kfrasis» v russkoj literature / N.E. Mednis // Kritika i semiotika. – Vy'p. 10. – Novosibirsk, 2006. – S. 58–67.

11. *Mincz Z.G.* Poe'tika russkogo simvolizma / Z.G. Mincz. – SPb.: Iskusstvo – SPB, 2004. – 480 s.

12. *Florenskij P.A.* Sochineniya: v 4 t. / P.A. Florenskij; sost. i obshh. red. igumena Andronika (A.S. Trubachyova), P.V. Florenskogo, M.S. Trubachyova. – М.: My'sl', 1994–2004.

13. *Yung K.G.* Psixologicheskie tipy' / K.G. Yung. – SPb.: Yuventa; М.: Progress – Univers, 1995. – 717 s.

14. *Yung K.G.* Struktura psixiki i arxetipy' / K.G. Yung. – М.: Akadem. proekt, 2007. – 303 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

15. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – Т. I. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 671 s.

И.И. Матвеева

Феномен дома и его художественное воплощение в творчестве А.П. Платонова

В настоящей статье *Дом* представлен как феномен и важнейшая составляющая художественного мира А.П. Платонова. Дом у Платонова — многомерное явление, имеющее сложную структуру, когда каждый последующий уровень осмысления образа множит и углубляет его потенциальные значения, актуализирует их. Автор статьи условно делит все дома у Платонова на две группы: жильё обычных людей, мало пригодное для жизни, и «идеальный» *Дом*. В конечном итоге автор статьи подводит к онтологическому пониманию феномена, представляя *Дом* в творчестве Платонова как модель мира.

In this paper *Home* is introduced as a phenomenon and the most important component in the creative world of Andrey Platonov. Platonov's Home is a multidimensional phenomenon with a complicated structure. Every subsequent level of understanding multiplies and extends its potential senses and actualizes them. All Platonov's homes can be conventionally divided into 2 groups: common people's houses, which are not quite livable, and the «ideal» *Home*. As a result, the author of this article leads to an ontological comprehension of this phenomenon presenting *Home* in A. Platonov's creative work of as a world model.

Ключевые слова: Андрей Платонов; феномен; дом; «идеальный» *Дом*.

Keywords: Andrey Platonov; phenomenon; Home; «ideal» *Home*.

На первый взгляд может показаться, что обозначенной в заглавии научной проблемы в платоноведении не существует, так как у А.П. Платонова нет такого яркого проявления национального «духа дома», как, например, у Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого. А типичный платоновский герой, выражаясь словами А. Белого, это «безродный, бездетный, безбытный чудак» [6: с. 285]. И всё же совокупность платоновских произведений даёт осязаемое представление о *Доме* как важнейшей составляющей его художественного мира. (Здесь и далее курсив мой. — И.М.) Образ дома, конечно, многократно попадал в поле зрения платоноведов [5; 7–9; 11]. Однако и сегодня остаётся масса нерешённых вопросов, связанных со сложностью поэтического языка писателя, когда образ в силу своей многоуровневости начинает осмысляться как модель онтологического свойства.

В настоящей статье *Дом* выявляется прежде всего как эстетический объект, представленный в чувственном созерцании, отграниченный от реального мира художественным пространством и временем, как сфера соприкосновения сознания, человеческого бытия и предметного мира (Э. Гуссерль). Художественный мир Платонова, поражающий необычным авторским видением и неожиданным

преломлением жизненного материала, действительно даёт основание для подобного рассмотрения.

Изучив множество произведений Платонова, мы обнаружили, что *Дом* у писателя постоянно возникает в самых разных ракурсах. Образ может находиться в центре или на периферии смысла, дополнять характеристику героя, воплощать место его обитания, соотноситься с родными людьми, семьёй, а также иметь множество дополнительных смыслов. Но, как известно, в художественном тексте не бывает случайных деталей, каждая из них играет роль в создании целостного смысла произведения. На основании сказанного представим примерную структуру художественного феномена в виде следующей схемы:

1. Дом — жилище, убежище, место обитания (село, город, малая родина).
2. Дом — семья, родные и близкие люди.
3. Дом как историческое прошлое и связь с предками.
4. Кладбища, могилы, гробы как подобие «другого» дома.
5. Дом — большая родина, СССР.
6. Дом как высшая сущность, связанная с понятиями *истина, правда, справедливость, будущее, обиталище души*.

В рамках одной статьи, разумеется, невозможно осветить все аспекты данного художественного феномена, поэтому уделим внимание лишь некоторым, на наш взгляд, наиболее характерным его чертам, коррелирующим с необычным мировидением писателя.

Платоновских героев нередко называют сиротами, лишёнными домов и родственных связей. Во многом это справедливо, если учесть, что Платонов отразил время, когда революции и войны разрушили прежнюю жизнь и многие люди в силу трагических обстоятельств утратили дома. Исходя из этого, Платонов создал персонажей, не привязанных к быту. Большинство из них живёт в землянках, ветхих избушках, хижинах, регулярно затопляемых внешними водами, засыпаемых песками. Так, дом одного из героев повести «Ямская слобода» построен на свалке и мало чем отличается от утиля: «...дом Свата был... без оконных рам, без печки и без потолка: одни стены и редкая железная крыша» [4: с. 246].

Заброшенные, мало пригодные для жизни дома чаще всего попадают в поле зрения платоновских героев и рассказчика. «Хижины» безвестных городков и мельницу с «ветхими крыльями» видит из окна вагона герой повести «Город Градов» Иван Шмаков; видом старого дома «с деревянными ветхими воротами», поросшими «тихим мхом», открывается экспозиция повести «Ямская слобода». В этом же ряду находится землянка Захара Павловича из романа «Чевенгур», ветхая хижина в рассказе «Среди животных и растений» и т. д. Платонов настойчиво подчёркивает в подобных жилищах черты обречённости, близости смерти. Так, Чиклин, герой повести «Котлован», бродя вокруг кафельного завода, наблюдает «ветхость отживающего мира»: «...он увидел один забор, у которого сидел и радовался в детстве, а сейчас тот забор *заиндевел мхом*, наклонился, и *давние звёзды*

торчали из него, освобождаемые из тесноты древесины силой времени <...>. Здание завода теперь стало ниже, ибо постепенно *вросло в землю*» [3: с. 405].

Кажется, что «старому» *Дому* революция нанесла непоправимый урон. Вот характерное описание из повести «Хлеб и чтение»: «Кроме пожара, вихря, ливневого размыва и другого бедствия деревенской стихии, были, видимо, *другие стихии, которые разрушали сельские избы с могуществом и точностью урагана*. Мимо одной такой избушки Душин прошёл было, но потом вернулся к ней с грустным чувством. Эта изба походила на старушку, оставшуюся одинокой в мире после похорон всех своих поколений... она стояла в *нечистоплотном беспамятстве, в обмороке отчаяния*. <...> Ветер или время уничтожили с крыши все остатки соломы, и бедность ничем не сумела покрыть *тощие жерди*; побелку стен и даже глину выел дождь, так что виднелись наружу самые *кости избушки* — кривые бревна, уложенные туда не позднее середины девятнадцатого века... ни фундамента, ни завалинки у избушки не было, а если что было, то уже *ушло в землю* — таким образом это ветхое жилище заживо погружалось в свою *могилу*» [4: с. 444].

Нагнетание деталей, коррелирующих с образами болезни и смерти, создаёт устойчивое впечатление, что «старый» *Дом* — слабая защита не только от природных стихий, но и от житейских невзгод. Возможно, поэтому герои Платонова не любят осёдлую жизнь, словно остановка на пути неизбежно приведёт к смерти. Например, герой рассказа «Глиняный дом в уездном саду» Яков Саввич «боялся всякого убежища, точно *сухой могилы*» [1: с. 343], заброшенный домик его соседки-старухи и вовсе похож на склеп.

Мотив страдания, связанный со «старым» *Домом*, возникает из сопоставления его с тюрьмой: в «Ямской слободе» как вынужденная неволя воспринимается брак Захара, казематом с ежедневными пытками становится дом для жены Спиридона Матвеевича. Одна из глав повести начинается описанием двухэтажного дома, самым страшным местом которого является «темница для лошади», ходившей по кругу и качавшей воду из колодца [4: с. 268]. Аналогия очевидна: тяжёлый труд лошади в тёмном сарае сравнивается с беспросветной судьбой Филата, олицетворяющего терпеливый народ.

Платонов не ставил перед собой цели реалистично описывать жилища своих героев. Для него это был способ показать своеобразную экзистенцию, выморочный мир, иллюстрирующий небратское состояние людей в мире.

Онтологическое одиночество переживается платоновскими героями от рождения до смерти. Так, сиротами чувствуют себя в своих домах герои рассказов «Семён», «Глиняный дом в уездном саду», «Корова», «Река Потудань», «Фро» и т. д. Поэтому люди тянутся друг к другу, чтобы в «теплоте» другого человека обрести хотя бы иллюзию дома-семьи. Примеры подобного притяжения обнаруживаются во многих вещах Платонова. Так, в рассказе «Глиняный дом в уездном саду» Яков Саввич поселился в доме одной молодой вдовы пропавшего шахтёра, «а потом постепенно женился на ней, приучив её к себе до того, что она любила его. В этом ничего особого не было: ведь женщине некуда деваться, кругом

равнодушное поле, в избе скудость и неуправка, у каждого своя забота, и человек ходит, молчит, — поэтому... двое людей начинают жить, прижавшись в жалобе друг к другу...» [1: с. 343].

Платоновские душевные бедняки, по сути, томятся по какой-то другой реальности, по *другому Дому*, где не будет страданий, нищеты, злобы от утраты или «порчи имущества», за которую в «старых» платоновских домах бьют «зверски, трепеща от умопомрачительной злобы, что с порчей вещей погибает собственная жизнь» [4: с. 250]. Не случайно любимые герои писателя если и дорожат какими-либо вещами домашнего обихода, то далеко не утилитарного назначения, но предметами, порождёнными изощрённым умом, фантазией. Например, жилище Захара Павловича, героя романа «Чевенгур», «было уставлено предметами его технического искусства — полный комплект сельскохозяйственного инвентаря, машин, инструментов, предприятий и житейских приспособлений — всё целиком из дерева. Странно, что ни одной вещи, повторявшей природу, не было: например, лошади, тыквы или ещё чего» [3: с. 7–8]. Все удивительные изобретения Захара Павловича (деревянная сковородка, бумажные дирижабли, башни из проволоки, деревянные часы, предназначенные для того, чтобы «ходить без завода — от вращения Земли») красноречиво свидетельствуют об ожидании героем чуда — *Дома*, где на первом месте будет не польза, а разум, красота и душевная гармония.

В поисках гармонии герои Платонова нередко покидают свои дома. Кто-то сам запирает дверь на замок и уходит странствовать. Таковы Евдоким Абабуренко, герой рассказа «Бучило», персонажи фантастических произведений, Фома Пухов из повести «Сокровенный человек». Кого-то лишила дома война (герои повести «Иван Жох», Никита Фирсов из рассказа «Река Потудань», Иванов из рассказа «Возвращение»), кого-то выгнали из родного дома нужда и сиротство (мальчик из рассказа «Глиняный дом в уездном саду», Москва Честнова из романа «Счастливая Москва»), кто-то покинул дом с целью обустроить жизнь на новом месте (герои повестей «Ямская слобода», «Иван Жох», Мария Нарышкина из рассказа «Песчаная учительница»). Но в подтексте «уходов» платоновских героев всегда лежат поиски истины, в нашем случае поиски «идеального» *Дома*, где воплотится родство всех со всеми.

Примечательно, что «уходу» из дома нередко предшествует душевное томление персонажа и «сильная грустная мечта о безвозвратном бродяжничестве» [1: с. 342]. Бурное революционное время платоновские «душевные бедняки» воспринимают как «великое странствие и осуществление сокровенной души в мире» [2: с. 58]. Этот момент является показательным, так как переносит странничество платоновских героев из бытовой плоскости (бездомье, социальная неустроенность) в плоскость онтологическую, бытийную, «уход» в таком случае воспринимается как попытка обрести *иной Дом*, принципиально отличающийся от имеющегося.

При этом любимые герои Платонова неосознанно пытаются сохранить в будущем «идеальном» *Доме* некоторые черты родительского очага, словно стремясь взять из прошлого слабо тлеющую частичку близкой души. Сват и Воцев, герои повестей «Ямская слобода» и «Котлован», собирают ветхие остатки брошенных кем-то вещей, своеобразные осколки чужого быта, сохраняя таким образом память о некогда живших людях. Отсутствие собственного дома порождает у них трепетное чувство ко всем проявлениям домовитости, семейственности, олицетворяет которые женщина. Так, герой повести «Сокровенный человек» Фома Пухов горюет об умершей жене, она связывается в его сознании с теплом и уютом семейного очага; Филат, герой повести «Ямская слобода», как сёстрам, сочувствует ослабевшей от родов жене Захара Васильевича и всеми понукаемой красавице Марфе Сухоруковой. Александр Дванов, герой романа «Чевенгур», на короткое время очаровывается домом вдовы, узнав в нём свою «детскую родину».

Но поистине символический образ женщины-матери появляется на страницах повести «Хлеб и чтение»: «Душин видел ничтожное существо, с костями ног, прорезающимися, как ножи, сквозь коричневую изрубцованную кожу. Душин нагнулся в сомнении и попробовал эту кожу — она была уже мертва и тверда, как ноготь, а когда Душин, не чувствуя стыда и горя, ещё далее оголил старуху, то нигде не увидел волоса на ней, и между лезвиями её костяных ног лежали, опустившиеся наружу, тёмные, высушенные остатки родины её детей; от старухи не отходило ни запаха, ни теплоты. <...> Душин увидел её облысевший череп, растрескавшийся на составные части костей, готовые развалиться и предать безвозвратному праху скупое скопленный терпеливый ум, познавший мир в труде и бедствиях. <...> Она задрала кофту и показала грудь — на ней висели два тёмных умерших червя, вьевшихся внутрь грудного вместилища, — остатки молочных сосудов, — а кожа провалилась между ребер, но сердце было незаметно, как оно билось, и вся грудь была так мала, что только немного и сухое могло там находиться, — чувствовать что-либо старухе было уже нечем, оставалось лишь мучиться... Такая грудь ничего уже не могла делать — ни любить, ни ненавидеть, но на ней самой можно было склониться и заплакать» [4: с. 454]. В этом натуралистическом описании старой женщины имплицитно присутствует образ «старого» *Дома*, покинутого домочадцами. Платонов подчёркивает, что тело старухи некогда было домом её детей («высушенные остатки родины её детей»). Подобно дому, который давно сослужил свою службу и теперь доживает в скудости и неизвестности, медленно погружаясь в землю, старая женщина также ещё при жизни превращается в прах. (Ср. с описанной выше избушкой-старушкой «в нечистоплотном беспамятстве» из той же повести.)

Иногда, довольно редко, Платонов поселял своих героев в уютные дома. Эти дома, как правило, принадлежат женщинам и связываются с «идеальным» *Домом*. Так, в рассказе «Река Потудань» Никита Фирсов вспоминает дом

учительницы: две тёплые комнаты с занавесками на окнах, бархатными красными креслами и пианино, на котором играла Люба. Тот же дом у возвратившегося с фронта Никиты вызывает совсем другие чувства: «Он медленно прошёл мимо дома... Зелёную краску на ставнях он знал только по памяти, теперь от неё остались одни слабые следы, — она выцвела от солнца, была вымыта ливнями и дождями, вылиняла до древесины; и железная крыша на доме уже сильно заржавела — теперь, наверно, дожди проникают через крышу и мокнет потолок над пианино в квартире. Никита внимательно посмотрел в окна этого дома; занавесок на окнах теперь не было, по ту сторону стёкол виднелась *чужая тьма*» [1: с. 430]. Контраст между заброшенным домом Любы и уютным домом учительницы ярче высвечивает центральную коллизию рассказа — историю любви двух молодых людей, словно замороженных страшными годами революций и войн. Ретроспективная картина «уютного» дома учительницы становится для героев идеалом семейной жизни, призраком будущей гармонии, о которой оба мечтают, но в силу обстоятельств не могут достичь.

Уютны квартиры героинь романов «Чевенгур» и «Счастливая Москва» Софьи Мандровой и Москвы Честновой. Примечательно, что обе девушки живут аскетично, не украшая свои комнаты дорогими вещами, и любят, свесившись, смотреть из окна на улицу, где кипит жизнь, точно стены собственного жилища тесны им. Эти героини не заботятся о своих домах и не дорожат ими. Тепло, исходящее от таких квартир, это тепло присутствия особенного человека. И поскольку идеальные героини Платонова традиционно связываются с Мировой Душой, Вечной Женственностью [7: с. 222], а их мечты устремлены в пространство идеальной жизни, то и на героинь переносятся черты «идеального» *Дома — Дома души*.

Мечта о прекрасном *Доме* заставляет платоновских героев действовать. Некоторые из них стремятся построить «идеальные» дома в реальности, и это строительство видится им как построение нового социума, а потому становится делом жизни. Они создают грандиозные проекты, пытаются воплотить их в жизнь, связывая с ними образ будущей социальной гармонии и душевного единства всех со всеми. Например, герой «Рассказа о многих интересных вещах» Иван Копчиков строит «чудодейственный дом» для всех жителей Суржи с символическим названием «Невеста». В огромном доме-саде он мечтает поселить не только всех людей, но в перспективе и животных, которых необходимо освободить от векового угнетения и «присоединить к человеку» [2: с. 372]. Расширить *Дом* до просторов Вселенной пытаются герои фантастических рассказов.

Самый яркий образ *Дома* будущего представлен в повести Платонова «Котлован». «Монументальный новый дом», по мнению его изобретателя Прушевского, не просто защита от непогоды, он призван наполнить людей «той излишней теплотою жизни, которая названа однажды душой» [3: с. 428]. С «общепролетарским домом», этим масштабным образом-символом,

писатель связывал многие задушевные мысли. Это и образ прекрасного будущего, и символ классового единства, братского общежития, и обитель души. В образе скрыто присутствует, что неоднократно отмечалось в платоноведении, мотив бессмертия. В таком контексте «идеальный» *Дом* становится оппозицией одиночных домов-склепов, домов-могил, обречённых на растворение в «растительном мире». Не случайно профуполномоченный перед строительством «общепролетарского дома» собирался показать «первой образцовой артели жалость старой жизни, разные бедные жилища и скучные условия, а также кладбище, где хоронились пролетарии», чтобы строители лучше поняли, зачем «нужен общий дом пролетариату» [3: с. 378].

Важно, что в творчестве Платонова *Дом земной* и все его составляющие в лучших традициях русской классической литературы связывается с Домом Небесным [10], выстраиваясь в символическую вертикаль. Причём библейские мотивы проявляются в текстах писателя имплицитно, ненавязчиво «подсвечивая» его сокровенные мысли. Так, в романе «Чевенгур» герои-чудаки наивно сравнивают город коммунизма с Градом Небесным: «Тут тебе и звезды полетят к нам, и товарищи оттуда спустятся, и птицы могут заговорить, как отживевшие дети» [3: с. 240]. В рассказе «Река Потудань» Никита Фирсов с удивлением отмечает перемены, произошедшие с людьми после революции и окончания гражданской войны: «...молодые обычно смеялись и близко глядели в лица друг другу, воодушевленные и доверчивые, точно они были *накануне вечного счастья*» [1: с. 431].

Так *Дом* становится сущностью, окрашенной понятиями *истина, справедливость, душа*. При этом *душа* для Платонова — высшая ипостась всего сущего, поэтому его герои озабочены прежде всего устройством *дома души*. Так, рабочие из рассказа «Усомнившийся Макар», строящие «вечный дом из железа, бетона, стали и светлого стекла», требуют от главного героя не технических новинок («мы и по мелочи дома поставим»). «Нам душа дорога, — говорят они. — Раз ты человек, то дело не в домах, а в сердце. <...> Даёшь душу, раз ты изобретатель!» [2: с. 228].

В рассказе «Среди животных и растений» образ избы даёт «ключ» к пониманию платоновского *Дома*: «Деревянная крыша той избы сопрела и поросла ветхим мхом, нижние венцы погреблись в землю, точно возвращаясь обратно в глубину своего родного места, и оттуда, из самого нижнего тела избышки, росли уже две новые слабые ветви, которые будут могучими дубами и съедят когда-нибудь в своих корнях прах этого изжитого, истраченного ветром, дождями и человеческим родом жилища» [1: с. 382–383]. В приведённом фрагменте отчетливо ощущается авторское мировидение, где деревенская изба, вариант «старого» *Дома*, связывается с образом мирового древа. Однако мифопоэтический образ преломляется здесь совершенно по-новому. Изба в противовес традиции не устремлена вверх, к небу, а, напротив, погружается в землю, в могилу, смиряясь со своей обречённостью и одновременно

осуществляя связь с прошлым, с предками. Символическая вертикаль (от земли к небу) присутствует только у платоновских домов-башен — «идеальных» *Домов* [7: с. 183]. Примечательно и то, что избышка изображается как своеобразное строительное вещество, из которого вырастет *Дом* будущего («слабые ветви... будут могучими дубами и съедят... прах этого изжитого... жилища»). Так взаимодействие пары антонимичных образов усиливает значение частей оппозиции, создавая метафору большой силы.

Таким образом, *Дом* в творчестве Платонова — это сложный субъективный феномен, обозначающий не только материальный предмет, данный в чувственном созерцании, но и художественный образ, отразивший экономическую и политическую ситуацию в стране. Это и объект, имеющий некую метафизическую сущность, обращённую к мирозданию и душе человека. В своих произведениях Платонов создал оппозицию «старого», «отживающего», и нового, «идеального», *Дома*. В духе времени он отразил ситуацию разрушения первого с присущей этой эпохе атрибутикой и в то же время придал образу сильнейший экзистенциальный посыл. В новом строящемся *Доме* писатель подчеркнул черты романтической возвышенности (дом-башня, дом-сад), однако в силу своей незавершённости образ обладает амбивалентностью и подвижностью смысловых рядов. Свои надежды писатель связал с социальной гармонией и всеединством, но перспективу «идеального» *Дома* он отодвинул в неопределённое будущее.

Библиографический список

Источники

1. Платонов А.П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы / А.П. Платонов. — М.: Время, 2010. — 624 с.
2. Платонов А.П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов. Стихотворения / А.П. Платонов. — М.: Время, 2009. — 656 с.
3. Платонов А.П. Чевенгур: Роман и повести / А.П. Платонов. — М.: Сов. писатель, 1989. — 656 с.
4. Платонов А.П. Эфирный тракт: Повести 1920-х — начала 1930-х годов. Собрание / А.П. Платонов. — М.: Время, 2009. — 560 с.

Литература

5. Баршт К.А. Поэтика прозы Андрея Платонова / К.А. Баршт. — СПб. : Изд-во С.- Петерб. гос. ун-та, 2000. — 319 с.
6. Белый А. Мастерство Гоголя / А. Белый. — М.-Л.: ОГИЗ, 1934. — 324 с.
7. Малыгина Н.М. Андрей Платонов: Поэтика «возвращения» / Н.М. Малыгина. — М.: Теис, 2005. — 334 с.
8. Маркштайн Э. Дом и котлован, или Мнимая реализация утопии / Э. Маркштайн // Андрей Платонов. Мир творчества. — М.: Современ. писатель, 1994. — С. 284–302.
9. Проскурина Е.Н. Мотив бездомья в произведениях А. Платонова 20–30-х гг. / Е.П. Проскурина // «Вечные» сюжеты русской литературы («блудный сын» и другие). — Новосибирск, 1996. — С. 132–141.

10. *Радомская Т.И.* Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в. Опыт духовного, семейного, государственного устройства / Т.И. Радомская. – М.: Совпадение, 2006. – 240 с.

11. *Фоменко Л.П.* «Дом» и «дорога» в романе А. Платонова «Чевенгур» / Л.П. Фоменко // Андрей Платонов: Проблемы интерпретации: сб. тр. – Воронеж: Траст, 1995. – 126 с.

References

Istochniki

1. *Platonov A.P.* Schastlivaya Moskva: Roman, povest', rasskazy' / A.P. Platonov. – М.: Vremya, 2010. – 624 s.

2. *Platonov A.P.* Usomnivshijsya Makar: Rasskazy' 1920-x godov. Stixotvoreniya / A.P. Platonov. – М.: Vremya, 2009. – 656 s.

3. *Platonov A.P.* Chevengur: Roman i povesti / A.P. Platonov. – М.: Sov. pisatel', 1989. – 656 s.

4. *Platonov A.P.* E'firny'j trakt: Povesti 1920-x – nachala 1930-x godov. Sobranie / A.P. Platonov. – М.: Vremya, 2009. – 560 s.

Literatura

5. *Barsht K.A.* Poe'tika prozy' Andreya Platonova / K.A. Barsht. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 2000. – 319 s.

6. *Bely'j A.* Masterstvo Gogolya / A. Bely'j. – М.-Л.: OGIZ, 1934. – 324 s.

7. *Maly'gina N.M.* Andrej Platonov: Poe'tika «vozvrashheniya» / N.M. Maly'gina. – М.: Teis, 2005. – 334 s.

8. *Markshtajn E'.* Dom i kotlovan, ili Mnimaya realizaciya utopii / E'. Markshtajn // Andrej Platonov. Mir tvorchestva. – М.: Sovrem. pisatel', 1994. – S. 284–302.

9. *Proskurina E.N.* Motiv bezdom'ya v proizvedeniyax A. Platonova 20–30-x gg. / E.P. Proskurina // «Vechny'e» syuzhety' russkoj literatury' («bludny'j sy'n» i drugie). – Novosibirsk, 1996. – S. 132–141.

10. *Radomskaja T.I.* Dom i Otechestvo v russkoj klassicheskoj literature pervoj treti XIX v. Opy't duxovnogo, semejnogo, gosudarstvennogo ustroeniya / T.I. Radomskaya. – М.: Sovpadenie, 2006. – 240 s.

11. *Fomenko L.P.* «Dom» i «doroga» v romane A. Platonova «Chevengur» / L.P. Fomenko // Andrej Platonov: Problemy' interpretacii: sb. tr. – Voronezh: Trast, 1995. – 126 s.

М.В. Яковлев

Образ природы в книге стихотворений Д. Андреева «Русские боги»

Статья посвящена анализу образности, связанной с миром природы в художественном пространстве книги Д. Андреева «Русские боги». Образ природы у поэта последовательно мифологизируется. При этом мифологизация природы развивается не как реставрация дохристианских или нехристианских верований, а в перспективе будущего, в рамках неоапокалиптической концепции Розы Мира.

The article is devoted to the analysis of the imagery associated with the natural world in the art space of the book «Russian Gods» by D. Andreev. The poet consistently confabulates the image of the nature. This confabulation of nature, however, develops not as restoration of pre-Christian or non-Christian beliefs, but within the prospect of the future, in the framework of the neo-apocalyptic conception of the Rose of the World.

Ключевые слова: природа; Роза Мира; символ; Душа мира; апокалипсис.

Keywords: nature; the Rose of the World; symbol; the Soul of the world; Apocalypse.

В сложной мифопоэтической концепции Д. Андреева можно выделить две основные линии: историософскую и натурфилософскую. Они объединяются символом Розы Мира, обозначающим Грядущее состояние мира и человечества, преображённого Божественным Духом. Раскрытию сущности этого эсхатологического идеала посвящён трактат «Роза Мира» (1957–1959), который поэт, философ и визионер определяет как «метафилософию истории». Целью статьи является исследование специфики образа природы в книге «Русские боги» (1955). Поясняя жанровую природу книги, состоящей из 20 глав, Д. Андреев определяет её как «поэтический ансамбль».

В предисловии Д. Андреев пишет о составе этого единого произведения следующее: «Главы эти весьма различны по своему жанру: здесь и поэмы, и поэтические симфонии, и циклы стихотворений, и поэмы в прозе. Ни одна из этих частей не может, однако, жить вполне самостоятельной жизнью... Все они — звенья неразрывной цепи; они требуют столь же последовательного чтения, как роман или эпопея» [2: с. 28]. Книга Д. Андреева «Русские боги» представляет собой род неомифологического творчества. Большинство произведений здесь напрямую связано с трансфизическими откровениями поэта, которые излагаются в мистико-философском трактате «Роза Мира».

Частные задачи статьи предполагают осмысление различных образных моделей, объединяемых общим понятием природы. В системе представлений поэта это слово уместно писать с большой буквы, так как Природа является одним из проявлений Духовного Всеединства мира.

Прежде всего понятие и образ Природы соответствуют античной мифологии Космоса. Единство Мира как системы миров раскрывается в стихотворении 1955 года «Шаданакар». Стихотворение открывает цикл «Миры просветления», являющийся четвёртой главой книги. Цикл следует за главой «Тёмное видение», где собраны произведения о советской современности и произведения, передающие демонические видения, в частности, тетраптих «Демоницы. Предупреждение». Принцип композиционного контраста передаёт духовный, мистериальный конфликт между мирами и мистическими существами, определяющими судьбу человека, русского общества в инобытии.

С жанровой точки зрения стихотворение «Шаданакар» строится как видение, которое поэт художественно воплощает и лирически комментирует. Такая информативно-образно-лирическая система восходит к традиции средневековых трактатов и гностических гимнов. В православии можно провести аналогию с «Божественными Гимнами» Симеона Нового Богослова или богословскими трактатами Иоанна Дамаскина, которые в своих суждениях используют яркий символический язык.

Прежде всего Д. Андреев вводит само новое слово, вынесенное в заглавие: «Тщетно // о нём создавать теоремы, // Определять // его холод и жар; // И не найдём ни в одном словаре мы, // Что это значит: // *Шаданакар*» [2: с. 101] (здесь и далее курсив автора. — М.Я.).

В мифологической системе «Розы Мира» этим словом именуется многослойная система миров, связанных с планетой Земля. Актуализованная в самом конце XIX века софийная концепция Всеединства раскрывается у Д. Андреева как разработанная и образно описанная структура: «В необозримых сферах Земли. // Это — она, её мраки и светы, // Вся многозначность // её вещества. // Вся целокупность // слоёв // планеты, // Цифрою — // *двести // сорок // два*» [2: с. 102].

Метафизическое единство мира, приобретающее характер научного факта (вплоть до статистического подсчёта), образно выражается и географически, включая и трансфизическую географию (в цикле «Миры просветления» изображаются восходящие миры, в поэме «У демонов возмездия» (15 глава) — инфернальные сферы), — и социально-исторически, и биологически. Единство Шаданакара сравнивается с мифологическим и библейским образом небесной колесницы: «Это — вся движущаяся // колесница // Шара земного: // и горы, и дно, — // Всё, что творилось, / всё, что творится, // И всё, что будет // сотворено. <...> Люди, // чудовища // и херувимы. // Кондор за облаком, // змей в пыли, — // Всё, что незримо, // и всё, что зримо // В необозримых // сферах Земли» [2: с. 101].

Мировой метафизический процесс обозначается мотивом движения между двумя полюсами. И это не движение по кругу, как в древних мифологиях, а путь целенаправленный и, несмотря на его катастрофичность, эсхатологически оправданный: «Мерно неся // по звёздному морю // Свой просветляемый лик, // свой дар, // Лишь с планетарным Демоном споря, // Двигается к Богу // Шаданакар» [2: с. 102].

В финале стихотворения космические образы расширяются. Поэт-визионер усложняет гелиоцентрическую систему Вселенной, ставшую символом теоцентрического мироздания. В научно мыслящем богословии закрепилось представление о своеобразном «планетарном» Боге, что породило такой, например, иронический вопрос, как «есть ли Бог на Марсе?»

В космологии «Розы Мира» концепция множественности миров связана не только с многослойной структурой Шаданакара, но и с жизнью во Вселенной в целом. Эта интуиция прочно живёт в научной мифологии об инопланетянах на космических кораблях (см. мою интерпретацию поэмы в прозе «Изнанка мира». — М.Я.) [7: с. 216]. Андреев говорит о существовании жизни и на других планетах Солнечной системы (перекликаясь с книгой Э. Сведенборга «Земли во Вселенной», теософской и антропософской концепциями), и в Межзвездном Пространстве в целом (понятно, что это земная биохимическая форма). Наивно было бы начинать научный спор об этой концепции. Опровергнуть или уяснить её сможет каждый из нас за не таким уж далёким порогом индивидуальной смерти. Прочие разговоры будут беспочвенными. Поэт же даёт впечатляющую картину Единой Природы, движущейся Вселенной, не вмещимой в ограниченное человеческое сознание. Наш планетарный космос оказывается лишь малой частью этого необозримого Мира: «Наши галактики, наши созвездья // Полнятся гулом // таких колесниц. // Мчащихся // воинством в белом наезде, // Головокружительной // стаей // птиц. // Их — миллиарды. Их — легионы. // Каждая — // чаша, // и роза, // и шар. // Есть невероятные, как Орионы... // Только песчинка в них — // Шаданакар» [2: с. 102].

Чередую 4-иктную (10-сложную) и 3-иктную (9-сложную) строку дольника, поэт вытраивает акцентологическую структуру стиха, «лестницу», которая в мистическом плане переключается с мистической «Лестницей Иакова», по которой духовные силы нисходят к земле (Быт. 28: 12–16). Это создаёт интонационную игру пауз и ударений, формирует ритмические изгибы. Сильное место может быть и коротким, односложным и длинным, многосложным словом: «Это — / вся движущаяся / колесница» или: «Головокружительной / стаей / птиц». Ритмические приёмы усиливает напряжение речи. Перебои интонации сбивают дыхание и передают эмоциональное состояние поэта-вестника и визионера, восходящего по лестнице откровения мира иного и пророчески обращающегося к аудитории, к потомкам. Ритм становится способом передачи духовной Природы человеческого самосознания.

В композиции книги «Русские боги» главы, посвящённые мистериальному облику *Природы* и *Небесному Призванию России*, становятся антитезой тёмным видениям истории. Они реализуются как целостная мифологическая система. И здесь интуиция Природы передаёт духовную первооснову жизни. Среди них есть произведения, целиком посвящённые художественному заданию откровения иных миров, — это глава четвёртая «Миры просветления», состоящая из стихотворений, эти миры художественно являющих. Тако-

вы стихотворения «Шаданакар» (1955), «Ирольн» (1955), «Даймоны» (1955–1958), «Олирна» (1955), «Файр» (1955), «Готимна» (1955) и другие.

Мифологические *имена* и *названия* миров, данные в заголовках этих и других произведений, — не столько художественные экзотические неологизмы, сколько лексическое откровение поэта. В стихотворении 1956 года «Не ради звонкой красоты...», входящем в семнадцатую, предпоследнюю главу «Сквозь природу», Д. Андреев объясняет их появление непосредственным мистическим знанием: «Нет, я из книг их не беру. // Они подсказаны перу // Златыми снами. // Они — оттуда, где звенят // Миры других координат, // Соседних с нами» [2: с. 397].

Стихотворения главы «Миры просветления» открывают восходящий путь, по которому проходит душа после физической смерти. Христос говорил ученикам о множественности небесных миров, которые по традиционным представлениям именуется одним словом — «рай»: «В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14 : 1). Образы этих райских миров пленяют своей красотой, освобождая от тёмного страха смерти, рождая духовную жажду чистоты и совершенствования, открывающего светлую и счастливую будущую жизнь. В художественном плане мы сталкиваемся со своеобразным трансфизическим пейзажем, с пейзажными видениями мира иного. Таков один из первых миров с именем «Олирна», где возникает традиционная пейзажная колористика: «Она похожа на даль знакомую, // Ярко-зелёную и золотую, // Чтоб ты почувствовал: — Боже! дома я! — // И не пожаловался бы: // — Тоскую... — // Там встречи с близкими, беседы дивные, // Не омрачённые житейской мглою... [2: с. 107].

Трагический разрыв с любимыми людьми, наступающий в момент смерти, согласно Андрееву, неокончателен. Он восполняется в вечности, перед которой короткая земная жизнь лишь один из этапов индивидуальной судьбы. Только земной мир, мир грехопадения, воздвигает почти непроницаемые физические границы между людьми и миром иным. Эта метафизическая трагедия преодолевается в духовной реальности. Сотворённая Богом Природа, в отличие от человека, сохраняет свою первозданность и становится свидетельством о Вечной Жизни: «Лишь одного бы ты на всех излучинах // Искал напрасно: последней смерти» [2: с. 106].

Общая вера и общая духовная жизнь, осуществляемая на земле в лоне Церкви, — это прообраз будущего единения в Любви. И любовь к Природе осознаётся поэтом как путь откровения Бога. Художественные образы Андреева делают зримой эту церковную интуицию, укрепляют религиозные обетования, дарованные христианским Символом веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь» [Православный молитвослов].

Циклы «Сквозь природу», 1935–1955 (17 глава), и «Босиком», 1933–1955 (18 глава), развивают жанровые традиции русской пейзажной лирики. Так же, как и в поэзии Лермонтова, Тютчева, Фета, Вл. Соловьёва, А. Белого, Блока, Волошина и других представителей мистериальной лирики, пейзаж Андреева

является местом «сопредельности» или «соприкосновения» двух миров. Показательна и символика названий циклов, передающих духовное «сквозение» и физическое прикосновение. В библейской и в особенности в исламской традициях при совершении молитвы принято снимать обувь.

Трансфизический опыт поэта-визионера в пейзажных стихотворениях раскрывается в мифологическом ясновидении природы. В стихотворении 1950 года «Нет, не боюсь языческого лика я...» Д. Андреев исповедует свою любовь к миру в его неразрывном духовном Всеединстве: «Мне любо всё, — и плёс, и чаща тихая, // И я им люб».

Единение с Природой обозначается как предварение будущего Единства мира: «И сам не знаешь в общем ликования: // Где — мир, где — ты» [2: с. 389].

Это переживание является концептуальным для всей пейзажной поэзии. Д. Андреев, конечно, не его первооткрыватель. Достаточно назвать известные строки из стихотворения Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837), в которых созерцание пейзажа заканчивается постижением Творца через творение: «Тогда смиряется души моей тревога, // Тогда расходятся морщины на челе, — // И счастье я могу постигнуть на земле, // И в небесах я вижу Бога...» [4: с. 421]. А в стихотворении Тютчева «Тени сизые смешались...» (1835) созерцание сменяется настоящим мистическим трансцензом — выходом за материальные границы мира. Поэт фиксирует тот же духовный опыт, что и Д. Андреев, утверждая свою причастность к единой духовной реальности: «Все во мне и я во всём!» [5: с. 81]. В «Розе Мира» Андреев подробно сообщает об этом переживании как о самом сильном впечатлении своего визионерского сознания. В главе «Немного о трансфизическом методе» он вспоминает один из таких эпизодов своей духовной биографии: «Тихо дыша, откинувшись навзничь на охапку сена, я слышал, как Неруса (название реки. — М.Я.) струилась не позади, в нескольких шагах за мною, но как бы сквозь мою собственную душу. Это было первым необычным. Торжественно и бесшумно в поток, струившийся сквозь меня, влилось всё, что было на земле, и всё, что могло быть на небе <...>» [3: с. 43]. В конце фрагмента поэт-визионер с уверенностью утверждает, что «большого счастья, чем полное раскрытие внутреннего зрения, духа и глубинной памяти, на Земле нет» [3: с. 43]. Близкое откровение космического Всеединства выражено в стихотворении Фета «На стоге сена ночью южной...» (1857), где так же, как и в стихотворении Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...», чувство гармонического мироустройства являет индивидуальной человеческой душе Присутствие Бога. Это переживание одухотворённого космоса следует отличать от языческих пантеизма и политеизма, так как оно исходит из представлений о Едином Боге-Творце. В богословском и философском смысле это религиозное переживание следует понимать как *панпневматизм*.

Панпневматизм имеет библейские истоки. В православной традиции эта интуиция выражена в молитвах Святому Духу: «Царю Небесный,

Утешителю, Душе Истины, Иже везде сый и вся исполняй...» [Православный молитвослов. Молитва Святому Духу], то есть «Дух Святой» существует «везде» и наполняет Собой «всё». С.Н. Булгаков утверждал, что мир покоится в Боге, как ребёнок в лоне матери. В Псалтыри, созданной по вдохновению Святого Духа, эта мистическая тайна, открывающаяся молящейся душе, также была хорошо известна: «Аще взыду на небо — Ты тамо еси, аще сниду во ад — тамо еси. Аще возму криле мои рано и вселюся в последних моря — и там обо рука Твоя наставит мя и удержит мя десница Твоя» (Пс. 138:8–9). Преподобный Серафим Саровский в пророческой «Беседе о цели христианской жизни» (1831) напоминал, что удаление человека от Бога не «пространственное», а нравственное. Оно вызвано духовным омрачением человека, потому что «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17:21). Окончательным состоянием мира будет осуществлённое Всеединство, когда «Бог будет всяческая во всех», или в синодальном переводе: «Да будет Бог все во всём» (1-е Кор. 15:24–28). В «Откровении Иоанна Богослова» это состояние мира связано с видением Церкви Богочеловечества, Небесного Града (Откр. 21:2) как «Жены, облечённой в солнце» (Откр. 12:1). То есть мистика Всеединства, выразившаяся в представлениях о Душе мира и давшая Д. Андрееву концептуальный символ Божественной Женственности как Розы Мира, имеет не отвлечённо-романтический и не гностический, а эсхатологический характер. Символ Розы Мира, так же как и символ Софии, может быть осознан и внутренне пережит индивидуальной душой в системе учения о Церкви — экклезиологии. Поэтому мистика Природы у Андреева имеет апокалиптический характер, реализует феномен *теозиса* — «обожения» как цели метаисторического становления Вселенной [6: с. 203].

Среди собственно мифологических стихотворений Д. Андреева «Я люблю — не о спящей царевне...» (1950), «Манику» (1955), «Стихиали Фальторь» (1950), «Ирудрана» (1950), «Орлиантана» (1955), «Арашамф» (1955), «Лиурна» (1950), «Бог ведает, чем совершенны...» (1955), раскрывающих миры *стихиалей* — духов природы — замечательны произведения, где мистериальный опыт переносится внутрь и не отделяется от обычных человеческих чувств.

Принято считать, что мистика уводит от земного мира в мир иной, становится способом мироотрицания. Эта максималистская точка зрения сформировалась под влиянием монашеского аскетизма. Однако подлинное прикосновение к духовному инобытию не отрицает землю, а наоборот — утверждает земной мир в его божественной сущности. Знаменательно, что великие русские аскеты преп. Сергей Радонежский и Серафим Саровский, достигнув невероятных духовных высот, активно участвовали в земном миростроительстве. Ведь человек может и должен любить землю так же — как *её любит Сам Бог*. Поэтому любовь к земле не греховна, а божественна.

Для поэта-визионера Д. Андреева любовь к природе, к людям, к дорогам, которыми он исходил сотни километров, предпочитая ходить именно

«босиком», обретает в этой связи глубочайший и вместе с тем простой и естественный смысл. Таковы стихотворения «Древнее» (1945–1950), «Таится тёмный мир сказаний...» (1955), «Когда несносен станет гам...» (1950), «Весельчак» (1950), «Есть праздник у русской природы...» (1950), «Серая травка» (1950), «Соловьиная ночь» (1950) и другие.

Образцом такой богочеловеческой, «отеческой» любви является стихотворение «Я люблю — не о спящей царевне...»: «Я любил сыновней любовью // Вечереющий звон церковей, // Ширь зеркальную понизовья // И с лугов сырой тиховой; // Съезд к медлительным перевозам, // Воробьёв над свежим навозом, // Даже в травах наивную тлю // Я отцовской // любовью // люблю» [2: с. 380]. А в стихотворении «Серая травка» возникает целый поток импрессионистических ассоциаций, вызванных запахом полыни: «Сухая межа в васильковом уборе; // жаворонок, // трепещущий в синей, тёплой струе, // полузакрывши глаза // и солнцу подставив грудку; // зноем приласканные дороги; // лодки медлительных перевозов, // затерянных в медоносных лугах; // и облака кучевые...» [2: с. 390]. Чувство земной красоты для художника является не менее дорогим и значимым, чем иноприродные видения.

Особенно близок поэту образ земных дорог. Земля в своей непосредственной, предметной реальности для него столь же духовна, как и запредельные миры. Даже грязь после летних ливней становится источником поэтического вдохновения. В стихотворении «Следы» (1936–1950) это переживание достигает поразительного по своей парадоксальности выражения, получает форму оксюморона «чистая грязь»: «Вся дорога — строфы листа, // Непрочитанные никогда. // Эта грязь молодая — чиста, // Это — лишь земля да вода» [2: с. 417].

Концептуальное значение для раскрытия интуиции Природы в книге «Русские боги» имеет и стихотворение «Есть праздник у русской природы» (1950). Произведение входит в цикл «Сквозь природу», предпоследнюю из 18-ти завершённых глав книги.

В цикле собраны как мифологические, так и традиционно «реалистические» стихотворения, связанные с образом природы. Они чередуются свободно, так как и «внешний», и мистический пейзаж переживаются поэтом в единстве. Мифологически «сквозь природу» ему открывается мир духов природы «стихиалей», но это не уводит его целиком в иную реальность, а наполняет живой, непосредственной радостью общения с окружающим.

Первая строфа стихотворения создаёт пейзажный образ летнего вечера. Опускающееся, приближающееся к земле солнце передаёт чувство умиротворения, своеобразной огненной «нежности» к тихой природе. Эмоционально-образный контраст между «огневым шаром» и метафорой «прохладной воды», покрывающей «жаркую землю», создаёт почти физическое ощущение: «Есть праздник у русской природы: // Опустится шар огневой, // И будто прохладные воды // Сомкнутся над жаркой землёй» [2: с. 391]. Зрительный образ, открывающий вторую строфу, рождает религиозную ассоциацию. Ве-

чернее солнце сближается с «ликом архангела». Ещё Достоевский говорил о «косых» лучах заходящего солнца, созерцательно являвших ему «свет не-вечерний», молитвенный «свете тихий». Пейзаж Андреева формирует то же впечатление: «Светило прощально и мирно // Алеет сквозь них (т. е. сквозь невидимые воздушные «воды». — М.Я.) и листву» [2: с. 392].

Образ приближающейся темноты ассоциируется с «ночным» сознанием земли — «поверьями», «сказками», «лунными седидами», создающими аллюзию древности. Переходное состояние света и природы создаёт чувство духовной цельности, единства: «Но всей полнотой предвечерья // Мир залит, блажен и един» [2: с. 392].

Последняя строфа передаёт импрессионистическое и в то же время мифологическое чувство слияния с миром. Мотив единства индивидуальной души с Мировой является классическим для русской пейзажной и философской лирики. У Андреева это переживание получает свою мифологическую полноту и законченность. Заявленная импрессионистическая неопределённость состояний души в последней строфе выявляется в его же мистических откровениях. Здесь же важно само «непонятное» состояние счастья — причастия к божественной полноте мироздания: «Росой уже веет из сада, // И сладко — Бог весть почему, // И большего счастья не надо // Ни мне, ни тебе, никому» [2: с. 392].

Благодаря образам книги «Русские боги» Природа переживается как Чудо Божье, как Тайна, являющая присутствие Духа, как явление Творца в творении. Осознание конечности своей земной жизни и запредельный мистический опыт учили поэта трепетной, трогательной любви к земле. Красота мира становится символом Божественного Света, о котором в Евангелии сказано: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). Единство человека и Земли, души индивидуальной и Души мира, чувства времени и Вечности переживаются как видение Софии и осознаются как Премудрость Божия, сотворившая Единую Гармоническую Природу (Прит. 8:22–31). Поэтика пейзажной лирики строится как поэтика откровения.

Библиографический список

Источники

1. *Библия*. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С параллельными местами. — М.: Издание Московской патриархии, 1990.
2. *Андреев Д.Л.* Собрание сочинений: в 3 т. / Д.Л. Андреев; сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. А.А. Андреевой; послесл. Б.Н. Романова. — Т. 1: Русские боги: Поэтический ансамбль. — М.: Моск. рабочий; Фирма Алеся, 1993. — 463 с.
3. *Андреев Д.Л.* Роза Мира. Метафилософия истории / Д.Л. Андреев. — М.: Руссико, 1991. — 288 с.
4. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 4 т. / М.Ю. Лермонтов. — Т. 1. — М.–Л.: Академия наук СССР, 1961. — 756 с.
5. *Тютчев Ф.И.* Сочинения: в 2 т. / Ф.И. Тютчев. — Т. 1. — М.: Правда, 1980. — 384 с.

Литература

6. *Неллас П.* Обожение: Основы и перспективы православной антропологии / П. Неллас; пер. с англ. Н.Б. Ларионова. – М.: Никея, 2011. – 304 с.
7. *Яковлев М.В.* Д.Л. Андреев / М.В. Яковлев // Избранные имена. Русские поэты XX века / Под ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.

References

Istochniki

1. *Bibliya.* Knigi Svyashhennogo Pisaniya Vetxogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. S parallel'ny'mi mestami. – Izdanie Moskovskoj patriarxii. – М., 1990.
2. *Andreev D.L.* Sobranie sochinenij: v 3 t. / D.L. Andreev; sost., vstup. st., podgot. tekstov i primech. A.A. Andreevoj; poslesl. B.N. Romanova. – Т. 1: Russkie bogi: Poe'ticheskij ansambl'. – М.: Mosk. rabochij; Firma Alesya, 1993. – 463 s.
3. *Andreev D.L.* Roza Mira. Metafilosofiya istorii / D.L. Andreev. – М.: Russiko, 1991.— 288 s.
4. *Lermontov M.Yu.* Sobranie sochinenij: v 4 t. / M.Yu. Lermontov. – Т. 1. – М.–Л.: Akademiya nauk SSSR, 1961. – 756 s.
5. *Tyutchev F.I.* Sochineniya: v 2 t. / F.I. Tyutchev. – Т. 1. – М.: Pravda, 1980. – 384 s.

Literatura

6. *Nellas P.* Obozhenie: Osnovy' i perspektivy' pravoslavnoj antropologii / P. Nellas; per. s angl. N.B. Larionova. – М.: Nikeya, 2011. – 304 s.
7. *Yakovlev M.V.* D.L. Andreev / M.V. Yakovlev // Izbranny'e imena. Russkie poe'ty' XX veka / Pod red. N.M. Maly'ginoj. – М.: Flinta: Nauka, 2006. – 296 s.

РУСИСТИКА. ГЕРМАНИСТИКА. РОМАНИСТИКА

А.В. Алексеев

Символические значения в истории слова *печаль*

В статье рассматриваются символические значения слова *печаль*, которые начали формироваться в общеславянский период и практически утратились в современном русском языке. В древнерусский период слово *печаль* выражало следующие символические значения: ‘душевная подавленность — страсть печали’, ‘душевная подавленность — страсть уныния’, ‘горестное чувство — несчастливое событие’, ‘горестное чувство — рыдания’. Первое из этих значений было узуальным, последние три — потенциальными.

The article deals with the symbolic meanings of the word *печаль* (*sorrow*), which began to form in the Common Slavic period, and are almost lost in the modern Russian language. In the Old Russian period, the word *печаль* (*sorrow*) expressed the following symbolic meanings: ‘mental depression — passion of grief’, ‘mental depression — passion of despondency’, ‘sorrowful feeling grievous event’, ‘sorrowful feeling — weeping’. The first of these meanings was usual, and the latter three were potential.

Ключевые слова: символическое значение; культурная значимость слова; древнерусский язык.

Keywords: symbolic meaning; cultural significance of a word; the Old Russian language.

По времени возникновения существительное *печаль* относится к общеславянскому лексическому фонду. Оно восходит к глаголу **pekti* (*se*) и образовано при помощи суффикса *ѣl-ь* (ср. *гибель*). Слово *печаль*, обладая семантическим синкретизмом, называло состояние того, кто скорбит, печалится, беспокоится. Можно предположить, что общеславянский корень **pek-* соотносился при образном употреблении с обобщённым представлением о пассивной отрицательной эмоции. Однако уже в древнерусских памятниках XI–XIV веков широкая семантика, связанная с понятием отрицательного душевного переживания, реализуется в виде более дифференцированных лексико-семантических вариантов: 1) ‘горестное чувство’; 2) ‘беспокойство, забота’. Первое значение, ‘горестное чувство’, связано с понятием душевного страдания и является основным в древнерусском языке, встречаясь в памятниках различной жанровой принадлежности. Ср. *Яко доушевьнюю печаль съпрятати можетъ и оутѣшити книжьныхъ*

словесъ сила. Изб. 1076 г. 99 об. *И сгорѣ църкы та вся <...> и видѣвъ печаль бывшую мужем Ростовьским оутѣши я глаголя: Богъ да, Богъ взя.* Лавр. лет. 146. 6715 г.

Следует заметить, что в некоторых контекстах церковной тематики значение 'горестное чувство' обогащается дополнительными признаками, и актуализируется потенциальное значение 'утрата душевных сил'. В таких случаях возникает контекстуально обусловленное символическое значение 'греховное уныние': *Ничто же тако приводит Богу мнѣша, яко же благообразное и притѣчное къ Богу бес печалии творящи и добрая и говѣиная и благолюбивая чистота.* Син. Пат. 108. Данное символическое значение выражает важнейшую категорию православного аскетизма; схема символического семиозиса выглядит следующим образом: *печали* => 'психические переживания: душевное бессилие' => 'грех уныния'.

Уныние в православной аскетике — это пассивная страсть, которая, по учению преп. Исаака Сирина, в отличие от всех остальных страстей, действующих «наступательно» и «смело», лишь налагает тяжесть на душу [2: т. 2, с. 645]. Уныние, по мнению святых отцов, страшно для тех, кто пребывает в уединении; оно возникает вследствие праздности и не прерванных волей суетных сомнений. Уныние выражается в виде глубокой, безнадежной тоски, оно ведёт к апатии и к духовной смерти человека. В конечном счёте причиной уныния оказывается неверие и душевная слабость.

Обычным средством выражения данного понятия было существительное *уныние*, однако в ряде случаев смысл 'греховное уныние' мог выражаться и синонимами, в частности, словом *печаль*. Однако семантический признак 'греховность' проявлялся только в особых контекстах (см. выше), в церковных памятниках (Изборник 1076 года, Синайский патерик, Успенский сборник, Киево-Печерский патерик). В народно-литературных памятниках слово *печаль* использовалось преимущественно в прямом, не символическом значении 'горестное чувство'. Ср.: *А в обрѣтаетъ челоувѣкъ умъ свръшенъ. Молеве, княжи, ризы ѣдятъ, а печаль челоувѣка, печалну бо мужу засышють кости.* Мол. Дан. Зат., 80.

В церковных памятниках широкое распространение получило значение *печаль* 'забота, беспокойство', ср.: *Не весели ся богатствѣ, печали бо его отълоучяють ны отъ Бога, аште и не хотимъ.* Изб. 1076 г., 75.

Данное значение также следует считать символическим, оно определялось особым вниманием православной литературы к понятию «мирских забот», под которыми подразумевалось излишнее беспокойство о земных, преходящих вещах. *Мирьская печаль* была одним из основных грехов, существенным препятствием на пути очищения и возвышения души: *По острижени же матере своя и по отвьрженни всякая мирьскыя печали большими тroudы паче наченъ подвизати ся на рвение Божие.* Усп. сб. 33 в. Подобное состояние, *мирьская печаль*, рассматривалось как страсть, подчинение души греховным помыслам.

Страсть *печали* овладевает человеком вслед за гневом и представляет собой период резкого ослабления, упадка душевной энергии. Это происходит вслед-

ствии перерасхода душевных сил, когда все они без остатка направлены на достижение земных удовольствий, земного благополучия. Вследствие невозможности достигнуть очередного объекта страсти развивается состояние печали. «Печаль возникает вследствие неудовлетворенности страстных желаний, или удовлетворения их неполного, не доставляющего удовольствия» [2: т. 3, с. 127].

Таким образом, то, что в православной аскетике называется страстью печали, — это тягостное душевное переживание, обусловленное чрезмерным беспокойством о земных благах. Именно необходимостью выражать такое специфическое понятие объясняется широкое распространение в церковных памятниках существительного *печаль* в значении ‘беспокойство, забота’. Если говорить точнее — то, что рассматривается с современных позиций как ‘беспокойство, забота’, в церковных контекстах — излишнее беспокойство о земных, преходящих вещах, ведущее к возникновению греховного состояния души: страсти печали.

Бинарную структуру символического значения, реализуемого при указании на страсть печали, будем определять так: ‘подавленное состояние, вызванное мирскими заботами => страсть, греховное состояние души’. Подобное разграничение в символическом значении двух аспектов объясняется тем, что само по себе тягостное душевное переживание вовсе не греховно. Православные аскеты учат, что в случае с чувством печали мы имеем дело с искажением изначально спасительной человеческой способности. В здоровой душе печаль вызвана созерцанием грехов ближних, а также осознанием порочности собственного существования и скудности всей земной, материальной жизни. Подобная печаль усиливает стремление к Господу, служит стимулом постоянного духовного самосовершенствования. Именно такое понятие может выражать в ряде древнерусских контекстов слово *печаль*, употребляясь в самостоятельном, лишённом семантической двуплановости значении ‘подавленное душевное состояние’.

Но если в центре человеческого бытия становится не Бог, а сам человек — в его страстном состоянии, с эгоистическими земными устремлениями, — перспектива спасения исчезает, и печаль «по Богу» превращается в страсть. Различение двух видов печали является достаточно последовательным для аскетической литературы. Вот что говорит преп. Максим Исповедник: «Любящий Бога никого не опечаливает и сам не приводится кем-нибудь в состояние печали из-за преходящего. Скорбит и опечаливается он одной спасительной печалью, какой скорбел и опечаливал коринфян блаженный Павел» [2: т. 3, с. 168].

Приведём еще несколько примеров, подтверждающих разграничение в древнерусской церковной литературе прямого значения ‘душевная подавленность, горестное чувство’ (1) и символического значения ‘душевная подавленность, забота как выражение страсти печали’ (2). 1) *Тожє въ печали бысть въ велицѣ о томь, и съ слъзами моляше ся Богоу.* Усп. сб. 65в. 2) *Яко се... окъмь крадъмь, ли тѣшитеславиемь, ли печялю ли яростью... похоуляюште себе и исповѣдаюште ся Б(ог)оу.* Изборник 1076 г., 209. *Иде же печаль и тѣщеславие, ни едино же бл(а)го обрящеть ся тоу.* Син. Пат. 78 об. — 79. И прямое, и символическое зна-

чение, указанные нами, являются значениями узвальными. Во втором случае это подтверждается существованием в древнерусском языке устойчивых моделей, в которых реализуется символическое значение ‘мирские заботы => страсть печали’. Ср. приведённый выше пример, содержащий синтагму *миръскыя печали*, а также другие контексты: *Чьто бо острѣе жиизньныхъ печалии, нача бо бѣаста инъгда Адамъ и Евъга и не стыдя ся нача простости ю и невѣгласьсвъмъ жиизни не бѣаше оу нею хытрости сея жиизни печалии, не помышляста како си быста покрыла тѣлесьную наготоу, не срамляста ся ницетоу. Усп. сб. 177 б. Да ниже вещи привязанъ боудеть оумъ его на печали землиныхъ вещии. Усп. сб. 296 г.*

Таким образом, в книжных и церковных памятниках древнерусской письменности следует разграничивать три значения, связанные с выражением эмоций. С одной стороны, это прямое номинативное значение ‘горестное чувство’, которое наблюдается в произведениях различных жанров. С другой стороны, это символические значения ‘душевная подавленность как страсть уныния’ и ‘забота о земных вещах как страсть печали’. Эти значения реализовывались в памятниках письменности церковной направленности.

В результате закономерного метонимического переноса развивалось ещё одно значение: ‘горестное чувство’ => ‘причина горестного чувства’, то есть ‘несчастье, беда’. По распространённости в языке оно было третьим после ‘горестное чувство’ и ‘забота, беспокойство’. Приведём примеры из памятников различной жанрово-стилистической принадлежности: *Въ печальхъ благодарьстви Бога и яръмъ ти грѣховьными обльгъчить ся. Изб. 1076 г. И не даша ему правитися, и ведоша и въ Торопъць, онъ же то прия съ радостию, яко Иоанн Златоустъць <...> тую же и съ прия печаль. Новг. I лет. 6719 г. 77.*

В достаточно большом числе случаев мы можем выделить диффузное значение ‘горестное чувство + несчастье, беда’, например: *Ни мати дъчери, ни сусѣдъ сусѣду не уламляше хлѣба, не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на улици скърбь другъ съ другомъ, бѣда и нужда велика. Новг. I лет. 1230 г. 114.*

Приведённый пример лексической диффузности связан, на наш взгляд, с ещё одним символическим значением, которое, однако, отражает не православно-аскетическую картину мира, а представления праславянской языческой культуры. В доисторический период существовало отождествление физических и душевных феноменов, и реалии эмоциональной жизни оказывались выражением внешних событий. Это подтверждается, в частности, древнейшим по происхождению феноменом «плакальщиц» (ср. ниже). Исследователи отмечают, что у доисторических индоевропейских народов могло происходить «отождествление чувства с его воплощением в делах и их результатах» [1: с. 140]. Иными словами, направление семиозиса могло быть и обратным, то есть событие становилось означающим для эмоции. Таким образом, символ, выражаемый словом *печаль* в указанном примере лексической диффузности, является обратимым: ‘горестное чувство’ <=> ‘несчастливое

событие'. Это подтверждается теми случаями, когда в аналогичных диффузных контекстах фиксируется слово *бѣда*, для которого основным значением являлось как раз 'несчастливое событие', а значение 'горестное чувство' являлось как раз потенциальным, напр.: *Туга, бѣда на всѣхъ, отецъ и мати чадо свое въсажаше въ лодью даромъ гостемъ, ово ихъ измъроша, а друзии разидошася по чюжимъ землямъ*. Новг. I. лет., 12 об. Таким образом, в древнерусском языке происходило взаимное обогащение семантики в паре *печаль* – *бѣда* по принципу «взаимной ассоциации слов» [3: с. 80].

Следует отметить, что *печаль* нередко сопровождается в контексте синонимами, ср.: *Прости мя, Господи, и ты, отча, скорби и рыдания и печаль — безумныхъ людей, а се ты, отча, тому жъ уподобися, хочешъ единь печаль свою в себѣ удержатъ, а мне ты, сыну своему, не поведоеши*. Пов. о Басарге, 570, кон. XV в.

В приведённом примере за счёт семантического взаимодействия в ряду однородных членов слово *печаль* реализует ещё одно диффузное потенциальное значение, 'горестное чувство, выраженное в слезах и рыданиях'. Возможность контаминации двух близких смыслов, 'горестное чувство' и 'рыдание', обуславливалась особенностями древнерусского сознания. Для человека той эпохи слёзы являлись естественным проявлением горя. Люди не просто не стыдились принародно выражать свои чувства: настоящее, сильное душевное страдание имело пролитие слёз и стоны своим необходимым атрибутом. Ср.: *Преставися <...> великийи князь всея Руси Володимеръ Мономахъ <...> Пѣвшие обычныя пѣ(сни) над нимъ, <...> жалающеси плакахуся по с(вя)томъ и добромъ князи весь народъ и вси людие... И тако разидошася вси людие с жалостью великою, тако же и сынове его разидошася кождо въ свою волость с **плачемъ** великомъ*. Ипат. лет., 108. Такое понимание характера эмоциональной жизни, её норм не только восходило к праславянскому мировоззренческому синкретизму, но и продолжало развиваться в условиях широкого распространения библейских текстов, под влиянием православной этики. У героя Священного Писания значимое (а следовательно, отражённое в тексте) душевное страдание всегда выражено во внешних формах, всегда подчеркнуто экспрессивно. Ср: *Плакася Иезекія **плачемъ** великомъ*. Ис. XXXVIII, 3. Упыр. Срезн. **Плачь** и рыдание и въплъ мьногъ. Мф. II, 18. Остр. ев. Срезн.

Существительное *печаль* развивало указанное диффузное потенциальное значение в составе парных сочетаний синонимов, которые представляли собой «сочетание двух синтаксически равноправных слов с совпадающими или предельно близкими значениями» [4: с. 9]. Парными сочетаниями выражались комплексные понятия, которые иначе могут быть рассмотрены как символы, так как входящие в них семантические компоненты находились в отношениях означающего и означаемого: 'рыдание + горестное чувство' или 'рыдание => горестное чувство'. Подобные парные сочетания активно употреблялись уже в раннем древнерусском языке, однако сохранялись в соответствии с книжной традицией и в период после XIV века.

Наиболее употребительным сочетанием, выражавшим значение 'рыдание => горестное чувство', является *печаль* – *плач*. Ср.: *Вспомяни ся о немъ*

въ исходѣ доушиа его и оутѣши ся, въ печали бо и въ плачи не сътвориши ползя емоу никоея же. Изб. 1076 г., 154. Однако если рассматривать более широкий в жанровом и хронологическом отношении список текстов, можно встретить и другие парные сочетания, выражавшие те же значения: [1408] *И бысть тогда во всеи Рускои землѣ всѣм христьяном туга велика и плачь неутешим.* Вол.-Перм. лет., 305 об., XVI в. КДРС. Такие сочетания могли возникать в результате синонимической замены.

Сочетание *печаль – плач* могло расширяться другими словами со значением ‘горестное чувство’, фактически происходила интеграция нескольких пар синонимов. Превращение парного сочетания в цепочку позволяло подчеркнуть интенсивный характер переживания и выделить в значении аспект внешней выраженности чувства, формы его проявления. Ср.: [6732] *И бысть въплъ и плачь и печаль по городомъ и по селомъ.* Новг. I лет., 99 об. *Иде же нѣсть печали ни скърби ни въздыхания ни плача.* Усп. сб., 277 г. Итак, в приведённых примерах реализуется ещё одно символическое значение существительного *печаль*: *печаль* <=> ‘рыдание’ <=> ‘горестное чувство’.

С окончанием древнерусской эпохи возникла тенденция к однозначности слова *печаль*: периферийные значения встречаются с XVII века в единичных контекстах, при этом слово *печаль* практически сделалось основным словом для обозначения подавленного состояния духа, горестного чувства. Это свидетельствует о формировании на базе основного значения слова *печаль* современного понятия ‘пассивная отрицательная эмоция: состояние душевной подавленности, обусловленное случившимся негативным событием’.

Древнерусские символические значения постепенно утратились. В частности, в XV–XVI веках происходило ослабление символической нагруженности значения ‘беспокойство, забота’. Слово *печаль* всё чаще не соотносилось в этом значении с прежним представлением о «греховных, суетных заботах», вместо символической категории страсти формировалось современное понятие «допустимых забот». Ср. ‘беспокойство, забота’: *Не малоу печаль имяше, пекыся присно о... градѣхъ.* Ж. Стеф. Перм. Епиф., 60, XV в. КДРС. *Есть беда велика и страшна и мучение бесконечное, еже не пекутся, не имеют печали о домашних своих сиротах...* Посл. Иос. Волоцк., 276 об., XVI в. КДРС. *Имѣть на себѣ о всѣхъ воинскихъ людехъ <...> печаль.* Уст. рат. дел., XVII в. СлРЯ.

Впрочем, символическое диффузное значение ‘несчастливое событие — отрицательная эмоция’ удерживалось в русском языке и после XVI века. Ср.: *Утѣшает нас <...> в нуждах, и в напастех, и в бедах, и в печалех, и в болѣзнях наших всяких Христос.* Жит. Епиф., 330. *Он же, дядя мой, с такой печали, что корабль разбишиа, и умре.* Пов. о купце I, 72. Сохранение такой семантики в XVIII веке подтверждается лексикографическими данными: значение ‘несчастье, беда’ не указано в Словаре Академии Российской, хотя в диффузном употреблении встречается в памятниках: *Они предвидя впродъ Ея нещастья и печали, Судили, легче ей въ сеи долѣ умереть.* Богд. Душенька, 18. КС XVIII. Вероятно, следы данного диффузного значения проявляются при употреблении слова *печаль* в языке русской классической литературы,

ср.: [Ненила Сидоровна:] Дела ничего, слава Богу. Одна **печаль** у меня: дочерей больно много. А. Островский, В чужом пиру. И на этот раз он с особенною любовью погрузился в решение вопросов: к чему гудит самовар, какую печаль пророчит печь? Чехов, Нахлебники. IV, 396.

Таким образом, общей тенденцией развития концепта слова *печаль* можно считать движение от полисемии к моносемии. В древнерусском языке слово *печаль* было средством выражения четырех символических значений: 'душевная подавленность — страсть печали', 'душевная подавленность — страсть уныния', 'горестное чувство — несчастливое событие', 'горестное чувство — рыдания'. Первое из этих значений было узуальным, последние три — потенциальными, выразившимися лишь в особых, диффузных контекстах. Культурная значимость слова *печаль* определяется его местом в праславянской культуре (семантический компонент 'беда и рыдание как знаки, свидетельства чувств') и в средневековой православной культуре (семантические компоненты 'страсть печали' и 'страсть уныния'). Степень актуальности указанных семантических признаков для современной культуры требует особого изучения, так как основной тенденцией в развитии концепта *печаль* оказалась утрата символических значений и формирование современного понятия 'пассивная отрицательная эмоция: состояние душевной подавленности'.

Библиографический список

Литература

1. Гвоздецкая Н.Ю. К проблеме выделения «имён чувств» в языке древнегерманского эпоса (на материале «Беовульфа» и «Старшей Эдды») / Н.Ю. Гвоздецкая // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 138–142.
2. Добротолубие: в 5 т. — Paris: YMCA-press, 1988.
3. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию / М.М. Покровский. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 382 с.
4. Синочкина Б.М. Синонимические пары слов в истории русского языка (на материале летописей XIV–XVII вв.): дис. ... канд. филол. наук / Б.М. Синочкина. — Минск, 1975. — 204 с.

References

Literatura

1. Gvozdeczkaya N.Yu. K probleme vy'deleniya «imyon chuvstv» v yazy'ke drevne-germanskogo e'posa (na materiale «Beovul'fa» i «Starshej E'ddy'») / N.Yu. Gvozdeczkaya // Logicheskij analiz yazy'ka. Kul'turny'e koncepty'. — M.: Nauka, 1991. — S. 138–142.
2. Dobrotolyubie: v 5 t. — Paris: YMCA-press, 1988.
3. Pokrovskij M.M. Izbranny'e raboty' po yazy'koznaniyu / M.M. Pokrovskij. — M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1959. — 382 s.
4. Sinochkina B.M. Sinonimicheskie pary' slov v istorii russkogo yazy'ka (na materiale letopisej XIV–XVII vv.): dis. ... kand. filol. nauk / B.M. Sinochkina. — Minsk, 1975. — 204 s.

Е.С. Ярыгина

Ещё раз о «коммуникативном подходе» к сложному предложению (к вопросу о возможностях лингвистического эксперимента)

Статья посвящена проблеме текстовой интерпретации сложноподчинённых предложений с несобственно-причинными придаточными и критериям, при помощи которых доказываются их текстовый статус. В рамках полемики с О.Е. Пекелис обосновывается неправомерность применения коммуникативного принципа для дифференциации сочинения и подчинения в сложном предложении.

The article is devoted to the problem of textual interpretation of complex sentences with improperly causal clauses and criteria by means of which their text status is proved. The polemics with O.E. Pekelis states the illegality of the use of the communicative principle for differentiation of coordination and subordination in a complex sentence.

Ключевые слова: коммуникативный подход; сложноподчинённые предложения с несобственно-причинными придаточными; риторический (иллокутивный) союз; парцелляция; иллокутивные конструкции.

Keywords: communicative approach; complex sentences with improperly causal clauses; rhetorical (illocutionary) conjunction; parceling; illocutionary constructions.

В современной русистике широко распространённым является структурно-семантический подход к сложному предложению, который предполагает учёт трёх параметров: 1) формального (структура — двучленная/одночленная), 2) смыслового (семантика) и 3) коммуникативного [16]. При этом в каждой научной школе, использующей этот подход, задача анализа и классификации сложного предложения решается по-разному — с приоритетом либо структуры, либо семантики: одни исследователи уделяют большее внимание формальной стороне — средствам связи частей сложного предложения [20]; другие делают акцент на смысловой организации сложного предложения (напр., [10: с. 21]). Интерес к семантике позволил увидеть связь сложного предложения с текстом, что побудило грамматистов вспомнить те работы первой половины XX века [4: с. 22], в которых текстовая сущность союзной связи обнаруживалась при анализе текста [7].

В системном синтаксисе сложного предложения конструкции, занимающие промежуточное положение между языковыми структурами и текстом, были выделены в связи с «особым значением союза *потому что*» [13: с. 413]. Подобные особые («несобственные») значения мы находим в [6]. При обсуждении семантики сложноподчинённых предложений с придаточными причинными,

присоединяемыми при помощи союзов *так как*, *потому что* и др., приводятся примеры типа *Сейчас пикировщики бьют по пустому месту, так как «катушки» давно уже переменили позиции* [6: с. 317–318], в связи с которыми говорится не о причине события, а об основании мнения. Применительно к сложным предложениям с союзом *если* говорится не только об условных придаточных, но и о тех конструкциях, в которых выражаются сопоставительно-сравнительные отношения: *Если в предвоенные годы артель вырабатывала продукции на полмиллиона рублей в год, то в 1953 году сумма выработки достигла четырёх с половиной миллионов* [6: с. 332]. Предложения последнего типа имеют контекстуальную обусловленность: они употребляются как риторический приём в рассуждениях научного и публицистического характера.

Несмотря на отдельные наблюдения, связанные с текстовой обусловленностью некоторых типов сложных предложений, в системном синтаксисе все типы сложного предложения рассматривались, во-первых, изолированно (на одном уровне), во-вторых, в отвлечении от текстовых условий их функционирования. С развитием функционально-семантического синтаксиса союзные конструкции начинают рассматриваться не изолированно, а в системе и в синонимическом взаимодействии с непредикативными формами выражения того же значения (наречиями, предложно-падежными формами, полупредикативными оборотами) [18]. На следующем этапе, с развитием коммуникативно-текстового подхода [7] сложные предложения анализируются в реальных текстовых условиях в связи с понятием модуса и коммуникативного регистра. Текстовый подход позволил, в частности, представить сложные предложения с несобственно-причинными придаточными в системе [23].

Сегодня текстовый подход к сложным предложениям можно разделить на два направления: 1) проблема присоединения и присоединительных конструкций (в связи с этим можно интерпретировать присоединительное *и*, присоединительные придаточные с относительным местоимением *что*, распространительно-повествовательные предложения); 2) проблема описания сложных предложений в «аргументативном дискурсе» [2]. При этом для характеристики придаточных используются разные термины: причинно-аргументирующие придаточные [14], логические придаточные [1], а для интерпретации семантики союза — прилагательные «риторический» или «иллокутивный» (союз) [8].

Настоящая статья посвящена проблеме текстовой интерпретации сложноподчинённых предложений с несобственно-причинными придаточными и критериям (тестам), при помощи которых доказывается статус синтаксической конструкции — системно-синтаксический (языковая структура) или текстовый, риторический (принадлежит уровню текста). Поводом для данной статьи стали работы О.Е. Пекелис [11–12], в которых анализ союзных сложных предложений соединяется с теорией актуального членения и техникой экспрессивно-коммуникативного синтаксиса (с приёмами присоединения, парцелляции, сегментации).

Прежде чем обсуждать принципы коммуникативно-текстового описания сложного предложения, остановимся подробнее на самом термине «коммуникативный», который используется как для характеристики объектов исследования

(«коммуникативная единица синтаксиса»), так и для характеристики лингвистической идеологии, научного направления («коммуникативный подход»).

Термин «коммуникативный подход» применяется разными научными школами к разным объектам и понимается по-разному:

1) на уровне простого и сложного предложения «коммуникативный подход» предполагает анализ предложения в терминологии актуального членения предложения; такое понимание принято в концепции В.А. Белошапковой [16], О.А. Крыловой [9];

2) понимание «коммуникативного подхода» в практике преподавания русского языка как неродного. М.В. Всеволодова называет свою книгу «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка» (М., 2000) и адресует её инофонам (неносителям русского языка). «Коммуникативный подход» в таком понимании связан с процессом обучения иностранному языку в коммуникации, в реальной речевой ситуации. Функционально-коммуникативный синтаксис мыслится М.В. Всеволодовой как теоретическая и методическая база преподавания русского языка как неродного;

3) понимание термина «коммуникативный подход» соединяет системную грамматику и анализ текста. Это понимание также является развитием функционального синтаксиса, но, в отличие от функциональности на уровне предложения, коммуникативный подход предполагает функциональную характеристику языковых единиц в связи с точкой зрения говорящего (пишущего) в конкретном тексте. Согласно такому пониманию синтаксическая единица представляет собой единство формы, значения и функции [7]. Здесь термин «коммуникативный» обнаруживает основной методологический принцип данного научного направления — понимание грамматики как механизма порождения текста.

Все три значения термина «коммуникативный» имеют точку пересечения — это **непротивопоставленность** языка и речи; это исследование языковых явлений в потоке речевой деятельности и, как следствие, учёт прагматических составляющих речевого акта, выявление особых текстовых категорий.

Если отвлечься от различий, связанных со сферой применения теории, то можно говорить о двух значениях термина «коммуникативный»: 1) исследование языковых явлений в связи с суперсегментными средствами (порядок слов, интонация, ударение); 2) исследование языковых объектов в процессе порождения речи, в реальных текстовых условиях, соединение в одном исследовании сегментных и суперсегментных языковых средств.

Обсудив терминологию, вернёмся к работе О.Е. Пекелис. В статье 2008 года О.Е. Пекелис обсуждает сложносочинённые предложения и предложения с «сентенционными сирконстантами» (в другой терминологии — сложноподчинённые предложения расчленённой структуры с обстоятельственными придаточными) и ставит перед собой задачу разграничить сочинение и подчинение с помощью «коммуникативного принципа», в основе которого использование методики актуального членения (понятий «темы» и «ремы»). Рассматриваются примеры типа *Прогнозы делать сложно, потому что слишком многое зависит не от нас.*

О.Е. Пекелис формулирует «коммуникативный принцип разграничения сочинения и подчинения» (сокращённо — КПСП): «Если тот или иной задаваемый союзом класс включает сложные предложения, клаузы которых обладают маркированной коммуникативной неполнотой, то, в силу КПСП, данный союз и образуемые им сложные конструкции являются подчинительными. В противном случае они являются сочинительными» [11: с. 32].

Применение коммуникативного подхода к сложным предложениям, по мнению автора, является приёмом, надёжно дифференцирующим сочинение и подчинение. При этом в качестве материала рассматриваются сложно-сочинённые и сложноподчинённые предложения с собственно-причинными отношениями. Отличие собственно-причинных и несобственно-причинных придаточных проявляется как в структурно-семантическом (1), так и в коммуникативном плане (2):

(1) от главного предложения к придаточному ставится вопрос «почему?»: *В доме погас свет, (почему?) потому что перегорели пробки*; время события в придаточном всегда предшествует времени события в главном предложении; в придаточном не может быть будущего времени и потенциальной модальности (если в главной части настоящее или прошедшее время), что означает связь собственно-причинных отношений с категорией таксиса [17];

(2) с точки зрения коммуникативной организации придаточное собственно-причинное находится в реме и обычно образует единую интонационную структуру с главной частью.

Именно собственно-причинные придаточные допускают действие КПСП: *Почти ничего не видно. Рисунок такой блеклый↑, потому что принтер барахлит.* — *Почти ничего не видно. Рисунок такой блеклый↑, и это потому что принтер барахлит.* Замена главной части на сочетание *и это* интерпретируется О.Е. Пекелис как приём доказательства коммуникативной недостаточности придаточного причины: само придаточное коммуникативно достаточное предложение образовать не может. Это действительно так, но в русской прозе, как и в поэзии, точка перед союзом *потому что* — явление вполне обычное. См., например:

*Он никогда не созерцал
Бога
ни в себе,
ни в небе,
ни на иконе,
потому что не отрывал взгляда
от человека и дороги.
Потому что всю жизнь уходил
от погони.*

(И. Бродский. Стихи об испанце Мигуэле Сервете, еретике, сожжённом кальвинистами)

Подобные явления принято называть парцелляцией, а парцеллированное придаточное — синсемантическим компонентом конструкции, т. е. таким, который невозможен без основной части — автосемантического компонента [3: с. 15]. Точка перед подчинительным союзом как знак коммуникативной неполноты неоднократно отмечалась специалистами по экспрессивному синтаксису. О.Е. Пекелис предлагает для доказательства коммуникативной неполноты соединять парцеллированное придаточное с пропозициональным местоимением *это*, тем самым она соединяет парцелляцию с присоединением. Такой подход можно признать перспективным, поскольку при помощи КПСП обнаруживается связь любых типов причинно-следственных конструкций с точкой зрения говорящего. При расчленённом (парцеллированном) представлении сложноподчинённого предложения говорящий «усиливает» своё присутствие.

Однако вне сферы действия КПСП оказываются предложения с причинно-аргументирующими придаточными: *Дома никого нет, потому что свет в окнах не горит* — **Дома никого нет. И это потому, что свет в окнах не горит.*

Рассмотрим пример: *...чубарый, ...положивши свою морду на шею своего нового приятеля, казалось, что-то нашептывал ему в самое ухо, вероятно, чепуху страшную, потому что приезжий беспрестанно встряхивал ушами* (Н.В. Гоголь). Перед нами предложение с причинно-аргументирующим придаточным, а значит, с подчинительным (причинным) союзом, но доказать, что он причинный, по методике О.Е. Пекелис невозможно: **Чубарый нашептывал приятелю в ухо чепуху. И это потому, что приезжий беспрестанно встряхивал ушами.* В данном случае *и это* недостаточно, поскольку союз работает не между двумя диктальными составляющими предложения, а между двумя модусными: «нашептывал, думаю, что чепуху, потому что вижу реакцию приезжего».

Известно, что для причинного придаточного с союзом *потому что* (в любом семантическом варианте) характерна постпозиция придаточного, что связано с отражением движения мысли от известного факта к неизвестной причине. В несобственно-причинных предложениях наблюдается временная инверсия: в придаточном может появляться предшествующий факт. Именно на этом основании в поэтическом тексте несобственно-причинные придаточные могут занимать препозицию, тем самым восстанавливая естественную временную последовательность. См. примеры из стихотворений И. Бродского:

1) *Потому что каблук оставляет следы — зима* — сначала увидел следы, потом понял, что зима;

2) *Что? Как я очутился наверху?*

*Не помню... в общем, потому что сверху
спускаешься когда, перед тобой*

всё время — гавань. И огни в порту — разговорный синтаксис с препозицией придаточного;

3) *Потому что поздно сказать «прощай»*

*и услышать что-либо в ответ, помимо
эха, звучащего как «на чай»
времени и пространству, мнимо
величавым и возводящим в куб
всё, что сорвется с губ,*

*я пишу эти строки, стремясь рукой,
их выводящей почти вслепую,
на секунду опередить «на кой?»,
с оных готовое губ в любую
минуту слететь и поплыть сквозь ночь,
увеличиваясь и проч.*

В постпозиции: *я пишу эти строки... потому что поздно сказать «прощай»* было бы ответом на вопрос «почему?»; в данном же случае И. Бродский начинает с предшествующего факта, восстанавливая временную последовательность фактов. Во внутреннем мире лирического «я» не надо искать причину — она известна этому «я», поэтому события идут в естественном временном порядке.

Но тогда, когда придаточные являются ответом на вопрос «почему?», т. е. отражают поиск причины, они постпозитивны. См., например, в небольшой поэме И. Бродского «Посвящается Ялте»:

*Да, это было после девяти.
Наверно. Потому что гастроном
они в субботу закрывают в десять,
а я хотел мороженого.*

Перед нами фрагмент диалога между следователем и одним из подозреваемых. Диалог неполный, поскольку все реплики следователя опущены, представлены только реплики-ответы. Постпозитивное придаточное выражает обоснование. Здесь придаточное парцеллировано. Восстанавливается модусная составляющая: *думаю, что это было после девяти, потому что я шёл за мороженым, зная, что магазин закрывают в десять.*

Пропозициональное *и это* не может быть заменой модусных предикатов, и, следовательно, КПСП не действует для подобных предложений. Но это не означает, что союз *потому что* выступает в роли сочинительного.

По-видимому, следует признать, что те предложения, которые принято называть иллокутивными конструкциями и которые не подчиняются КПСП, образуют особую сферу использования подчинительных союзов: не изменяя своей подчинительной сущности, эти союзы соединяют не диктальные составляющие, а модусные. Такая техника возможна как для подчинения, так и для сочинения. Речь идёт о присоединительных отношениях в сложно-сочинённых предложениях. В русской традиции «присоединением называется такая связь двух предложений в составе сложного, при которой содержание второго предложения является дополнительным сообщением, вызванным содержанием первого предложения или возникшим по поводу него» [6: с. 257].

Это означает, что в присоединительной конструкции соединяются два речевых акта, имеющих каждый свою иллокутивную силу.

Следовательно, для системного представления сложных предложений необходимо учитывать не два варианта — сочинение и подчинение, а четыре:

Семантическая структура Тип связи	1 модус (2 диктума при 1 модусе)	2 модуса (2 диктума, каждый со своим модусом)
Сочинение	<i>Он вошел, и все замолчали</i>	<i>Он вошел, и правильно сделал (и я считаю, что...)</i>
Подчинение	<i>Когда он вошел, все замолчали Он не пришел, потому что заболел</i>	<i>Ночью был мороз, потому во дворе замерзли лужи (думаю..., потому что вижу)</i>

Анализ сложных предложений, относящихся к двум клеткам правой колонки, показал, что важную роль в них играют вводные показатели эпистемической модальности: **Видно**, *я очень переменялась в лице, потому что он долго и пристально смотрел мне в глаза* (М.Ю. Лермонтов) [23].

Вводные слова в иллокутивных конструкциях соединяются с одностепенным союзом и образуют двухместный сложный союз: *Впечатление, произведённое приездом графини, было, вероятно, очень сильно, потому что даже Дениска говорил шёпотом; Дымову и чернобородому, вероятно, стало совестно, потому что они громко засмеялись* (А.П. Чехов); *И немцы, вероятно, ожидали получить ответ, потому что время от времени их артиллерия умолкала, словно слушая и размышляя* (А. Платонов). Иллокутивная сущность подобных предложений обнаруживается при изменении порядка следования частей и образовании бессоюзного предложения: *Время от времени немецкая артиллерия умолкала: вероятно, немцы ожидали получить ответ*, — поскольку вводное слово указывает на изменение модуса.

Иллокутивные конструкции могут образовываться не только с помощью союза *потому что*, но и союзами *если*, *раз*, *коли* и др. Общностью всех иллокутивных конструкций становится то, что после союза восстанавливается модусный глагол. Рассмотрим ещё один пример из И. Бродского:

Потому что каблук оставляет следы — зима.
 В деревянных вещах замерзая в поле,
 по проходим себя узнают дома.
 Что сказать ввечеру о грядущем, коли
 воспоминанья в ночной тиши
 о тепле твоих <...> когда уснула,
 тело отбрасывает от души
 на стену, точно тень от стула
 на стену ввечеру свеча,
 и под скатертью стянутым к лесу небом
 над силосной башней, натёртый крылом грача
 не отбелишь воздух колючим снегом.

В этом стихотворении кроме иллокутивного *потому что* находим иллокутивный союз *коли*. Причём этот союз должен быть употреблён дважды: не только в 4-й строке, но и в 3-й с конца после союза *и* (*и коли под скатертью...*). Текст становится понятен тогда, когда после одного *коли* мы восстановим глагол *помнить*, а после второго *коли* — *видеть*. Это значит: «Что сказать о грядущем, коли тело помнит то, что было в прошлом, и глаза видят то, что видели в прошлом».

Вернёмся к статье О.Е. Пекелис и рассмотрим её идеи относительно коммуникативной и интонационной структуры сложносочинённых предложений. Речь пойдёт о примере из Ю. Казакова. О.Е. Пекелис берёт изолированное предложение и предлагает следующую интонационную разметку:

«(5) [Но была↑]T1 [весна ↓]R1, и [старый дом↑]T2 [не производил↓]R2 [тягостного впечатления]T2-A.

(6) [Старый дом↑]T1 [не производил↓]R1 [тягостного впечатления]T1-A, [потому что была весна ↓]R2.»

Хотелось бы знать, в каком тексте можно увидеть подобное интонационное оформление предложения такой семантики? Дело в том, что в одной части сложного предложения бытийная конструкция, а в другой — каузативная конструкция с предикатом эмоционального состояния. Приведём развёрнутый фрагмент рассказа Ю. Казакова, отдельное предложение которого анализируется О.Е. Пекелис:

Года через два я опять попал в те места и снова поселился у доктора. Он по-прежнему жил один. Никто не стучал когтями по полу, не фукал носом и не молотил хвостом по плетёной мебели. Дом молчал, и в комнатах так же пахло пылью, аптекой и старыми обоями.

Но была весна, и пустой дом не производил тягостного впечатления. В саду лопались почки, орали воробьи, в роще городского сада с гомоном устраивались грачи, доктор распевал фальцетом свои арии. По утрам над городом стоял синий пар, река разлилась куда хватал глаз, на разливах отдыхали лебеди и утром поднимались со своим вечным «клик-кланк», гнусаво сигналили яркие катера и протяжно гудели упорные буксиры. Было весело!

При обращении к тексту становится ясно, что причинно-следственные отношения не ограничиваются сложносочинённым предложением: начиная с формы «в саду» и до последнего восклицательного предложения идёт обоснование того, почему «дом не производил тягостного впечатления». В этом контексте паузы между бытийным глаголом *была* и существительным *весна* быть не может, как и паузы между глаголом *производить* и прилагательным *тягостный*. Вариант (6) с союзом *потому что* указывает на то, что необходимо последующее обоснование. А значит, должно быть повышение тона голоса в конце сложноподчинённой конструкции.

Таким образом, синтаксический анализ сложных предложений в тексте позволяет представить систему сложных предложений, базирующуюся на основе двух пересекающихся параметров: формальный вид связи в сложном предложении (сочинение и подчинение), с одной стороны, и участие/неучастие модуса

в соединении двух предикативных единиц, т. е. возможность/невозможность смены модуса после союза, — с другой.

Полемические соображения, высказанные в связи со статьей О.Е. Пекелис, позволяют сделать и общеметодологические выводы: лингвистический эксперимент — это мощное орудие доказательства лингвистической идеи, которое должно указывать путь к новому знанию. Но если посредством диагностического контекста доказывается очевидное, то возникает вопрос, правомерен ли эксперимент ради эксперимента, всегда ли лингвистический эксперимент свидетельствует об эффективности научного анализа?

Библиографический список

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 338 с.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; 10.02.19 / А.Н. Баранов. — М., 1990. — 48 с.
3. Ванников Ю.В. Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции) / Ю.В. Ванников. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1969. — 130 с.
4. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980. — 362 с.
5. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка / М.В. Всеволодова. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 502 с.
6. Грамматика русского языка / Ред. коллегия: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина. — Т. II: Синтаксис. — Ч. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — 444 с.
7. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онепенко, М.Ю. Сидорова. — М.: Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. — 524 с.
8. Иорданская Л.Н. Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими союзами) / Л.Н. Иорданская // *Russian Linguistics*. — № 12. — Netherlands, Kluwer Academic Publishers, 1988. — 360 с.
9. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка / О.А. Крылова. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1992. — 171 с.
10. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений / М.В. Ляпон. — М.: Наука, 1986. — 199 с.
11. Пекелис О.Е. Сочинение и подчинение: коммуникативный подход / О.Е. Пекелис // *Русский язык в научном освещении*. — 2008. — № 2 (16). — С. 21–57.
12. Пекелис О.Е. Сочинение и подчинение в контексте причинной семантики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / О.Е. Пекелис. — М., 2009. — 257 с.
13. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. — 8-е изд. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 413 с.
14. Русская грамматика. — Т. II. — М.: Наука, 1980. — 714 с.
15. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка / А.П. Сковородников. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. — 254 с.

16. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высш. школа, 1989. – 799 с.
17. Теория функциональной грамматики / Под ред. А.В. Бондарко. – Т. 1: Введение. Временная локализованность. Таксис. Аспектуальность. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
18. Теория функциональной грамматики / Под ред. А.В. Бондарко. – Т. 5: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – 229 с.
19. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940.
20. Черемисина М.И. Очерки по теории сложного предложения / М.И. Черемисина, Т.А. Колосова. – Новосибирск: Наука, 1987. – 197 с.
21. Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения / С.А. Шувалова. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 160 с.
22. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
23. Ярыгина Е.С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка / Е.С. Ярыгина. – М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 294 с.

References

Literatura

1. Arutyunova N.D. Tipy' yazy'kovy'x znachenij: Ocenka. Soby'tie. Fakt / N.D. Arutyunova. – М.: Nauka, 1988. – 338 s.
2. Baranov A.N. Lingvisticheskaya teoriya argumentacii (kognitivny'j podxod): avtoref. dis. ... d-ra filologicheskix nauk: 10.02.01; 10.02.19 / A.N. Baranov. – М., 1990. – 48 s.
3. Vannikov Yu.V. Sintaksicheskie osobennosti russkoj rechi (yavlenie parcellyacii) / Yu.V. Vannikov. – М.: Изд-во Рос. un-ta družby' narodov, 1969. – 130 s.
4. Vinogradov V.V. Stil' «Pikovoj damy'» / V.V. Vinogradov // Izbranny'e trudy': O yazy'ke xudozhestvennoj prozy'. – М.: Nauka, 1980. – 362 s.
5. Vsevolodova M.V. Teoriya funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoj (pedagogicheskoj) modeli yazy'ka / M.V. Vsevolodova. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 s.
6. Grammatika russkogo yazy'ka / Red. kollegiya: V.V. Vinogradov, E.S. Istrina. – Т. II: Sintaksis. – Ch. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 444 s.
7. Zolotova G.A. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazy'ka / G.A. Zolotova, N.K. Onipenko, M.Yu. Sidorova. – М.: Filol. fak-t. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 524 s.
8. Iordanskaya L.N. Semantika russkogo soyuza raz (v sravnenii s nekotory'mi drugimi soyuzami) / L.N. Iordanskaya // Russian Linguistics. – № 12. – Netherlands, Kluwer Academic Publishers, 1988. – 360 s.
9. Kry'lova O.A. Kommunikativny'j sintaksis russkogo yazy'ka / O.A. Kry'lova. – М.: Изд-во Рос. un-ta družby' narodov, 1992. – 171 s.
10. Lyapon M.V. Smy'slovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst: K tipologii vnutritekstovy'x otnoshenij / M.V. Lyapon. – М.: Nauka, 1986. – 199 s.
11. Pekelis O.E. Sochinenie i podchinenie: kommunikativny'j podxod / O.E. Pekelis // Russkij yazy'k v nauchnom osveshhenii. 2008. – № 2 (16). – S. 21–57.
12. Pekelis O.E. Sochinenie i podchinenie v kontekste prichinnoj semantiki: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / O.E. Pekelis. – М., 2009. – 257 s.

13. *Peshkovskij A.M.* Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii / A.M. Peshkovskij. – 8-e izd. – M.: Yazy'ki slavjanskoj kul'tury', 2001. – 413 s.
14. Russkaya grammatika / Pod red. N.Yu. Shvedovoj. – T. II. – M.: Nauka, 1980. – 714 s.
15. *Skovorodnikov A.P.* E'kspressivny'e sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo yazy'ka / A.P. Skovorodnikov. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1981. – 254 s.
16. Sovremenny'j russkij yazy'k / Pod red. V.A. Beloshapkovoj. – M.: Vy'ssh. shkola, 1989. – 799 s.
17. Teoriya funkcional'noj grammatiki / Pod red. A.V. Bondarko. – T. 1.: Vvedenie. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis. Aspektual'nost'. – L.: Nauka, 1987. – 348 s.
18. Teoriya funkcional'noj grammatiki / Pod red. A.V. Bondarko. – T. 5: Lokativnost'. By'tijnost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'. – SPb.: Nauka, 1996. – 229 s.
19. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: v 4 t. / Pod red. D.N. Ushakova. – M.: Sov. e'nciklopediya: OGIZ, 1935–1940.
20. *Cheremisina M.I.* Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya / M.I. Cheremisina, T.A. Kolosova. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 197 s.
21. *Shuvalova S.A.* Smy'slovy'e otnosheniya v slozhnom predlozhenii i sposoby' ix vy'razheniya / S.A. Shuvalova. – M.: Izd-vo MGU, 1990. – 160 s.
22. *Shherba L.V.* O chastyax rechi v russkom yazy'ke / L.V. Shherba // Shherba L.V. Yazy'kovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. – L.: Nauka, 1974. – 428 s.
23. *Yary'gina E.S.* Konstrukcii vy'voda-obosnovaniya v sintaksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazy'ka / E.S. Yary'gina. – M.: Izd-vo MGOU, 2002. – 294 s.

Л.С. Карпова

О лингвопоэтической функции метафоры в текстах разных повествовательных типов

В статье рассматривается вопрос о лингвопоэтической функции метафоры в художественном тексте в зависимости от того, к какому повествовательному типу принадлежит данный текст (на материале сонетного цикла У. Шекспира).

The article considers the linguopoetic function of metaphor in literary texts depending on the narrative nature of a text (on the material of The Sonnets by W. Shakespeare).

Ключевые слова: лингвопоэтика; лингвопоэтическая функция; лингвопоэтическая значимость; повествовательный тип; метафора.

Keywords: linguopoetics; linguopoetic function; linguopoetic value; narrative type; metaphor.

Основной современной лингвопоэтики является положение о том, что в художественном тексте стилистически маркированные языковые единицы могут в неравной степени раскрывать свои семантические и метасемантические свойства [5: с. 50–108] и, следовательно, в разной степени участвовать в передаче идейно-художественного содержания текста и создании эстетического эффекта от его прочтения. Лингвопоэтическое исследование художественного своеобразия сонетов У. Шекспира, проведённое на основе теории повествовательных типов, показало, что один и тот же художественный приём может по-разному участвовать в раскрытии идейно-художественного содержания текста и создании эстетического эффекта в зависимости от повествовательного характера текста [3: с. 94–235]. Иными словами, лингвопоэтическая роль художественного приёма в тексте напрямую связана с общей повествовательной направленностью текста [3: с. 231].

Согласно теории повествовательных типов, повествование в художественном тексте может представлять собой *описание* событий, сцен или фактов, *рассуждение* героев / автора на отвлечённые темы или выражать *волеизъявление* героев по поводу предмета повествования [3: с. 56–76; 4]. Эти три формы повествования в лингвопоэтике получили название повествовательных типов и понимаются как «различающиеся в логико-понятийном плане способы передачи того или иного идейно-художественного содержания, что получает выражение в совокупности лингвопоэтических признаков: наборе стилистически маркированных единиц и степени реализации потенциального значения данных единиц» [6: с. 68].

Обратимся к некоторым сонетам У. Шекспира [1], чтобы на их примере определить разные способы функционирования метафоры в текстах разных повествовательных типов.

В 128 сонете лирический герой описывает сцену игры возлюбленной Смуглой Леди на вёрджинеле. Наблюдая за проворным движением её рук, он мечтает оказаться на месте клавиш музыкального инструмента.

В ходе стилистического анализа данного текста можно отметить, что помимо ингерентно коннотативных прилагательных, выполняющих функцию эпитетов, а именно: *sweet fingers*, *blessed wood*, *tender inward of thy hand*, *gently sway'st*, *poor lips*, — а также перифразов метонимического типа *the wiry concord* («*the harmony of the strings*») и *blessed wood whose motion sounds*, автор использует такие метафоры, как: *my music*, *harvest*, *reap*, *boldness*, *gait*, *more blessed (than living lips)*, *dancing (chips)*, *saucy (jacks)* [8–9]. Все эти языковые единицы, обладающие стилистическими коннотациями, передают «оценочно-экспрессивно-эмоциональные» [7: с. 204] оттенки значений, и, следовательно, тем или иным образом участвуют в создании эстетического эффекта.

Остановимся подробнее на метафорах. В сонете стилистически маркированные языковые единицы обретают переносное значение, т. е. получают адгерентные коннотации на основе сходства обозначаемых предметов с другими предметами, действиями или явлениями. Так, метафорическое обращение *my music* в данном контексте означает не гармоничное звучание музыкального инструмента, а говорит о том, кем для лирического героя является его возлюбленная: человеком, которого он любит и благодаря которому он чувствует себя в гармонии с окружающим миром. Существительное *harvest* также употребляется в сонете метафорически, так как означает не урожай, собираемый осенью, а ту награду, которую лирический герой мог бы получить от возлюбленной, находясь к ней ближе («*metaphorically fruit, produce*» [8: р. 515]). Связанным с ним в контексте оказывается глагол *reap*, употреблённый в переносном значении и означающий не «собирать урожай», а получать награду за любовь и нежность [9: р. 944].

Интересно отметить, что эти два метафорических выражения образуют одну развёрнутую метафору, которой удаётся создать образный план в тексте. Однако очевидно, что этим её роль и ограничивается: посредством данной метафоры автор образно описывает изображаемую ситуацию и не использует её для развития главной идеи сонета (*экспрессивная лингвопоэтическая функция*), что подтверждается отсутствием смысловых связей с другими высказываниями в тексте (*автоматизированное*¹ речепотребление).

Похожим образом в тексте употреблены причастие *dancing (chips)*, которое описывает движение клавиш вёрджинеля, и существительное *gait*: здесь

¹ В лингвопоэтике различные степени реализации значения стилистически маркированных языковых единиц, или способы их речепотребления, называются *лингвопоэтической значимостью*. Последняя тесно связана с *лингвопоэтической функцией*, или ролью, выполняемой стилистически маркированной языковой единицей в тексте при передаче идейно-художественного содержания текста и создании эстетического воздействия на читателя. Подробнее о *лингвопоэтической значимости* и *лингвопоэтической функции* стилистически маркированных языковых единиц см. [5: с. 50–108].

оно описывает не «походку» (прямое значение), а движение пальцев возлюбленной по клавишам музыкального инструмента.

В случае с абстрактным существительным *boldness*, ингерентно коннотативным адъективированным причастием *more blessed* и прилагательным *saucy* можно наблюдать сужение значения, его изменение в сторону сокращения семантических свойств (автоматизированное речупотребление). Так, существительное *boldness* в прямом значении обозначает такие свойства человеческого характера, как дерзость, смелость, мужество, бесстрашие, храбрость, отвага. В данном же случае оно употребляется в переносном смысле как автоматизированный элемент высказывания, обозначающий отсутствие таких качеств, как робость, застенчивость («*freedom from timidity/assurance*» [8: p. 127]). Речь идёт не о чертах характера человека, но о «манере поведения» клавиш музыкального инструмента, олицетворённого лирическим героем. Ввиду этого лингвопоэтическая функция существительного *boldness* в сонете также становится *экспрессивной*. Аналогичным образом сокращение семантических свойств претерпевает адъективированное причастие *blessed*: в данном контексте оно имеет значение «счастливый», а не «благословенный» или «святой», так как в сонете не содержится на это никаких указаний. Также и прилагательное *saucy* (*impudent, insolent* [9: p. 1004]) описывает не человека как дерзкого, нахального, бесстыдного, но олицетворённый предмет, а следовательно, оно обладает в контексте более узким значением.

Данная особенность значения выделенных при анализе стилистически маркированных языковых единиц не позволяет сообщить повествованию более отвлечённый характер. В связи с этим они выражают только оценку выгодного положения клавиш, данную лирическим героем.

Итак, с точки зрения лингвопоэтики, рассмотренные выше метафоры делают текст более экспрессивным, а их смысловое наполнение не позволяет им участвовать в развитии главной идеи сонета. Думается, что такое употребление метафоры в тексте описательного характера неслучайно: автору удаётся в привлекательной манере описать обычную жизненную ситуацию, не перегружая читателя сложными ассоциативными рядами и рассуждениями отвлечённого характера.

В 34 сонете У. Шекспира содержатся *размышления* лирического героя об изменчивом нраве близкого человека, о его обманчивых обещаниях, о нанесённой пренебрежительным отношением обиде, о том, как трудно преодолеть эту обиду, и о том, что только слезы раскаяния могут изгладить след от обиды в душе лирического героя.

Анализ языковой организации сонета показывает, что этот текст отвлечённого характера можно отнести к повествовательному типу «рассуждение». Сонет начинается с риторического вопроса, содержащего утверждение о том, что близкий человек пренебрегает лирическим героем без видимых причин: «*Why didst thou promise such a beauteous day, / And make me travel forth without my cloak, / To let base clouds o'ertake me in my way, / Hiding thy brav'ry in their*

rotten smoke?». Отметим, что уже в первых строках сонета встречается развёрнутая метафора, которая не только образно представляет сложившуюся ситуацию, но и, по сути, является средством развития главной идеи сонета. Благодаря тому что словосочетание *beauteous day* в контексте обретает адгерентные коннотации и означает безоблачные отношения между лирическим героем и близким ему человеком, оно сопоставляется с *make me travel forth without my cloak*, которое в тексте тоже становится образным выражением. Здесь оно скорее имеет значение «идти по жизни, не подозревая о существующих трудностях».

Эта метафора отношений лирического героя и близкого человека находит продолжение в следующих строках сонета, в которых лирический герой размышляет о том, что трудно загладить нанесённую ему обиду: «*Tis not enough that through the cloud thou break / To dry the rain on my storm-beaten face*». Кроме этого в раскрытии идейно-художественного замысла сонета и создании эстетического эффекта участвуют и гномические выражения, также включающие развёрнутую метафору лекарства от обиды: «*For no man well of such a salve can speak, / That heals the wound, and cures not the disgrace: / Nor can thy shame give physic to my grief; / Though thou repent, yet I have still the loss: / Th'offender's sorrow lends but weak relief / To him that bears the strong offence's cross*».

Эти высказывания заставляют задуматься над тем, чем можно загладить обиду и может ли осознание обидчиком вины послужить утешением обиженному человеку. Такое воздействие на слушателя становится возможным благодаря входящим в состав метафор компонентам, либо полностью раскрывающим своё значение в контексте, что можно сказать об абстрактных существительных *disgrace, sorrow, relief, offence, cross*, выполняющих гномическую лингвопоэтическую функцию (создание отвлечённого плана повествования) при полноценном речепотреблении, либо приобретающим переносное значение в сонете. К последним относятся существительные *cloud, rain, salve, wound* и словосочетание *storm-beaten face*. Так, *cloud* — неприятность, застигнувшая лирического героя врасплох (*let base clouds o'ertake me in my way*), *rain* — немилость, в которую впадает лирический герой, *storm-beaten face* — очевидно, что в данном случае *storm-beaten* — перенёсший много ударов судьбы, *wound* — та рана в сердце, которая остаётся от нанесённой обиды; и наконец, существительное *salve* означает «бальзам на душу», способный излечить человека от душевных ран, тревог и обид. Эти стилистически маркированные языковые единицы актуализируют свои метасемиотические свойства в сонете (актуализированное речепотребление) и выполняют ассоциативную (создают образный план повествования) (*cloud, rain* и *storm-beaten*) и гномическую (*salve, wound*) лингвопоэтические функции, развивая уже созданный предыдущими метафорами образный и отвлечённый планы повествования, способствуя раскрытию главной идеи сонета и созданию определённого эстетического эффекта.

Помимо этого развитию отвлечённого плана повествования способствуют абстрактные существительные, речепотребление которых оказывается полноценным: *love, loss, shame, grief*.

Интересно отметить, что, несмотря на общий образно-отвлечённый характер повествования, в заключительных строках сонета употребляется метафорическое выражение, которое не является продолжением образного плана, созданного развёрнутыми метафорами, и, более того, не связано с какими-либо другими компонентами текста: «Ah, but those tears are pearl which thy love sheds, / And they are rich and ransom all ill deeds». Эта метафора лишь образно представляет мысль лирического героя о том, что ему дороги слёзы близкого человека и он готов простить ему все обиды. Такое употребление метафоры позволяет говорить об *автоматизированном* речепотреблении её компонентов и *экспрессивной* лингвопоэтической функции в раскрытии идейно-художественного замысла сонета и создании эстетического эффекта.

Итак, как видно из проведённого лингвопоэтического анализа сонета 34, встречающиеся в нём развёрнутые метафоры выполняют гномическую и ассоциативную лингвопоэтическую функции и служат средством раскрытия основной идеи сонета и создания эстетического воздействия.

И наконец, обратимся к 90 сонету, в котором ярко выражено волеизъявительное начало.

Лирический герой просит Друга возненавидеть и оставить его сейчас, уж если суждено, и быть самой горькой из его потерь, «но только не последней каплей горя» [2: с. 187]. Этот призыв звучит благодаря глаголам в повелительном наклонении: *hate me..., join with the spite..., do not drop in..., do not... come in the rearward, give not...* Отметим, что не во всех шекспировских сонетах повествовательного типа «волеизъявление» встречается так много глаголов в повелительном наклонении [3: с. 193–208]. Однако в данном сонете это далеко не единственное языковое средство, с помощью которого выражается волеизъявительное начало. Обращают на себя внимание образы военного сражения, возникающие в следующих строках сонета: «Join with the spite of fortune, make me bow, / And do not drop in for an after-loss. / Ah, do not, when my heart hath 'scaped this sorrow, / Come in the rearward of a conquered woe; / Give not a windy night a rainy morrow, / To linger out a purposed overthrow. / If thou wilt leave me, do not leave me last, / When other petty griefs have done their spite, / But in the onset come; so shall I taste / At first the very worst of fortune's might...» Картину сражения создают отдельные метафоры, объединённые в метафорическую систему — развёрнутую метафору, компоненты которой актуализируют свои метасемиотические свойства благодаря тесной смысловой взаимосвязи. Они также переводят повествование в тексте на уровень отвлечённых рассуждений. Употреблённые в метафорах абстрактные существительные полностью реализуют своё значение в контексте и становятся частью ассоциативного плана повествования. Переносное значение развёрнутой

метафоры выступает на первый план ввиду того, что гномическое выражение *while the world is bent my deeds to cross* соотносится с *spite of fortune*, а фраза *when my heart hath 'scaped this sorrow* — с метафорой *do not... come in the rearward of a conquered woe*. Ещё одна метафора реализуется в сонете посредством наглядного образа, возникающего в седьмой строке: «Give not a windy night a rainy morrow...» Хотя этот образ и сохраняет наглядность, сочетаясь с последующей метафорой *to linger out a purposed overthrow*, он включается в общий образный план сонета и становится ещё одним стилистическим средством, создающим эстетический эффект.

Заметим, что в отличие от сонета-описания 128, в котором метафоры употреблены лишь как средство создания экспрессивности, в сонете 90 метафоры создают образный и отвлечённый планы повествования, посредством которых лирическому герою удаётся раскрыть главную идею обращения к адресату и добиться эмоционального воздействия на него. Последнее становится возможным благодаря тому, что для выражения одной и той же идеи используются несколько метафор, создающих разные образы. Иными словами, в сонете 90 метафоры выполняют ассоциативную и гномическую лингвопоэтические функции и наряду с другими стилистически маркированными языковыми единицами являются средством выражения авторского замысла.

Итак, анализ лингвопоэтической функции метафоры в создании эстетического эффекта и передаче идейно-художественного содержания в сонетах разных повествовательных типов показал, что в сонете-описании метафора выполняет экспрессивную лингвопоэтическую функцию. Такое речупотребление способствует развитию повествовательного начала в тексте и позволяет не перегружать читателя ассоциативными рядами и размышлениями на отвлечённые темы. В сонете-рассуждении этот же художественный приём логически и последовательно развивает основную идею; здесь метафора выполняет ассоциативную и гномическую функции. И наконец, создавая образный и отвлечённый планы повествования (ассоциативная и гномическая лингвопоэтические функции) в сонете-волеизъявлении, метафора не только выражает главную идею сонета, но и усиливает её. Такое речупотребление способствует созданию ощущения эмоционального напряжения, которым отличаются сонеты-волеизъявления от сонетов-рассуждения и описания.

В завершение необходимо отметить, что рассмотренные выше способы функционирования метафоры в сонетах У. Шекспира разных повествовательных типов отражают общую тенденцию, которая прослеживается при условии сохранения баланса между повествовательной направленностью текста и характером употребления стилистически маркированных языковых единиц. В случае же когда этот баланс нарушается, в тексте-описании появляются художественные элементы, выводящие повествование на уровень отвлечённых рассуждений или образующие ассоциативные ряды, а текст-рассуждение может содержать элементы функции воздействия, выполняющие лишь экспрессивную роль [3: с. 64–65]. В любом случае природа словесно-художественного творчества необыкновенно гибкая и разнообразная.

В каждом конкретном произведении могут встречаться разные случаи употребления стилистически маркированных языковых единиц. Отмеченная же в настоящей статье тенденция функционирования метафоры в сонетах У. Шекспира разных повествовательных типов отражает закономерность использования языковых средств определённым образом в зависимости от повествовательного характера текста.

Библиографический список

Источники

1. *Shakespeare W. The Sonnets / W. Shakespeare.* – New York: Signet Classics, 1994. – 210 p.
2. *Шекспир У. Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака / У. Шекспир; послеслов. М. Морозова.* – М.: Логос, 1999. – 197 с.

Литература

3. *Карпова Л.С.* Лингвопоэтика повествовательных типов в английской поэзии елизаветинского периода (на материале произведений Э. Спенсера, С. Дэниела, У. Шекспира): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; защищена 08.10.2009 г. / Л.С. Карпова. – М., 2009. – 270 с.
4. *Карпова Л.С.* Лингвопоэтика повествовательных типов в сонетном цикле Уильяма Шекспира / Л.С. Карпова, А.А. Липгарт // *Философия языка. Функциональная стилистика. Лингвопоэтика: сб. научн. ст. / Под ред. А.А. Липгарта и Е.М. Болычевой.* – М.: МАКС Пресс, 2009. – № 3. – С. 81–106.
5. *Липгарт А.А.* Методы лингвопоэтического исследования: учеб. пособие по спецкурсу / А.А. Липгарт. – М.: Московский лицей, 1997. – 220 с.
6. *Мурашкина А.А.* К проблеме лингвопоэтического исследования повествовательных типов текста / А.А. Мурашкина // *Философия языка. Функциональная стилистика. Лингвопоэтика: сб. научн. ст. / Под ред. А.А. Липгарта и А.В. Назарчука.* – М.: МАКС Пресс, 2004. – № 2. – С. 65–75.

Справочные и информационные издания

7. *Ахманова О.С.* Текст / О.С. Ахманова // *Словарь лингвистических терминов.* – 4-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – С. 204.
8. *Schmidt A. Shakespeare-Lexicon: Vol. 1. A – L: A Complete Dictionary of all the English Words, Phrases and Constructions in the Works of the Poet / A. Schmidt.* – 2 ed. – Berlin: Georg Reimer, 1902. – P. 1–679.
9. *Schmidt A. Shakespeare-Lexicon: Vol. 2. M – Z: A Complete Dictionary of all the English Words, Phrases and Constructions in the Works of the Poet / A. Schmidt.* – 2 ed. – Berlin: Georg Reimer; London: William & Norgate, 1886. – P. 680–1450.

References

Istochniki

1. *Shakespeare W. The Sonnets / W. Shakespeare.* – New York: Signet Classics, 1994. – 210 p.
2. *Shekspir U. Sonety' Shekspira v perevodax S. Marshaka / U. Shekspir; posleslov. M. Morozova.* – М.: Logos, 1999. – 197 s.

Literatura

3. *Karpova L.S.* Lingvopoe'tika povestvovatel'ny'x tipov v anglijskoj poe'zii elizavetinskogo perioda (na materiale proizvedenij E'. Spensera, S. De'niela, U. Shekspira): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04; zashhishhena 08.10.2009 g. / L.S. Karpova. – M., 2009. – 270 s.

4. *Karpova L.S.* Lingvopoe'tika povestvovatel'ny'x tipov v sonetnom cikle U. Shekspira / L.S. Karpova, A.A. Lipgart // *Filosofiya yazy'ka. Funkcional'naya stilistika. Lingvopoe'tika: sb. nauchn. st. / Pod red. A.A. Lipgarta i E.M. Boly'chevoj.* – M.: MAKS Press, 2009. – № 3. – S. 81–106.

5. *Lipgart A.A.* Metody' lingvopoe'ticheskogo issledovaniya: ucheb. posobie po speczkursu / A.A. Lipgart. – M.: Moskovskij licej, 1997. – 220 s.

6. *Murashkina A.A.* K probleme lingvopoe'ticheskogo issledovaniya povestvovatel'ny'x tipov teksta / A.A. Murashkina // *Filosofiya yazy'ka. Funkcional'naya stilistika. Lingvopoe'tika: sb. nauchn. st. / Pod red. A.A. Lipgarta i A.V. Nazarchuka.* – M.: MAKS Press, 2004. – № 2. – S. 65–75.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

7. *Axmanova O.S.* Tekst / O.S. Axmanova // *Slovar' lingvisticheskix terminov.* – 4-e izd., stereotip. – M.: KomKniga, 2007. – S. 204.

8. *Schmidt A.* Shakespeare-Lexicon: Vol. 1. A – L: A Complete Dictionary of all the English Words, Phrases and Constructions in the Works of the Poet / A. Schmidt. – 2 ed. – Berlin: Georg Reimer, 1902. – P. 1–679.

9. *Schmidt A.* Shakespeare-Lexicon: Vol. 2. M – Z: A Complete Dictionary of all the English Words, Phrases and Constructions in the Works of the Poet / A. Schmidt. – 2 ed. – Berlin: Georg Reimer; London: William & Norgate, 1886. – P. 680–1450.

О.Г. Чупрына

Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход)

Прецедентные явления или культурные имена в произведениях о подростках функционируют как языковые средства придания образам героев убедительности и реальности. Как единицы языка они формируют модели мировидения и социальной и культурной адаптации героев в реальном и в то же время вымышленном мире.

Precedent phenomena or culture references as linguistic means in teen books are to make characters convincing and true to life. As units of language they build up the mindset model and pattern of social and cultural adaptation of the characters in real but at the same time imaginary world.

Ключевые слова: прецедентные явления; культурные имена; мировидение; книги о подростках.

Keywords: precedent phenomena; culture reference; mindset; teen books.

Введение термина «прецедентный текст» в научный оборот имело важные последствия не только благодаря расширению границ исследования общей проблемы интертекстуальности, но и в силу того, что была подтверждена взаимная зависимость между значимостью языкового выражения и культурно-языковым опытом личности говорящего. В прецедентных явлениях наиболее наглядно проявляется аккумулярующая функция языка, поскольку они вмещают в себя знания о многоаспектных явлениях и ситуациях, кодируют информацию о них и, становясь культурными знаками, передают её во времени и пространстве. В работах последних лет заметно, как формируется направление, в рамках которого прецедентные явления изучаются в текстах художественной литературы для детей [6–9].

Небезынтересно заметить, что термины «прецедентное имя», «прецедентный текст» не получили распространения в зарубежной лингвистике. В некоторой степени им соответствует термин «cultural reference», который, однако, до сих пор не получил однозначного определения. Русский вариант этого термина также довольно сложно подобрать, ближе всего к английскому оригиналу, вероятно, будет название «имена культуры». Имена культуры, или **culture references**, рассматриваются как формирующие образ мыслей и склад ума в целом и потому исследуются в преемственной связи прошлого и настоящего. Подобная связь всегда присутствует в имени культуры, при этом настоящее имеет не меньшую, а подчас и большую семиотическую значимость, чем прошлое.

В 1998 году это обстоятельство с особой остротой поняли два американских профессора-гуманитария Том МакБрайд и Рон Ниф. Они вдруг осознали, что фильмы, телевизионные программы и песни, которые их коллеги цитируют в разговоре со студентами, невероятно устарели. Тогда в американском колледже Beloit был создан первый Mindset List (Умонастроения. Перечень) с целью дать возможность преподавателям глубже понять мировидение студентов, плановый год выпуска которых был 2002 [10]. Авторы сосредоточились на событиях и технологиях, которые совпали с годами становления этих студентов как личностей. Смысл состоял в том, чтобы представить, каково этим студентам становиться взрослыми и какие тренды и ценности являются для них нормой.

Список сразу стал необыкновенно популярным, и с 1999 года было уже составлено более 15 перечней. В них практически нельзя найти имена художников или поэтов давно минувших дней, но они включают имена политиков, известных музыкантов, названия фильмов, названия высокотехнологичных устройств, известные положения, касающиеся социального устройства и прав человека. Составители списков каждое языковое высказывание сопровождают маркерами «always» («всегда») или «never» («никогда») сообразно опыту и мировосприятию студента-первокурсника. Так, например, в Mindset List студентов, чей год выпуска был 2011-й, внесены такие пункты: *Nelson Mandela has always been free and a force in South Africa (Нельсон Мандела всегда был на свободе и представлял собой значительную силу в Южной Африке)* (здесь и далее перевод наш. — О.Ч.); *«Off the hook» has never had anything to do with a telephone (Выражение «выпутавшийся из неприятной ситуации, избежавший серьёзных неприятностей» никогда не имело отношения к телефону)*¹). Первокурсники, закончившие колледж в 2013 году, полагали, что *«Christopher Columbus has always been getting a bad rep»* («Христофор Колумб всегда пользовался плохой репутацией»), а героиня фильма «Молчание ягнят» агент Старлинг всегда боялась «Молчания ягнят»: *«Agent Starling has always feared the Silence of the Lambs»*. И, конечно, они не сомневались в том, что политически корректные написания слов *wotup* (женщины, традиционное написание *women*) и *waitperson* (официант, официантка) всегда присутствовали в словаре.

Беглый взгляд на списки *Beloit Mindset List* позволяет выделить по меньшей мере три основных их особенности. Первое — список есть некая матрица, предназначенная для диагностики основных составляющих мировидения юных студентов. Второе — списки каждый раз подвергаются модернизации или осовремениванию (up-dating). И, наконец, третье — слова культуры (cultural references) понимаются широко и включают имена людей, известных в самых широких областях, а также названия новых / устаревших приборов и приспособлений, языковые выражения, которые необязательно принадлежат известному тексту или человеку, но бывшие в широком обращении в определённый период времени и связанные с характерными для этого

¹ Буквальное значение фразы 'off the hook' (англ.) — «занято» (букв. (трубка) не на рычаге).

периода материальными объектами или социальными явлениями, так называемые *catchphrases*. Что касается последнего наблюдения, то можно привести пример из списка 2013 года: *Nobody has ever responded to 'Help, I've fallen and I can't get up'*. Можно догадаться, что фраза «Help, I've fallen and I can't get up» («Я упала и не могу подняться») — не что иное, как прецедентный текст, но студенты, очевидно, не осознают её источник и потому полагают, что на эту фразу никто никогда не отвечал. На деле, это выражение из очень популярной в 1980-х – начале 1990-х годов телевизионной рекламы скорой медицинской помощи компании *LifeCall*. Вслед за этой фразой звучал ответ: «We're sending help immediately, Mrs. Fletcher» («Мы немедленно отправляем помощь, миссис Флетчер»). Прецедентный текст забыт теми, кто поступал в колледж в 2009 году, но они знают эту фразу, поскольку она стала расхожей во многих комедийных представлениях.

Можно с большой степенью уверенности сказать, что списки *Beloit Mindset List* отражают ориентированность на массовую культуру, политику и технологические инновации. Библия или классическая литература как источники культурных имён почти неизвестны молодым американцам, в подтверждение чему можно привести следующее положение из *Mindset List* 2016: «The Biblical sources of terms such as “Forbidden Fruit”, “The writing on the wall”, “Good Samaritan”, and “The Promised Land” are unknown to most of them» («Библейские источники таких выражений, как “запретный плод”, “зловещее предзнаменование”, “добрый самаритянин” и “Земля обетованная” не известны большинству из них»).

Довлеющая роль массовой культуры, глобальное проникновение телевидения как основного источника сведений о политических, социальных, культурных и прочих событиях определяют характер культурных имён или прецедентных явлений, которые встречаются на страницах книг о подростках. Один из очень популярных в Великобритании писателей Ник Хорнби, который написал в том числе книги о подростках, в одном из своих интервью сказал, что ему нравится пользоваться культурными именами (*cultural references*), поскольку они помогают поместить людей в пространстве и времени, потому что наибольшая часть людей знает о поп-культуре больше, чем о чем-либо ещё [1].

Одна из наиболее очевидных функций прецедентного имени в художественном тексте — поместить повествование в реальное время и реальное место. Именно поэтому некоторые авторы стремятся не использовать их, чтобы не дать возможности читателю рассуждать на тему актуальности или несовременности написанного. Другой, не менее важной функцией является создание многоплановости литературного образа, наглядная и убедительная передача читателю таких нюансов в психологическом портрете героя, которые, будучи выраженными в пространственных предложениях, потеряли бы своё значение. И, наконец, культурное / прецедентное имя, вынесенное в название книги, может служить семантической скрепой в развитии основного мотива произведения. Именно это произошло с названием книги Ника Хорнби *About*

a Boy [2]. Посвящённый читатель может сразу распознать в нём название хорошо известной песни знаменитой американской рок-группы «Нирвана» *About a Girl*². Это песня об одиноком человеке, который хочет выстроить отношения с девушкой. Ему необходим человек, с которым можно поговорить. Ему нужно, чтобы девушка его слушала. Но по другую сторону — любовь за деньги и пустота. Тема «Нирваны» задана культурным именем в заглавии и как фон развивается вместе с сюжетом книги.

Ассоциативная связь с песней группы «Нирвана» определяет лейтмотив книги — одиночество и поиск отношений, хрупкость жизни и потребность понимания. Маркус, главный герой произведения, 12-летний подросток, находящийся в полной изоляции в школе и подвергающийся издевательствам сверстников, получает поддержку 15-летней школьницы Элли и входит в круг её друзей, когда дешифрует культурное имя *Kurt Cobain*³. Тот факт, что музыкальные группы, песни и их исполнители формируют ядро прецедентности в повести, в определённой степени отражает традиционную значимость музыкальной поп-культуры для западного общества в целом и его юной части в особенности. Хорошо известно, что в конце 60-х годов прошлого века Джон Леннон, заявив об упадке христианства, утверждал, что популярность группы *The Beatles* превзошла известность и популярность Иисуса Христа. После чего последовала незамедлительная, резко отрицательная реакция американского музыкального журнала для подростков «Datebook» [3].

Прецедентность играет существенную роль в создании внутреннего мира героев повести — 12-летнего Маркуса и 36-летнего Вилла. Музыка, имена певцов и названия музыкальных групп противопоставляют эти миры. Маркус ещё только формируется как личность. Мать Маркуса пытается навязать сыну свои взгляды на мир и свой вкус в музыке, что становится очевидным не только из их диалогов, но и из культурных имён, таких как, например, *Joni Mitchell*, *Bob Marley*. Оба музыканта — и канадская певица, и ямайский певец — известны социальной направленностью своих песен. Фиона, мать Маркуса, не справляется с вызовами, которые бросает ей жизнь, отгораживается от реальности и пытается оградить от неё своего сына. Именно поэтому она объясняет сыну, почему следует слушать Джонни Митчелл и Боба Марли и не слушать тех музыкантов, которыми увлечены его одноклассники.

Имена других исполнителей и групп образуют поле интересов антагониста Маркуса — взрослого Вилла: *Bruce Springsteen*, *MC Hammer*, *Paul Weller*, *Nirvana*, *Snoop Doggy Dogg*, *R & B*. Это имена популярных рок-музыкантов и рэперов. Оно частично совпадает с интересами одноклассников Маркуса, которые тоже в восторге от рэперов *Snoop Doggy Dogg*, *Tupac* и *Warren G*.

² Следует заметить, что название другой широко известной и чрезвычайно популярной книги о подростках «*The Catcher in the Rye*» («Над пропастью во ржи») Дж. Селинджера тоже представляет собой аллюзию к поэме Роберта Бёрнса «*Coming thro' the Rye*».

³ Курт Кобейн — лидер группы «Нирвана».

Упомянутые прецедентные имена не только указывают на время, когда происходят события в повести, но высвечивают духовные и социальные искания подростков и молодых людей того времени. В прецедентных явлениях, таких как названия песен Джонни Митчелл — «Knocking on Heaven's Door», «Fire and Rain», «Both Sides Now» и альбома группы Nirvana «Nevermind», нельзя не разглядеть столкновения двух мироощущений, разных пониманий своего «Я» в сложном и противоречивом мире. Автор пользуется культурными именами как средствами создания убедительного образа героев, поэтому неудивительно, что Вилл, пытаясь понять 15-тилетнюю Элли, представляет её как «an unimaginable cross between Siouxsie of the Banshees and the Roadrunner» («непостижимое соединение Сьюзи Банши и Роудранна»; Siouxsie of the Banshees — известная британская рок-группа, the Roadrunner — известное название для музыкальных групп тяжёлого металла и рока) [2: с. 191]».

Неслучайным является и то, что писатель включает в повесть вымышленное название рождественской песни, которую якобы написал отец Вилла, — «Santa's Super Sleigh». Вилл живет на отчислении от исполнения этой сверхпопулярной и, по мнению Вилла, глупой песни. Не противореча самому себе, Вилл, однако, говорит о боли, отчаянии и сожалении в этой песне и сопоставляет её с музыкальным альбомом Боба Дилана «Blood on the Tracks», что создаёт иллюзию реального существования песни под названием «Santa's Super Sleigh».

Ник Хорнби использует такие прецедентные явления, как названия книг и журналов, которые читают его герои. Анализ этих имён говорит о том, что Маркус не читает книг, единственное упоминаемое название — «One Flew Over the Cuckoo's Nest» («Полёт над гнездом кукушки»). Маркус знает эту книгу, потому что видел фильм. Вилл тоже не читает книг, его интересы отражают названия журналов: «Time Out», «i-D», «The Face Arena», «New Musical Express (NME)» — развлечения, машины, мода, музыкальные диски и прочее. Маркус формируется под влиянием фильмов «Home Alone 1», «Honey, Honey, I Shrank the Kids», «I Blew Up the Kid». Среди этих названий случайным выглядит другое культурное имя «Groundhog Day» («День сурка»). 12-летнего Маркуса и 36-летнего Вилла сближает просмотр популярных телевизионных передач и мильных опер — «Countdown» и «EastEnders». Названия фильмов и телепрограмм, не претендующих на духовную или художественную глубину, сигнализируют о душевной пустоте и попытках чем-то её заполнить.

Ник Хорнби обращается к прецедентным явлениям и в создании социальных образов героев. Особенно отчётливо это можно проследить на примере названий разных видов рубашек, которые они носят. Нелепость Маркуса в глазах окружающих подчёркивает прецедентное имя Microsoft, написанное на футболке Маркуса: «He had a strange frizzy bush of hair, and he dressed like a twenty-five-year-old chartered accountant on his day off: he was wearing brand-new jeans and a Microsoft T-shirt» («У него была копна вьющихся волос, и он одевался как двадцатипятилетний дипломированный бухгалтер в свой выходной день: на нём были совершенно новые джинсы и футболка с надписью

Майкрософт» [2: р. 49]. О материальном благополучии Вилла говорит имя Paul Smith на его рубашках. Названия *a Lorena Bobbitt T-shirt* и *John Major's shirts* требуют культурологического декодирования.

Когда Вилл впервые приходит в Ассоциацию Одиноких Родителей, притворяясь отцом-одиночкой, его встречает молодая женщина, одетая в футболку с надписью Lorena Bobbitt. Прецедентное имя безапелляционно сообщает о взглядах обладательницы футболки на отношения полов в браке, поскольку имя Lorena Bobbitt стало известно во всем мире как символ жестокой мести женщины за неверность мужа. Эта героиня лишь однажды появляется на страницах повести, но остаётся в памяти читателя благодаря именно прецедентному имени на своей футболке. С помощью прецедентных явлений Ник Хорнби вплетает в повествование слухи и сплетни, циркулировавшие в британском обществе в описываемый период времени. Он не рассказывает той истории, которая якобы случилась с тогдашним премьер-министром Джоном Мейджором, но героиня повести Фиона упоминает его рубашки — John Major's shirts⁴, что в случае верного декодирования дополняет представление читателя как о самой героине, так и о социально-культурной среде, в которую автор помещает своих героев.

Повесть Сью Таунсенд «The Growing Pains of Adrian Mole», опубликованная на 13 лет раньше, чем повесть Ника Хорнби, написана в виде дневника четырнадцатилетнего подростка [4]. Она изобилует прецедентными именами, которые в книге не всегда наделены знаковой функцией. Между этими двумя повестями обнаруживается одно совпадение в части использования прецедентных имён. Имя Eleanor Touah встречается в обеих книгах. Это имя английской рок- и панк-певицы. Одноклассники Эдриана слушают её песни, 13 годами позже мать Элли в повести «About a Boy» говорит, что назвала свою дочь Элли, потому что хотела, чтобы та была похожа на рок-певицу. Eleanor Touah — практически единственное прецедентное имя, связанное с музыкой, которое встречается в повести. Подавляющее большинство прецедентных имён в «The Growing Pains of Adrian Mole» отражает социально-политическую ситуацию в Великобритании во времена Маргарет Тэтчер. Сью Таунсенд создаёт совершенно иной образ подростка, что достигается в том числе за счёт использования многочисленных культурных имён. Эдриан, которому почти 14 лет, живо интересуется политическими событиями, мечтает об успешной карьере во взрослой жизни. Подросток окружён взрослыми с широким кругом политических и иных интересов. Эдриан оказывается захваченным водоворотом взглядов, мнений, отношений взрослых людей. Политические координаты, намечаемые автором повести для своего героя, базируются на прецедентных именах — названиях политических партий (the Labour Party Conference, Social Democratic Party (SDP), именах советских руководителей (Andropov),

⁴ Британский журналист Алестар Кэмбелл будто бы рассказал карикатуристу из газеты «Гардиан» Стиву Беллу, что якобы видел, как премьер-министр заправляет свою рубашку не в брюки, а в нижнее бельё. Последний не замедлил воспользоваться сведениями и опубликовал серию обидных для Джона Мейджора карикатур.

прецедентных ситуациях (Soviet threat, unilateral disarmament). Названия книг или персонажей известных произведений говорят о хаотичности чтения юного Эдриана. В своих записях он упоминает и Питера Пэна, и работу Ф. Энгельса «The Condition of the Working Class in England», и «Animal Farm» Джорджа Оруэлла, и «The Grapes of Wrath» Джона Стейнбека, и «Quiet American» Грэма Грина, и «Lucky Jim» Эмиса Кинсли, и «Scoop» Ивлиина Во, которого Эдриан по ошибке считает женщиной. Обращает на себя внимание тот факт, что в дневниковых записях мальчика фигурируют названия книг, изданных либо до Второй мировой войны, либо сразу после неё, либо в начале 1950-х годов. В одной из записей встречается прецедентный текст — название книги, вышедшей в середине XIX века «Tom Brow's Schooldays». Подросток знает названия как серьёзных газет и журналов («The Guardian», «The New Statesman», «The Observer»), так и жёлтой прессы («The News of the World», «The Sun»). Эдриан слушает радиопередачи («The Archers», «Radio Four», BBC) и хочет во что бы то ни стало попасть на радио, для чего пишет стихи и отправляет их в редакцию BBC. Увлечённость героя радиопередачами и его осведомлённость находят опору в прецедентных именах популярных радиожурналистов — Malcolm Muggeridge, Terry Wogan, Frank Bough, а имя Graham Greene приобретает значимость благодаря другому прецедентному имени Hughie Greene, младшего брата писателя и Генерального директора BBC. Пользуясь культурными именами, автор убеждает читателя в том, что Эдриан в курсе не только развивающихся на его глазах знаковых событий (the Falkland Islands, the marriage of Charles and Diana, terrorist actions by the IRA), но и обладает определённым культурным багажом. Так, не вызывает сомнения, что подросток знает, кто такие Teddy boys⁵, поскольку с одинаковой лёгкостью использует это прецедентное имя и другое, относящееся к популярной повседневной моде — Doc Marten (Doc Marten's boots).

Число культурных имён в повести «The Growing Pains of Adrian Mole» кажется избыточным и заставляет усомниться в правдивости образа основного героя — подростка Эдриана Мола. Автор, Сью Таунсенд, возможно, знакома с подобными сомнениями. Чтобы, очевидно, развеять их, в одном из интервью она сказала, что Эдриан Мол похож на Джона Мейджора [10].

Прецедентные явления в повести Ника Хорнби воспринимаются как естественный способ сообщить всему повествованию смысл реальности происходящего, создать образы героев, живущих обычной, но настоящей жизнью. Культурные имена в повести Сью Таунсенд подчас выглядят краткими новостными сообщениями, понятными и вызывающими интерес у читателя — современника упоминаемых событий, но не составляющими единое целое с образом главного героя книги.

⁵ Teddy Boys — так называли в 1950-х гг. молодых людей в Великобритании, у которых был особый стиль в одежде и особый вкус в музыке (стиляги).

Библиографический список

Источники

1. An Interview with Nick Hornby. – URL: https://www.awpwriter.org/magazine_media/writers_chronicle_view/2516.
2. *Hornby N.* About a Boy / N. Hornby. – London: Penguin Books, 2000. – 278 p.
3. John Lennon: We're more popular than Jesus // Evening Standard. – 4 March 1966. – URL: <http://www.beatlesbible.com/1966/03/04/how-does-a-beatle-live-by-maureen-cleave>.
4. *Townsend S.* The Growing Pains of Adrian Mole / S. Townsend. – London: Puffin Books, 2002. – 278 p.
5. Teen books. – URL: <http://www.theguardian.com/books/2009/nov/07/sue-townsend-interview-alex-clark>.

Литература

6. *Дудко Е.С.* Прецедентные феномены в текстах детской классической литературы XX века / Е.С. Дудко. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnyye-fenomeny-v-tekstah-detskoy-klassicheskoy-literatury-hh-veka>.
7. *Иноземцева Н.В.* Прецедентные феномены как лингвистические маркеры заголовков англоязычных поэтических произведений для детей / Н.В. Иноземцева // Вестник ОГУ. – 2012. – № 11 (147). – С. 84–88.
8. *Мальцева Н.Г.* Особенности передачи прецедентных текстов при переводе детской литературы / Н.Г. Мальцева // Шестые Фёдоровские чтения. Университетское переводоведение. – Вып. 6. – СПб.: СПбГУ, 2005. – С. 194–200.
9. *Рахимова Д.И.* Прецедентные феномены в языке детской фантастической литературы (на материале произведений К. Булычёва) / Д.И. Рахимова, Е.В. Хабибулина // В.А. Богородицкий и современные проблемы исследования и преподавания языков: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: РИЦ «Школа», 2009. – С. 200–204. – URL: http://kpfu.ru/publication?p_id=32638.
10. *McBride T.* The Mindset Lists of American History: From Typewriters to Text Messages, What Ten Generations of Americans Think is Normal / T. McBride, R. Nief. – Malden: John Wiley and Sons, 2011. – 263 p.

References

Istochniki

1. An Interview with Nick Hornby. – URL: https://www.awpwriter.org/magazine_media/writers_chronicle_view/2516.
2. *Hornby N.* About a Boy / N. Hornby. – London: Penguin Books, 2000. – 278 p.
3. John Lennon: We're more popular than Jesus // Evening Standard. – 4 March 1966. – URL: <http://www.beatlesbible.com/1966/03/04/how-does-a-beatle-live-by-maureen-cleave>.
4. *Townsend S.* The Growing Pains of Adrian Mole / S. Townsend. – London: Puffin Books, 2002. – 278 p.
5. Teen books. – URL: <http://www.theguardian.com/books/2009/nov/07/sue-townsend-interview-alex-clark>.

Literatura

6. *Dudko E.S.* Precedentny'e fenomeny' v tekstax detskoj klassicheskoy literatury' XX veka / E.S. Dudko. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnyye-fenomeny-v-tekstah-detskoy-klassicheskoy-literatury-hh-veka>.

7. *Inozemceva N.V.* Precedentny'e fenomeny' kak lingvisticheskie markery' anglo-yazy'chny'x poe'ticheskix proizvedenij dlya detej / N.V. Inozemceva // Vestnik OGU. – 2012. – № 11 (147). – S. 84–88.

8. *Mal'ceva N.G.* Osobennosti peredachi precedentny'x tekstov pri perevode detskoj literatury' / N.G. Mal'ceva // Shesty'e Fyodorovskie chteniya. Universitetskoe perevodovedenie. – Vy'p. 6. – SPb.: SPbGU, 2005. – S. 194–200.

9. *Raximova D.I.* Precedentny'e fenomeny' v yazy'ke detskoj fantasticheskoj literatury' (na materiale proizvedenij K. Buly'chyova) / D.I. Raximova, E.V. Xabibulina // V.A. Bogorodiczkij i sovremenny'e problemy' issledovaniya i prepodavaniya yazy'kov: mat-ly' II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Kazan': RICZ «Shkola», 2009. – S. 200–204. – URL: http://kpfu.ru/publication?p_id=32638.

10. *McBride T.* The Mindset Lists of American History: From Typewriters to Text Messages, What Ten Generations of Americans Think is Normal / T. McBride, R. Nief. – Malden: John Wiley and Sons, 2011. – 263 p.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

В.Е. Чернявская

**Ценностные ориентиры
научной деятельности:
бескорыстие исследователя
или экономизация науки?**

Статья анализирует научную деятельность как социально обусловленную, регулируемую ценностными нормами и ориентирами. Ставится вопрос о действенности в условиях экономизации науки норм, регулирующих поведение членов научного сообщества, в том числе императивов научного этоса, сформулированных Р. Мертоном.

The paper considers science as a social activity guided by means of values. The efficiency of value norms regulating the men-of-science's behaviour is questioned, including R. Merton's imperatives of scientific ethos.

Ключевые слова: коммуникация в науке; научные ценности; научный этос; норма; эталон; девиация.

Keywords: scientific communication; scientific values; scientific ethos; norm; scientific standard; deviation.

Научная деятельность существует в системе норм и конвенционально установленных ориентиров. В соответствии с дефиницией в философских словарях «норма» — это «руководящее начало, правило, образец, установленный эталон, стандарт для оценок существующих и создания новых объектов. Нормы существуют лишь там, где есть человеческие потребности и соответственно цели. В природе, не включённой в человеческую деятельность, норм нет. Норма задаёт границы количественных изменений объекта <...>». «Понятие нормы используют как среднюю величину <...> Нормальным называют и типичный, т. е. наиболее распространённый объект» [10: с. 108; 11: с. 472; курсив наш. — В. Ч.].

Рассуждения о норме, нормативном применительно к научной коммуникации предполагают следующие исходные позиции:

1. Нормативность проявляется в использовании наиболее устойчивых, стабильных, регулярно повторяющихся правил, форм, в следовании наиболее стабильным тенденциям их отбора, закрепления и воспроизведения.

2. Нормативность / нормативное закрепляется и удостоверяется системой оценок, т. е. является социальной категорией. Система оценок и их критерии складываются под воздействием культурно-исторической ситуации, следовательно, мера и границы нормативной стабильности культурно-специфичны.

3. Нормативность задаёт рамочное пространство для действия закреплённых стандартов и проявления творческой свободы субъекта деятельности (подр.: [4–5]).

Безусловно, что научное знание оценивается специалистами с точки зрения его внутринаучных, т. е. онтологически и гносеологически обусловленных, закономерностей. Одновременно с этим, и это принципиально значимо, научно-познавательная деятельность сопровождается нормами и прескриптивными указаниями, вырабатываемыми в определённых социальных группах, научном сообществе, обществе в целом. Поэтому научный результат оценивается в значительной мере в направлении внешних факторов — социально обусловленных.

Представляется, что в сегодняшней ситуации ориентированность на социально задаваемый контекст научной деятельности выходит на первый план. Учёный не может оставаться нечувствительным и даже вынужден реагировать на доминирующие тренды: систему формальных показателей научного результата, его кодифицированность, т. е. выраженность в значимых показателях публикационной активности. В начале XXI века жизнь учёного проходит «под знаменем Хирша»! Остаётся ли тогда в науке место для исследовательского поиска, право на ошибку ради открытия нового, на познавательное удовольствие от интерпретации известных фактов под новым исследовательским углом зрения? Это вопрос, который, наверно, должны задавать себе молодые исследователи и которым, наверняка, задаются исследователи, прожившие жизнь в науке. Вопрос принципиально важный, поскольку научная деятельность всегда осуществляется в ситуации выбора.

Создаваемые научным сообществом система распределения поощрений и шкала признания научного результата нуждается в ориентирах. Говорить о каких-либо категоричных предписаниях и жёстко установленных, всегда и во всём действующих нормах в рамках научного сообщества не представляется возможным. При этом роль норм, регулирующих поведение членов научного сообщества, играют, как известно, так называемые императивы научного этоса, сформулированные Р. Мертоном и вошедшие в социологию науки со второй половины XX века.

Императивы — это нормы, которые включают в себя, задают — «реакции ожидания», т. е. те оценки и отношение со стороны сообщества, на которые должен рассчитывать учёный, добиваясь научного признания. Они описывают систему правил и предписаний для членов научного сообщества, устанавливающих рамки для честной конкуренции в научном поиске и мотивирующих субъектов науки в их исследованиях. При этом, как известно, эти императивы выведены Мертоном не эмпирическим, но аналитическим путём, и существуют как теоретический

конструкт на основе наблюдений за профессиональным поведением учёных, в том числе и на основе анализа форм девиантного поведения, несоблюдения норм. Итак, четыре основных императива провозглашают:

универсализм науки, означающий надличностный, надындивидуальный характер научного знания относительно объективно существующих явлений. Универсализм обуславливает плюралистичный, открытый характер науки, провозглашая равное право на научное знание для человека любого статуса и национальности: оценка истинности утверждений не должна ставиться в зависимость от личности исследователя;

коллективизм показывает необходимость передавать полученный лично научный результат в коллективный, по сути, научный диалог. Научное знание функционирует как общее достояние;

организованный скептицизм, по Р. Мертону, требует от учёного руководствоваться доказательностью, обоснованностью, рациональностью, не воспринимать на веру чужие идеи, не следовать слепо авторитету, предполагает готовность к критическому отношению сообщества к его научному результату;

бескорыстие предписывает исследователю руководствоваться только и именно поиском объективной истины без опоры на иные интересы, внешние по отношению к научным задачам.

Научная деятельность, таким образом, осуществляется в ситуации выбора возможной формы поведения в связи с известной системой ориентиров. А выбор этот делается под влиянием многих сложно переплетённых внутри- и внешненаучных факторов.

Вообще, этические аспекты научной деятельности — это та тонкая сфера, где наиболее трудно говорить о жёстких критериях и нормативных предписаниях.

То, что премии и награды имеют не абсолютное значение, демонстрирует феномен петербургского математика Григория Перельмана, не принявшего самую престижную в мире премию математического сообщества за доказательство так называемой гипотезы Пуанкаре — проблемы, считавшейся одной из самых трудных в математике. Решение этой научной задачи именуется вехой в истории математики и вообще человеческого мышления. Г. Перельман отклонял не одну награду научного сообщества. В 1996 году он отверг премию Европейского математического конгресса, в 2006 году — Филдсовскую премию (Fieldsmedal), которая считается математическим аналогом Нобелевской премии, а также премию Математического института Клэя. В денежном выражении награда составляет 1 миллион долларов.

С точки зрения тех стандартов и образцов поведения, которые доминируют сегодня в научном социуме и, следовательно, должны выступать как эталон для оценки других, поведение Г. Перельмана может восприниматься как странное, эксцентричное, т. е. как девиантное. Именно такие оценки высказывались походя в большинстве средств массовой информации, комментирующих случаи, поразивший всю российскую и международную общественность: «Отказываться

от награды в миллион долларов — это ненормально!» В более сдержанных характеристиках говорится о «загадке Перельмана».

На этом фоне может потеряться мнение тех, кто близко общался с учёным и видел его как скромного, несуетного человека, достигшего так много огромным трудом и самоограничением. Его отличает высокая аскетичность жизни и строгость предъявляемых к себе и к другим этических требований. Именно это и называется «странным и ненормальным». Высказанные оценки нуждаются в фактологических основаниях.

Максимально ограничивая тот объём информации, который доступен в СМИ в связи с обсуждением «феномена Перельмана», привлечём внимание к следующим фактам. Г. Перельман в 2002–2003 годах опубликовал в Интернете серию статей и затем представил на интернет-сайте, где математики и физики «выставляют» препринты своих работ, чтобы зафиксировать интеллектуальное первенство, доказательство гипотезы Пуанкаре. Точнее, как известно специалистам, доказательство более широкого утверждения, содержащего в себе теорему Пуанкаре как частный случай. В работе Перельмана указывался путь устранения тех математических проблем, которые препятствовали в своё время другому выдающемуся учёному — американскому математику Ричарду Гамильтону, вплотную подошедшему к решению этой задачи. Одновременно с публикацией в Интернете Перельман направил свою статью самому Гамильтону и другим видным математикам, в том числе и выдающемуся математику современности из Китая. В такой форме представления был несомненный и очевидный риск утраты приоритета, поскольку при проверке доказательства другие могли бы использовать идеи Перельмана в своих интересах. Так отчасти и произошло, когда в 2006 году, после признания решения Перельмана международным математическим конгрессом, китайские математики представляли себя причастными к доказательству гипотезы Пуанкаре в не меньшей доле, чем Г. Перельман. Эти попытки, правда, вызвали отпор в американской прессе как нечестные в этическом плане. Журналисты, комментирующие «загадку Перельмана», ссылаются на его объяснение корреспондентам американского «Нью-Йоркера»: «Я исходил из следующей предпосылки: если в моей работе допущена ошибка и кто-нибудь использовал бы её для выработки правильного доказательства, это доставило бы мне удовлетворение. Я никогда не ставил перед собой цель стать единственным обладателем ответа на вопрос Пуанкаре» [1]. Проверка предложенного Перельманом доказательства потребовала около трёх лет, дополнительные трудности создавал и тот факт, что Г. Перельман изложил своё доказательство сжато, пропуская «момент вербализации» многих промежуточных мыслительных этапов. В итоге комиссия международного математического конгресса признала доказательство Перельмана и сочла его достойным Филдсовской премии.

Последовательный отказ Г. Перельмана от премий и общественных почестей выглядит странным, если за нормативное и стандартное принимать

стремление учёного к социальному успеху, к постоянной кумуляции преимуществ в духе институциональной социологии науки Р. Мертона. В соответствии с такой нормой общественное признание научного результата является целью и движущей силой научного поиска. «Чистое знание», т. е. очищенное от непознавательных интересов, фактически признаётся несуществующим. Как объявляется невозможным чистое субъектно-объектное взаимодействие: учёный взаимодействует не один на один с объективным миром, но находится в субъектно-субъектных отношениях учёных между собой, где приоритет должен быть завоёван и маркирован.

Случаи, когда Г. Перельман общался с прессой, очень редки. Однако объяснение причин его неприятия премий всё же ясно прослеживается за немногочисленными высказываниями учёного. Находясь в США в 1990-е годы, он столкнулся с тем, что математическая теорема может быть товаром — это тезис, совершенно ясный и несомненный для западной академической традиции. Г. Перельман был поражён тем, что любой американский профессор мог «купить» советского профессора и использовать как литературного раба. В США, будучи приглашённым лектором, Г. Перельман делился с аспирантами своими мыслями о тех или иных математических решениях, а те прагматично присваивали эти идеи, выдавали за собственные интеллектуальные находки и продавали научные знания в обмен на социальные блага. *Учёный Перельман пережил ценностный конфликт: «Честная и чистая наука математика может быть продана как товар».*

Позиция, согласно которой игнорирование общественных наград есть «ненормальное», редуцирует самостоятельную ценность познавательного процесса, если не сказать — вообще отрицает её. Г. Перельман своим поведением демонстрирует несовпадение коллективных, запущенных в массовый оборот ценностей с тем индивидуальным ценностным дискурсом, внутри которого сложилось его открытие. Формулируя по-другому, он актуализировал те ценностные представления о «психологическом доходе» учёного, о бескорыстии, о приоритете мысли над материальным, которые виртуально присутствуют в научном этосе как его императивы. Когнитивные ценности оказываются в этом случае основным механизмом компенсации материальной выгоды. Речь идёт о ярко выраженной рефлексии учёного в связи с осуществляемыми коммуникативно-прагматическими действиями. Нежелание идти даже на невинные компромиссы с совестью (а Г. Перельман заявлял, что не настаивает на собственном приоритете в решении гипотезы Пуанкаре и признаёт вклад Р. Гамильтона как существенный и не менее значимый) — это категория этическая. Она не поддётся квалификации в системе стандартов и нормирующих образцов.

Верно оценить «феномен Перельмана» позволяют его слова, сказанные интервьюировавшим его журналистам: «Конечно, среди математиков есть более или менее честные люди, но почти все они конформисты — *сами они более или менее честны, но готовы терпеть тех, кто нечестен. Поэтому чувствами среди них становятся не те, кто нарушает этические нормы. В изоляции оказываются такие люди, как я*» [1; курсив наш. — В. Ч.].

Можно сказать, что Перельман не взял миллион за своё открытие. Но можно считать, что он отдал свой миллион за право быть собой в науке и сохранить свои ценности. Думается, что это тот случай, когда девиантное принимает качество эталона для оценки. При этом, разумеется, не стоит говорить о наблюдаемой смене тенденций или общественных оценок. Эталонность поведения Перельмана просматривается, однако, уже в тех случаях, когда о других не менее одарённых и успешных учёных говорят на фоне феномена Перельмана. Например, Станислав Смирнов — другой петербуржец и однокашник Г. Перельмана по математическому кружку для одарённых детей, также удостоен в 2010 году Филдсовской медали. Тот факт, что он не отказался ни от одной из премий, подаётся по-прежнему как стандартное поведение. При этом представляется, что в общественных оценках складывается своего рода оппозиция «Перельман vs другие», и в фокусе оппозиции её признаковым, маркированным элементом оказывается «девиантный Перельман». Это — то проявление девиации, которое приближает общество к осознанию нормы.

Библиографический список

Литература

1. Бухбиндер А. Загадочная история Григория Перельмана / А. Бухбиндер. — URL: www.inauka.ru/math/article/99067.html/14.05.2007.
2. Мейен С.В. Принцип сочувствия. Размышления об этике и научном познании / С.В. Мейен. — М.: Геос, 2006. — 210 с.
3. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. — 2-е изд. — М.: URSS, 2005. — 127 с.
4. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное / В.Е. Чернявская. — 2-е изд. — М.: URSS, 2011. — 238 с.
5. Чернявская В.Е. Плагиат как социокультурный феномен / В.Е. Чернявская // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 2011. — № 3. — С. 26–31.
6. Чернявская В.Е. Научное знание как объект общественной оценки / В.Е. Чернявская // Эпистемология и философия науки. — 2012. — Т. 34. — № 4. — С. 165–178.
7. Чернявская В.Е. Идеология и нетолерантность в научном дискурсе / В.Е. Чернявская // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.П. Котуровой. — Пермь: ПГУ, 2012. — С. 62–70.
8. Чернявская В.Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В.Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1. — С. 54–61.
9. Чернявская В.Е. Может ли учёный мыслить национально специфично? Когнитивный стиль как монокультурный феномен / В.Е. Чернявская // Университетский научный журнал. — 2012. — № 3. — С. 156–163.

Словари и информационные издания

10. Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М.: Мысль, 2009–2010.
11. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. — Минск: Скакун, 1999. — 896 с.

References

Literatura

1. *Buxbinder A.* Zagadochnaya istoriya Grigoriya Perel'mana / A. Buxbinder. – URL: www.inauka.ru/math/article/99067.html/14.05.2007.
2. *Mejen S.V.* Princip sochuvstviya. Razmy'shleniya ob e'tike i nauchnom poznanii / S.V. Mejer. – M.: Geos, 2006. – 210 s.
3. *Chernyavskaya V.E.* Interpretaciya nauchnogo teksta / E.V. Chernyavskaya. – M.: URSS, 2005. – 127 s.
4. *Chernyavskaya V.E.* Kommunikaciya v nauke: normativnoe i deviantnoe / E.V. Chernyavskaya. – M.: URSS, 2011. – 238 s.
5. *Chernyavskaya V.E.* Plagiat kak sociokul'turny'j fenomen / E.V. Chernyavskaya // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta e'konomiki i finansov. – 2011. – № 3. – S. 26–31.
6. *Chernyavskaya V.E.* Nauchnoe znanie kak ob'ekt obshhestvennoj ocenki / E.V. Chernyavskaya // E'pistemologiya i filosofiya nauki. – 2012. – T. 34. – № 4. – S. 165–178.
7. *Chernyavskaya V.E.* Ideologiya i netolerantnost' v nauchnom diskurse // Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr. / Pod red. M.P. Kotyurovoj. – Perm': PGU, 2012. – S. 62–70.
8. *Chernyavskaya V.E.* Fantomy' i sindromy' diskursivnoj paradigmy' / E.V. Chernyavskaya // Voprosy' kognitivnoj lingvistiki. – 2014. – № 1. – S. 54–61.
9. *Chernyavskaya V.E.* Mozhet li uchyony'j my'slit' nacional'no specifichno? Kognitivny'j stil' kak monokul'turny'j fenomen / E.V. Chernyavskaya // Universitetskij nauchny'j zhurnal. – 2012. – № 3. – S. 156–163.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Novaya filosofskaya e'nciklopediya: v 4-x t. – M.: My'sl', 2009–2010.
11. Novejshij filosofskij slovar' / Sost. A.A. Griczanov. – Minsk: Skakun, 1999. – 896 s.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Е.И. Черкашина

**Вариативность языковой подготовки
студентов неязыкового вуза**

В статье рассматривается специфика языковой подготовки студентов неязыковых вузов к профессиональному межкультурному общению и предлагается новая модель построения процесса обучения иностранному языку будущих специалистов (нелингвистический профиль подготовки).

The article discusses the specific character of students' language training in non-linguistic institutions of higher education for professional intercultural communication. The proposed new model aims to organize the process of foreign language teaching of future professionals (non-linguistic specialisation).

Ключевые слова: языковая подготовка; процесс обучения; модель; нелингвистический профиль подготовки.

Keywords: language training; process of education; model; non-linguistic specialisation.

В условиях открытого информационного общества система высшего профессионального образования должна готовить квалифицированный персонал, способный переключаться с одного вида деятельности на другой и владеющий иностранным языком (далее — ИЯ) в области профессиональной коммуникации. В федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) сформулирована цель подготовки бакалавров и магистров по основным образовательным программам, которая предусматривает формирование компетенций в сфере познавательной деятельности и саморазвития, социальной и профессиональной деятельности, а также фундаментальных наук. Новая «мировоззренческая и инструментально-дидактическая организация высшего профессионального образования, выражаемая в концепции ФГОС ВПО, направлена на фундаментализацию и гуманитаризацию образования, которые стимулируют рост базы знаний, смену их спецификации, трансляции и интериоризации» [5: с. 67].

Анализируя положения ФГОС ВПО последнего поколения, регламентирующие коммуникативно-ориентированные требования к модели выпускника бакалавра (экономиста), мы находим указания на инструментальные компетенции, прежде всего это способность бакалавра «к письменной и устной общей

и профессиональной коммуникации на государственном (русском) и английском языке (ИК-3)» [7: с. 9]. В продолжение списка составляющих данных компетенций в документе указывается на необходимость владения ИЯ на уровне, достаточном для разговорного общения, а также для поиска и анализа иностранных источников информации (СЛК-14). Обращение к ФГОС доказывает значимость коммуникативной составляющей при определении модели выпускника неязыкового вуза — бакалавра. Что касается выпускника иной квалификации — магистра, то коммуникативная компетенция такого профессионала характеризуется свободой в использовании ИЯ как средства профессионального общения (ОК-5).

Таким образом, перед преподавателями ИЯ в неязыковых вузах стоит задача: подготовить в короткий срок специалиста, хорошо владеющего ИЯ. При этом преподавание должно соответствовать требованиям ФГОС и укладываться в минимальное количество часов в действующем учебном плане. Эта задача заставляет пересмотреть сложившиеся подходы к обучению ИЯ в высшей школе и предложить новую модель построения процесса обучения ИЯ в неязыковых вузах, которая будет вариативной и ориентированной на профиль подготовки будущего специалиста. Очевидно, что проекция компетентностной модели в системе подготовки бакалавра будет носить двоякий характер. С одной стороны, она будет представлять собственно языковые и речевые компетенции, как результат лингвообразовательных программ, а с другой, она представляет собой «способность и готовность использовать личностно-развивающий потенциал ИЯ для интеллектуального, социального и профессионального развития» [6: с. 26].

Обобщив наш опыт преподавания ИЯ (французский язык) в системе профессионального образования (обучение выпускников физико-математических факультетов педвузов / университетов, архитектурных университетов, работающих на французских предприятиях, студентов медицинских университетов и медицинских кадров (врачи и медицинские сёстры), выезжающих на работу во Францию; обучение французскому языку в сфере туризма и подготовка к диплому Торгово-промышленной палаты Парижа), мы пришли к выводу, что для данных специальностей необходимы разные модели построения лингвообразовательного процесса. Прежде всего это связано с обучением студентов нелингвистического профиля подготовки, для которых языковая система представляет основную трудность в овладении ИЯ.

В анкетах обучающиеся пишут: «Основная трудность при изучении ИЯ — отсутствие системы. Нет системы в языке. Если бы я понял систему и мне бы дали алгоритм, я бы сам всё выучил». Это мнение большинства опрошенных физиков. Для людей с медицинским образованием язык также предстаёт хаотичным набором элементов, структур, где отсутствуют чёткие ограничения и жёсткие правила: «С первого курса мы изучаем организм человека, кровеносную систему, нервную, лимфатическую и т. д., любое отклонение от заданной системы — это патология. Система языка предстаёт перед нами как сплошная патология». Многообразие языковых форм, вариативность лексического материала, богатство языка в целом вызывают непреодолимые трудности для студентов этого профиля.

По нашему мнению, трудности в обучении ИЯ студентов неязыковых вузов кроются в том, что преподаватель не принимает в расчёт: отличие системы языка от системы точных наук; качество профессионального мышления и профессионального сознания студентов данного профиля подготовки; психофизиологические особенности обучающихся, связанные с межполушарной асимметрией мозга. Не учитывается, что обучение любому ИЯ требует серьёзной перестройки когнитивных систем в процессе овладения языком. Важным аспектом в этой ситуации выступает системность ИЯ как объекта, так как лингвистические знания, подлежащие усвоению, отражают теоретические основы языка как системного образования. Полагаем, что необходимо построение «матрицы» системы языка, которая будет для обучающихся своеобразным «путеводителем» по этой системе. Заполненные клетки этой «матрицы» в наглядном виде будут представлять собой структуру содержания знаний о языке в целом. Знания о системной организации языка открывают обучающимся возможности осмысления «языка в действии» и, следовательно, адекватного использования в речевой деятельности языковых средств для выражения мысли о предмете.

Ставя своей задачей проектирование моделей процесса обучения ИЯ студентов неязыкового вуза, мы используем метод моделирования как один из общих методов научного познания. Моделирование «занимается исследованием объектов познания на их моделях; построение и изучение моделей реально существующих объектов, процессов или явлений с целью получения объяснений этих явлений, а также для предсказания явлений, интересующих исследователя» [9]. Следовательно, в процессе моделирования могут быть актуализированы различные модели построения учебных курсов по ИЯ. Учитывая, что моделирование — циклический процесс, когда знания об исследуемом объекте расширяются и уточняются на разных циклах, а исходная модель постепенно совершенствуется, предлагаемая нами модель для каждого профиля может в процессе обучения варьироваться, дополняться, совершенствоваться и не будет статичной по своей сути.

Под профессиональным лингвообразованием, принимая определение Н.Л. Уваровой, понимается профессионально-личностное развитие студентов средствами ИЯ в процессе подготовки к профессиональной деятельности. Мы используем термин автора «лингвообразовательный процесс», который определяется как «совокупность педагогических действий, направленных на формирование социально-профессиональной личности обучающегося средствами языковой подготовки» [6: с. 3].

Анализируя свой опыт преподавания, мы пришли к мнению, что студенты физико-математических вузов являются самой проблематичной категорией обучающихся для преподавателей ИЯ в силу их психофизиологических особенностей, связанных с межполушарной асимметрией мозга. Не излагая подробно основные положения теории о межполушарной асимметрии мозга, считаем целесообразным остановиться на высказанной в своё время идее И.П. Павлова о существовании «художественного» и «мыслительного» типов

людей. Рассматривая с этой точки зрения особенности людей, И.П. Павлов выделил не только два противоположных типа, но и промежуточный: с относительным преобладанием первой сигнальной системы — «художественный тип», с относительным преобладанием второй сигнальной системы — «мыслительный», и с уравновешенностью сигнальных систем — «средний» тип [3: с. 107]. В дальнейшем значение такого рода различий между людьми получило подтверждение и объяснение в новых научных данных о различии функций левого и правого полушарий головного мозга, о возможном доминировании одного из полушарий. Думается, что от этого противопоставления легко протянуть линию аналогии и связи с гендерной оппозицией языковых личностей и далее — с оппозицией инженерных и гуманитарных типов языковой личности как носителей языковой способности разного качества.

В основе построения базовой модели для обучения этой категории обучающихся предлагаем матрицу как модель для изучения языковых явлений. Предпочтение отдаётся бинарной оппозиции, так как матрица не должна быть перегружена элементами. Матрица как модель может заполняться различным языковым материалом (грамматическим, лексическим). Ключевое слово для выполнения заданий — алгоритм, поэтапный выбор элементов. Для переработки информации левополушарным обучающимся необходимо время, чтобы обработать информацию последовательно и линейно. Им затруднительно, по нашим наблюдениям, работать в режиме «вопрос — ответ». Произвольная память левополушарных обучающихся допускает технократическое зазубривание и многократное повторение материала, что обычно практикуется в школе. Обучающимся левополушарного типа мышления легче воспринимать изучаемые элементы (например, систему видовременных форм индикатива) во взаимной связи. Элементы языковой системы, представленные в структуре матрицы, дают чёткое представление о совокупности изучаемых форм и позволяют проследить взаимодействие этих форм при дальнейшем употреблении в речи. Последовательное изучение видовременных форм, принятое в традиционной методике обучения ИЯ, вызывает большие затруднения у обучающихся, особенно при использовании изученных форм в типовых ситуациях общения. Не видя всей системы в целом, они не могут установить взаимосвязь и последовательность элементов, необходимых для построения высказывания. И в этом случае целесообразнее предъявлять новый материал в виде таблиц, схем, где грамматическое явление представляет систему элементов, соответствующую типу мышления обучающихся, их психофизиологической способности членить окружающий мир на элементы и представлять его в виде дискретных единиц.

Учёт контекстов профессиональной деятельности будущих специалистов в системе профессиональной подготовки, а также их основополагающих профессиональных компетенций при обучении ИЯ определяет содержание учебного курса по языку специальности. Формирование профессиональных компетенций связывают прежде всего с особенностями их профессионального мышления и профессионального сознания. Так, исследуя «проектную» деятельность архитектора, Н.Н. Нечаев акцентирует внимание на «особом устойчивом складе психики,

сознания», характеризующем данную категорию специалистов [2]. Думается, что построение модели лингвообразовательного процесса для этой категории обучающихся будет базироваться на учёте особенностей их «проектного» мышления и функциональной специализации полушарий мозга. Студенты технического вуза — преимущественно представители инженерных специальностей. В круг их компетенции входят точные науки, требующие аналитических способностей и навыков, а также необходимые навыки видения практического потенциала объекта (как физического, так и виртуального). Таким образом, у студентов технических специальностей вуза преобладают аналитические и практические способности. Творческие и координационные способности профессионально ориентированы и лежат вне сферы филологии. Коммуникативные способности преимущественно рассматриваются как вторичные, не заслуживающие внимания. Языковыми ресурсами (в сфере профессиональной реализации) студент технического вуза пользуется для осуществления следующей профессиональной миссии: проанализировать объекты окружающего мира по ряду выработанных параметров, установить взаимосвязи и взаимозависимости между ними, оценить их практическую значимость для человеческого сообщества в настоящем или будущем и указать на возможные пути совершенствования этих объектов.

Портрет языковой личности студента технического вуза, таким образом, включает в себя «следующие характеристики:

- краткость в изложении проблемы, описании объекта (объясняется практической нецелесообразностью использования большого объёма ресурсов при возможности передать идею более экономными средствами);
- установка на передачу «идеи», основного смысла, а не деталей, впечатлений, эмоций, возникших ассоциаций и т. п.;
- последовательность изложения, при этом важна не столько внешняя речевая последовательность (порядок слов, композиция), сколько последовательность, касающаяся значимости передаваемой информации;
- в современных условиях предпочитают работать с информацией на электронных носителях, а не с рукописными вариантами» [1: с. 124].

Именно эти языковые и коммуникативные способности позволят определить лингводидактические и методические приоритеты в ходе разработки и внедрения новой модели лингвообразовательного процесса в неязыковом вузе. Предлагаемая нами модель лингвообразовательного процесса для этой категории обучающихся будет строиться на особенностях их профессионального мышления, «проектного» мышления архитекторов [2]. Модель будет состоять из этапов, необходимых для реализации проекта: *замысел – проект – реализация*. Предлагаемые задания формулируются по этому типу. Например, грамматическое явление предъясняется в самом общем плане для обсуждения, формулируются цели изучения данного явления, очерчивается его сфера употребления. Затем задаётся языковой материал в виде строевых элементов, необходимых для проектирования. Предлагаются языковые элементы, рассматриваются синтаксические конструкции, выстраивается схема, план построения высказываний. В итоге, изучаемое явление должно

быть представлено как результат их профессиональной, но уже иноязычной деятельности.

Интересным в этом плане представляется работа Г.В. Перфиловой, которая в своём исследовании базируется на строевых словах как основных элементах при обучении чтению в неязыковом вузе. Автор выявляет динамический характер взаимодействия между лексикой и грамматикой, между значением слова и выполняемой им функцией. Мы полностью согласны с тем, что отбор строевых слов (незнаменательных частей речи) позволит получить в компактном виде лексические единицы, которые отличаются от общей массы слов своими функциональными свойствами, являясь в той или иной степени «грамматически ориентированными». Наличие перечня строевых слов позволит выделить те конкретные элементы словарного состава, для усвоения которых необходимы иные приёмы и виды работы, чем при овладении знаменательной лексикой [4: с. 52]. Таблица 1 демонстрирует, каким образом можно представить строевые элементы немецкого языка [4: с. 89]:

Таблица 1

Строевые элементы немецкого языка

Строевые слова	Функциональная характеристика	Условия функционирования	Перевод
ab	1. Предлог 2. Послелог 3. Компонент словосочетания	Начальный элемент именной группы; конечный элемент именной группы; употребляется в сочетании	От, с; начиная от, с; переводится в составе словосочетания
die	1. Артикль, определитель существительного 2. Союзное слово 3. Заменяет существительное	Начальный элемент именной группы; вводит придаточное предложение; соотносится с ранее упомянутым существительным	Не переводится (редко: эта, эти, этот); который (ая); переводится опущенным существительным
haben	1. Вспомогательный глагол 2. Уподобляется модальному глаголу	Употребляется в сочетании с Part. II другого глагола; употребляется в сочетании с Zu + Infinitif другого глагола	Смысловой глагол переводится в прошедшем времени; долженствование (реже возможность)

Отмечается, что в результате недифференцированного подхода свою специфику утрачивают как строевые слова, так и вспомогательные глаголы. Речь о них заходит при описании отдельных грамматических форм, причём это описание представляет собой в основном правила образования и употребления.

Характерно при этом, что глагол *sein* (быть), например, фигурирует в нескольких грамматических разделах: при описании форм прошлого времени, результат пассива, модальных глаголов, сослагательного наклонения. В результате этого студенту сообщаются отдельные разрозненные сведения о функциях одного и того же слова, и, что ещё важнее, эти сведения не отражают сущности действий с этим глаголом в процессе чтения [4: с. 130].

Авторы французской грамматики Э. Берар и К. Лавэн также предлагают в таблице 2 [8: с. 13] изучение глагола *être* (быть), делая акцент не на особенностях его спряжения, как это принято в традиционной грамматике, а представляя его основные функции в рамках высказывания.

Таблица 2

A quoi ça sert? (Чему это служит?)

Le verbe être sert à:	exemples
Donner des informations sur soi-meme	Je <i>suis</i> français. Nationalité Je <i>suis</i> étudiante. Profession Je <i>suis</i> marié. Situation de famille
Dire où on se trouve, d'où l'on vient, d'où l'on est originaire	Je <i>suis</i> à Paris. Je <i>suis</i> ici. Je <i>suis</i> de Lyon
Dire dans quelle situation on se trouve	Je <i>suis</i> en vacances.
Dire dans quel état physique, psychologique on se trouve	Je <i>suis</i> malade. Je <i>suis</i> fatigué. Je <i>suis</i> en colere.
Former le passé composé de certains verbes	Je <i>suis</i> arrivé ce matin. Je me <i>suis</i> dépêché.
Le passif	Je <i>suis</i> gêné par le bruit.

Надо отметить тот факт, что студенты архитектурного факультета в процессе овладения ИЯ сразу выделяют языковые единицы, которые уже встречались ранее, и уточняют их функции в каждом конкретном случае. Примеры с глаголом «быть», приведённые в таблице, отражают функционирование этого глагола в речи и дают обучающимся полное представление об этом строевом элементе высказывания, что помогает им в дальнейшем выделять не только его форму, но и его функцию в структуре фразы. Оперирова данным языковым элементом, обучающиеся этого профиля могут сформулировать целый спектр высказываний по заданной схеме. Такой подход к развитию и автоматизации речевых навыков соотносится с особенностями их профессионального мышления и профессионального сознания. Подчёркнём, что если ключевыми понятиями для построения модели процесса обучения ИЯ физиков и математиков выступают «матрица» и «алгоритм», то для будущих архитекторов модель будет ориентирована на понятия «строевые элементы языка» и «реализация проекта».

Мы постарались показать, каким образом могут быть актуализированы различные модели лингвообразовательного процесса, как они могут изменяться

в зависимости от типа учебного заведения, состава и исходного уровня образования аудитории, типа формируемых компетенций, психофизиологических особенностей мышления обучающихся. Преподаватель ИЯ неязыкового вуза должен переориентировать учебные действия студента с работы только с текстовым материалом на использование ИЯ в качестве одного из необходимых средств решения профессиональных типовых задач и возникающих при этом проблем. Акцент следует делать не только на логике и систематике учебного предмета «Иностранный язык», но и логике профессионального развития студента, социально-профессиональных качеств его личности.

В процессе моделирования лингвообразовательного процесса большая работа преподавателя ИЯ падает на подбор различного рода задач и заданий: репродуктивных и творческих, обучающих, развивающих и тренировочных, для коллективного и индивидуального решения. Для актуализации умений необходимы речевые упражнения, переключающие внимание на содержательную сторону, упражнения, которые мобилизуют усвоенный языковой материал в целях осуществления профессиональной коммуникации. Система упражнений должна быть построена так, чтобы собственно языковая цель была скрыта от обучающегося, у него должно быть ощущение, что он усваивает не языковой материал, а выполняет поставленную перед ним профессиональную задачу. При проектировании и планировании учебного курса нужно ориентироваться на конечную цель, решать актуальные задачи с учетом будущей специализации студентов, учитывать место курса ИЯ в учебном плане и устанавливать необходимые взаимосвязи с профилирующими дисциплинами.

Библиографический список

Литература

1. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.
2. *Нечаев Н.Н.* Психолого-педагогические основы формирования профессиональной деятельности / Н.Н. Нечаев. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 167 с.
3. *Павлов И.П.* Полн. собр. соч.: в 6 т. / И.П. Павлов. – Т. 3. Кн. 2. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 438 с.
4. *Перфилова Г.В.* Методика обучения строевым словам для чтения научно-технической литературы в неязыковом вузе (немецкий язык): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Г.В. Перфилова. – М., 1977. – 228 с.
5. *Тарева Е.Г.* Деятельностно-компетентностный подход к созданию учебных пособий для подготовки бакалавров / Е.Г. Тарева, Е.М. Казанцева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2011. – № 2 (8). – С. 65–78.
6. *Уварова Н.Л.* Профессиональное лингвообразование в высшей школе: монография / Н.Л. Уварова. – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2011. – 296 с.
7. Образовательный стандарт государственного образовательного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Государственный

университет – Высшая школа экономики» по направлению подготовки 080100.62 «Экономика». Уровень подготовки Бакалавр: федеральный государственный стандарт [утверждён учёным советом ГУ-ВШЭ 02.07.2010]. – М., 2010. – 18 с.

8. *Berart E.* Modes d'emploi. Grammaire utile du francais / E. Berart, C. Berart. – Paris: Les éditions DIDIER, 2004. – 319 p.

Справочные и информационные издания

9. Большой Энциклопедический словарь. – URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/39464/>, режим доступа свободный (дата обращения: 14.04.2014).

References

Literatura

1. Lingvopersonologiya: tipy' yazy'kovy'x lichnostej i lichnostno-orientirovannoe obuchenie: monografiya / Pod red. N.D. Goleva, N.V. Sajkovej, E.P. Xomich. – Barnaul; Kemerovo: BGPU, 2006. – 435 p.

2. *Nechaev N.N.* Psixologo-pedagogicheskie osnovy' formirovaniya professional'noj deyatel'nosti / N.N. Nechaev. – М.: Izd-vo MGU, 1988. – 167 p.

3. *Pavlov I.P.* Poln. sobr. soch.: v 6 t. / I.P. Pavlov. – Т. 3. Kn. 2. – М.: Л.: Izd-vo AN SSSR, 1951. – 438 p.

4. *Perfilova G.V.* Metodika obucheniya stroevy'm slovam dlya chteniya nauchno-tekhnicheskoy literatury' v neyazy'kovom vuze (nemeckij yazy'k): dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02 / G.V. Perfilova. – М., 1977. – 228 p.

5. *Tareva E.G.* Deyatel'nostno-kompetentnostny'j podxod k sozdaniyu uchebny'x posobij dlya podgotovki bakalavrov / E.G. Tareva, E.M. Kazanceva // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. – 2011. – № 2 (8). – S. 65–78.

6. *Uvarova N.L.* Professional'noe lingvoobrazovanie v vy'sshej shkole: monografiya / N.L. Uvarova. – Nizhnij Novgorod: Izd-vo Volgo-Vyatskoj akademii gos. sluzhby', 2011. – 296 p.

7. Образовательный стандарт государственного образовательного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Государственный университет – Высшая школа экономики» по направлению подготовки 080100.62 «Экономика». Уровень подготовки Бакалавр: федеральный государственный стандарт [утверждён учёным советом ГУ-ВШЭ 02.07.2010]. – М., 2010. – 18 p.

8. *Berart E.* Modes d'emploi. Grammaire utile du francais / E. Berart, C. Lavenne. – Paris: Les éditions DIDIER, 2004. – 319 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar'. – URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/39464/>, режим доступа свободный (дата обращения: 14.04.2014).

Е.О. Авдеева

Японская поэзия эпохи Хэйан — изысканность и утончённость форм

Статья посвящена исследованию императорской поэтической антологии начала X века «Кокинвакасю». Рассматривается композиция антологии, а также основные особенности японской поэзии *вака* в эпоху Хэйан.

The article deals with imperial poetic anthology of the beginning of the Xth century «Kokinwakashyu». It explores the composition of the anthology, as well as the main features of the Japanese *waka* poetry in the Heian period.

Ключевые слова: антология «Кокинвакасю»; поэзия *вака*; образность; эпоха Хэйан.

Keywords: anthology «Kokinwakashyu»; *waka* poetry; imagery; Heian period.

В истории японской классической литературы был период, который по праву считается её «золотым веком». Это — так называемая «эпоха Хэйан» (794–1185), время, когда после переноса столицы из города Нара на территорию нынешнего города Киото в стране стали происходить крупные политические и культурные перемены.

Для развития японской литературы эпоха Хэйан оказалась чрезвычайно плодотворным временем. Именно в этот период в японской прозе сформировались такие новые жанры, как дневниковая литература — *никки*, песенно-повествовательный жанр *ута-моногатари*, появился роман. В поэзии происходило дальнейшее развитие японской поэзии *вака*, получили новое звучание древние поэтические образы, сформировалась система художественной образности и поэтических приёмов.

Именно в этот период была издана вторая императорская поэтическая антология, ознаменовавшая собой новый этап развития японской поэзии. Эта антология была создана в 922 году по указу императора Дайго (897–930) и получила название «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых песен»). Изначально это поэтическое собрание задумывалось как продолжение антологии «Манъёсю» (VIII в.), на что указывает её первоначальное название «Сяку Манъёсю» (букв. «Продолжение Манъёсю»), однако очень скоро самим составителям — придворным поэтам Ки-но Цураюки, Ки-но Томонори, Осикоти-но Мицунэ

и Мибу-но Тадаминэ — стало ясно: речь идёт о совершенно новой, оригинальной антологии.

При этом очевидно, что, будучи самостоятельным собранием, «Кокинвакасю», опиралась на уже сложившиеся в японском обществе поэтические каноны и принципы. Например, так же как и антология «Манъёсю», «Кокинвакасю» состояла из 20 свитков, но при этом поэтический материал был чётко разбит на тематические группы. Преемственность видна и в подборе стихотворных жанров. Отметим, что пятистишия *танка* — основная стихотворная форма этого периода, но в собрание также помещены и «длинные песни» *тёка* 長歌 и, как это было и в предыдущей антологии «Манъёсю», — шестистишия *сэдока* 旋頭歌 [3: с. 70].

Что касается тематических разделов памятника, то его структура была чёткой и выделялось 11 разделов, а именно «Весенние песни», «Летние песни», «Осенние песни», «Зимние песни», «Песни-славословия», «Песни разлуки», «Песни странствий», «Названия», «Песни любви», «Песни скорби» и «Разные песни». Более того, из-за большого количества материала некоторые свитки, такие как «Весенние песни» и «Осенние песни», делились на две части — на первую (*дзё* 上) и вторую (*сима* 下), а «Песни любви» — на пять частей. Кроме того, в 19-й свиток был включён раздел, не получивший специального тематического названия, а названный по типу песен, входящих в его состав, — «Песни смешанных форм». В 20-м свитке были собраны «Песни из собрания Палаты Песен», включающие как ритуальные песни для синтоистских церемоний (*камиасобиута* 神遊歌), так и песни восточных провинций (*адзумаута* 東歌).

Новаторским было то, что антология «Кокинвакасю» начиналась с Введения, написанного её главным составителем и выдающимся поэтом Средневековья Ки-но Цураюки (866–945). Предисловие Ки-но Цураюки — это, можно сказать, первый японский поэтический трактат, в котором поэт размышляет о происхождении японской поэзии, выделяет её характерные особенности, даёт оценку творчества поэтов. Каждую свою мысль Цураюки облачает в яркие поэтические слова-образы, тем самым добиваясь большой экспрессии: «Не только о том, но и о многом ином писали поэты: сравнивали век повелителя с камушком, что станет скалою; изливали радость и ликование, переполняющие сердце; приравнивали свою любовь к дыму, клубящемуся над вершиной Фудзи; вспоминали о друзьях, слушая верещание сверчка; сетовали на то, как недолговечна краса «цветка-девицы» патринии; созерцая опадающие лепестки вешним утром, слушая шорох облетающих листьев осенним вечером, скорбели они о том, что с каждым годом отражение в зеркале являет взору всё более “снега и белогривых волн”...» [4: с. 85].

Неудивительно, что Ки-но Цураюки прибегает к устоявшимся к началу X века метафорам, сравнивая чувства и надежды поэтов в отношении века повелителя с «камушком, который станет скалою», старость — со «снегами и белогривыми волнами», любовь — с «дымом, клубящимся над вершиной Фудзи». Яркость и выразительность художественной образности издавна была специфической чертой японской классической поэзии, дающей возможность читателю,

вдохновившись красотой этого образа, самому мысленно дорисовать поэтическую картину мира. Более того, к этому времени в японской поэзии за каждым образом закрепился свой сезонный символ, понятный как поэту, так и его читателю или слушателю.

Напомним, что система японских поэтических образов непосредственно связана с миром природы. Благодаря именно образам природы поэты столь ярко выражали свои чувства и создавали поэтические пейзажи [3: с. 62]. Любой из природных образов имел множество «прочтений». Так, например, в средневековой японской поэзии через образ снега можно было передать заглавное чувство любви — «Глубоко в горах // Падает снег, укрывая // Корни увядшей осоки. // Падая, тает. От любовной тоски // И я — не так ли растаю?» (№ 551). А можно было создать и нежный весенний пейзаж — «Дымка поднимается, // и набухают бутоны цветов, // когда идёт весенний снег. // В селенье, где ещё не расцвели деревья, // уж опадают цветы...» (№ 9) [1].

Система японских художественных образов, которая складывалась веками, развивалась под влиянием внутреннего и внешнего факторов. Под внутренним фактором исследователями подразумевается исконная японская фольклорно-мифологическая основа художественных образов, а также процесс наблюдения и преобразования природных образов в понятную как для адресата, так и для составителя песни систему поэтических образов [2]. Под внешним же фактором следует понимать влияние богатой китайской культуры на придворный этикет, литературу и культуру Японии, которое было особенно сильным в период раннего Средневековья.

Все эти процессы шли не обособленно друг от друга, а одновременно, взаимодополняя и оказывая влияние друг на друга. При этом важно учитывать специфику японской традиции преобразовывать до неузнаваемости заимствованные элементы из китайской традиции, будь то поэтический образ или фольклорный сюжет, тем самым обогащая и усложняя систему поэтических образов.

В свою очередь, поэтические образы встраивались в систему сезонной образности, где каждое время года поэты раскрашивали в свои оттенки и полутона с помощью соответствующих «сезонных» слов и образов. Так, за каждым временем года был закреплён свой определённый «набор» образов, которые следовало раскрыть с помощью сезонных слов. Например, зима у средневековых японских поэтов ассоциировалась с образом снега, метели, увядших трав, метёлок травы мисканта: «Налетела метель // с вершины Суэномацу — // представляется мне, // будто гряды волн белопенных // через горы перехлестнули...» (№ 326) [1].

В антологии «Кокинвакасю» тема одиночества, заброшенности и уныния вообще проходит через весь раздел «Зимние песни». В песне № 322, сложенной неизвестным автором, чувство одиночества ещё более усиливается благодаря переносу места действия в забытое всеми горное жилище: «Над приютом

моим, // в горах, заметая дороги, // вьётся, кружится снег, — // и никто не придёт проведать, // протоптав по пороше тропку...» [1]. Но именно образ снега создаёт щемящее чувство одиночества и тоски.

А вот в «Песнях весны» той же антологии воспеваются традиционные японские пейзажи, которыми наслаждалась аристократия во время обрядов любования сезонными цветами, пиров и поэтических турниров. Весна истари воспринималась японцами как особое время года, когда начинается новый жизненный цикл, природа вновь наполняется радостью, пробуждается от зимнего сна. Именно поэтому это время года особенно ярко отображено в антологии.

Раздел начинается с песен о весеннем пейзаже, в котором нередко присутствует снег, что вполне характерно для японской природы, поскольку согласно лунному календарю весна начиналась в конце января — начале февраля. В это время горы и долины всё ещё могли быть укутаны снегом. Но снег больше не навевает на поэтов чувство одиночества, а природа и люди находятся в ожидании новой жизни: «Ещё снег не сошёл — // так рано весна наступила. // Верно, скоро уже // под лучами солнца растают // капли-льдинки слёз соловьиных» (№ 4) [1].

Затем тему весны подхватывает один из самых ярких весенних символов — образ цветущей сливы, на ветках которой раздаются трели соловья, а продолжает тема сбора весенних трав: «Верно, девы спешат, // на Касугалуг, где поспело // столько трав молодых, — // рукава одежд белотканых // колыхаются в отдаленье...» (№ 22) [1].

И апогеем всего раздела, его главной темой является цветение сакуры. Цветущей сакурой любовались, через её образ прославляли государя, воспевали красоту столицы, а также обращались к теме быстротечности жизни. Во время цветения вишни нежные розовые лепестки преображали облик столицы в нарядное убранство. Вот, например, монах Сосэй, созерцая издали столицу в пору цветения вишни, сложил следующую песню: «Вижу издалика — // цветы бело-розовой вишни // вместе с зеленью ив // разукрасили всю столицу драгоценной вешней парчою» (№ 56) [1].

Малейшее же дуновение ветра вмиг могло осыпать лепестки, нарушить гармонию. Это нашло отклик в сердцах поэтов и вылилось в тему о быстротечности, мимолётности человеческой жизни: «Как мне милы цветы // вешних вишен, что уж опадают, // не успев расцвести! // Никого в нашем брэнном мире // тот же скорбный конец не минует» (№ 71) [1].

Вслед за сакурой наступает черёд цветения глициний, жёлтых диких роз *ямабуки*. Приходит лето. Раздел «Летние песни», самый небольшой из всех сезонных разделов «Кокинвакасю», считается не столь ярким, что, вероятно, связано с тем, что жарким летом не принято было любоваться цветами, а «главные» цветы радовали глаз в другие сезоны. Но стоит отметить, что, хотя ещё не наступила осень — долгожданное для поэтов время года, настроение

поэтов даже в летнюю пору меняется. Меняется и сама модальность предложений от восклицательных к вопросительным. В плаче ли кукушки, с летними дождями всё чаще и чаще в песнях звучат грустные нотки: «Ночь ли слишком темна? // С дороги ли сбилась во мраке? — // Всё кружит и кружит // над моим печальным приютом, // безутешно кличет кукушка...» (№ 154) [1].

«Осенние песни» в «Кокинвакасю» — это достаточно большой по объёму поэтического материала раздел, и так же, как и раздел «Весенние песни», он состоит из двух свитков. Примечательно, что целый цикл стихов здесь посвящён одному из самых известных японских праздников «Танабата» — празднику воссоединения возлюбленных. Сюжет праздника восходит к древней китайской легенде о звёздах Ткачиха и Волопас (европ. Вега и Альтаир), которые на небосклоне находятся друг против друга и разделены Небесной Рекой (Млечный Путь) [5: с. 194]. Согласно легенде, возлюбленные, которые обречены на разлуку, могут встречаться только раз в год, а именно 7 числа 7 луны по лунному календарю. В поэзии же этот календарный праздник обрёл следующее поэтическое звучание: «Видно, ей невтерпёж // по мосту из листьев осенних // перейти наконец // через воды Реки Небесной — // ждёт Ткачиха ночь Танабата...» (№ 175) [1].

Здесь следует заметить, что японская поэзия раннего Средневековья всё ещё сохраняет едва заметную связь с обрядами и обычаями годового цикла, а именно с древним сельскохозяйственным календарём. Эта связь была характерна для более ранней поэзии. Теперь же если в песне присутствует описание того или иного сельскохозяйственного обряда, то на первый план выходит чувства автора, а само описание обряда уже создаёт необходимый контекст, соответствующий лирической настрою.

Так, если в «Весенних песнях» поют о сборе молодых трав, то в «осенних песнях» поют о скором урожае риса: «Будто только вчера // сажали на поле рассаду — // быстро время прошло, // и уж рисовые колосья // шелестят под ветром осенним...» (№ 172) [1]. Чувство грусти и сожаления о быстротечности времени неизвестный автор искусно выразил через быструю смену времён года, а точнее, через главные сельскохозяйственные работы, производимые в соответствующее время года: весной — обряд высадки рисовой рассады на поля (обряд *тауэ*), а осенью — сбор урожая.

Регламент стихосложения того времени требовал от поэтов скорее виртуозных навыков владения поэтическими приёмами, нежели индивидуального начала. Поэтому поэт стремился прежде всего продемонстрировать своё мастерство с помощью известных ему художественных приёмов и через особый взгляд на окружающий мир, а не показать свою индивидуальность или привнести что-то новое в традицию. Главным же отличием поэзии эпохи Хэйан от более ранней поэзии, представленной в антологии «Манъёсю», является принцип *моно-но аварэ* 物の哀れ («печальное очарование вещей»), исходящий прежде всего из особой философско-эстетической позиции — наличие явной или неявной

красоты вещей или явлений с оттенком беспричинной грусти, вызванной чувством иллюзорности и бренности окружающего мира.

Это философско-эстетическое понятие возникло в поэзии в эпоху перехода от «мужской» культуры к более утончённой «женской». Эстетизация коснулась всех сфер жизни придворных чиновников и поэтов, что невольно привело к созданию искусственного, оторванного от реального мира, в котором всё воспринималась сквозь призму *моно-но аварэ* [4: с. 83]. Впоследствии этот принцип был перенесён в живопись, каллиграфию, японские традиционные искусства, и только в поэзии «Кокинвакасю» он раскрывается во всей своей полноте.

Так, в поэзии антологии «Кокинвакасю» раскрывается весь спектр чувств, которые может выражать это прекрасное очарование — эстетизированное чувство грусти, своего рода «меланхолическое *аварэ*», выраженное в восклицательной форме. Например, в песне № 125, чьё авторство приписывают Татибана-но Киётомо, отцу супруги императора Сага, воспеваются красота цветов *ямабуки*: «Хор лягушек утих, // облетели давно ямабуки, // те, что в Идэ цвели, — // о, зачем не пришёл я раньше, // чтоб застать цветенье в разгаре!» [1].

А вот в другой песне (№ 98), сложенной неизвестным автором, «*аварэ*» выражает бренность бытия, запечатлённого через призму сожаления по поводу непостоянства и несовершенства нашего мира, — «если б бренный наш мир // был, как вишни весной, постоянен // в обновленье своём — // то, быть может, и всё былое // в нём могло бы вновь повториться...» [1].

Пожалуй, сложение песен через своеобразную призму очарования и грусти можно считать одним из главных достижений, которое в своём творчестве смогли воплотить поэты «Кокинвакасю», а утончённую изысканность — одним из главных достижений поэзии X века.

Библиографический список

Источники

1. Кокинвакасю — Собрание старых и новых песен Японии: в 3 т. / Пер. А.А. Долина. — М.: Радуга, 1995.

Литература

2. 有岡利幸. ものと人間の文化史. 梅 I. — 東京. : 法政大学出版局, 1999. — P. 188–189.

3. Боронина И.А. Слово-образ в японской поэзии раннего Средневековья (VIII–XII вв.) / И.А. Боронина // Знакомьтесь — Япония. — 1998. — № 18. — С. 61–79.

4. Боронина И.А. Поэтика классического японского стиха (VIII–XIII вв.). — М.: Наука, 1978. — 386 с.

5. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. — М.: Наука, 1989. — 456 с.

References

Istochniki

1. Kokinvakasyu — Sobrańie stary'x i novy'x pesen Yaponii: v 3 t. / Per. A.A. Dolina. — M.: Raduga, 1995.

Literatura

2. Arioka Toshiyuki. Mono to ningen-no bunka shi. Ume I. — Tokio.: Seixo daigaku, 1999. — P. 188–189.

3. Boronina I.A. Slovo-obraz v yaponskoj poe'zii rannego Srednevekov`ya (VIII–XII vv.) / I.A. Boronina // Znakom`tes' — Yaponiya. — 1998. — № 18. — S. 61–79.

4. Boronina I.A. Poe'tika klassicheskogo yaponskogo stixa (VIII–XIII vv.). — M.: Nauka, 1978. — 386 s.

5. Kalendarny'e oby'chai i obryady' narodov Vostochnoj Azii. Godovoj cikl. — M.: Nauka, 1989. — 456 s.

К.С. Калинина

Художественная функция снов и видений в романе И.А. Новикова «Золотые кресты»

В статье анализируется художественная функция снов и видений в романе И.А. Новикова «Золотые кресты», раскрываются их психологические и прогностические функции. Фантастическое начало, мотив «двойной реальности» введены в текст благодаря этим композиционно-повествовательным формам.

The paper deals with the artistic role of dreams and visions in the novel «The Gold Crosses» by I.A. Novikov and reveals their psychological and prophetic functions. The fantastic beginning and the motive of the «dual reality» are introduced in the text by means of compositional and narrative forms.

Ключевые слова: сны; видения; художественная функция.

Keywords: dreams; visions; artistic role.

Сон в литературе — приём, предмет описания, способ познания мира, он связан с движением сюжета, с философско-этическими проблемами, с психологией персонажа. Интерес к сновидениям начинается с древних времен. Видение как жанр было усвоено на Руси вместе с христианством. В древнерусской письменности выделялось два вида персонажных видений: видения «наяву» (когда герой воспринимает галлюцинации в состоянии бодрствования, с частично отключенным от внешней действительности сознанием) и собственно сновидения (переживаемые спящим целиком подсознательно и безотчетно).

Сны и видения могут использоваться писателем в произведении с различными целями, но «первоначальная их функция — это введение в повествование фантастических мотивов» [2: с. 44]. Также «сны и видения могут в той или иной мере предвещать последующие сюжетные повороты» [2: с. 44]. Художественный приём сновидения используется в литературе для усиления и акцентировки фантастического, мистического, лирического, гротескного или комического, сатирического эффектов. По словам А.Б. Есина, «сон обнажает метафизические глубины существа человека». Сон «снимает одежды обстоятельств, вооружает нас пугающей свободой, и всякое желание спешит обернуться действием» [5: с. 8]. Сон в литературе является средством, способным создать еще одну, параллельную, реальность в тексте и за его пределами, в воображении читателя. Сон выводит читателя на новый уровень понимания текста произведения. Сны и видения способствуют глубокому проникновению во внутренний мир героев. Обратимся к анализу снов и видений и их художественных функций в романе И.А. Новикова «Золотые кресты».

Имя Ивана Алексеевича Новикова (1877–1959) в настоящее время почти забыто, хотя в литературно-критическом сознании Серебряного века писатель занимал место в одном ряду с Б.К. Зайцевым, И.С. Шмелёвым, С.Н. Сергеевым-Ценским и А.М. Ремизовым. Наиболее обстоятельное исследование его творчества представлено в монографии М.В. Михайловой [4], давшей глубокий и многоаспектный анализ малой прозы, поэзии и драматургии писателя. Однако его романы остались за пределами внимания автора книги.

Роман И.А. Новикова «Золотые кресты» появился в 1908 году, в период увлечения писателя символизмом, что проявилось в религиозно-мистическом характере произведения. Визионерская мотивика активно использовалась *символистами*. Н.И. Прокофьев писал, что они сделали попытку «не столько творчески воспользоваться формами прошлого, сколько возродить средневековое воззрение в условиях новых общественных отношений» [7: с. 55]. Средневековый же человек не относил сны и видения к разряду иллюзорного, а видел в них «прорывы» высшей «реальности» в повседневную жизнь. В творчестве символистов, как и в творчестве романтиков, сновидения способствовали более глубокому и сложному раскрытию потаённой жизни души героя. Кроме того, сны перестают быть текстом в тексте, создавая «двойное бытие»: «Еще у Ф.И. Тютчева, которого символисты почитали за своего предтечу, мотивы “двойного бытия”, погружения души в мир снов и самого мироздания в космический сон, в душу мира пронизывали творчество» [5: с. 7]. Актуальность темы сновидений для русских символистов объяснялась всё возрастающим интересом к проблеме интерпретации «второй реальности», «эсхатологический мистицизм понадобился символистам для создания модернизированных “видений” и интуитивных символических образов» [7: с. 55].

В романе «Золотые кресты» эпическое повествование разворачивается в двух сферах бытия: в реальном пространстве и в сфере снов и видений, тематически и композиционно перекликающихся между собой. Впервые понятие «видение» появляется в тексте при описании города: «Этот город — греза, видение вечера. Опустился с небес или поднялся он из глубин земных — одинаково сказочный, одинаково что-то таящий в себе, недоступное людям, быть может, навеки» [1: с. 25]. Дом с узорной резьбой, в котором жили Андрей и Анна Ставровы, называется замком, особым царством, возвышающимся над городом. Сны и видения подобно воздушной дымке окутывают это пространство: «Над слепую и хищной стихией земли поднимались легкие и прозрачные видения, полувоздушный сон. Этот сон звенел и баюкал, и чаровал незримыми чарами. И Андрей с сестрой жили в этом очаровании...» [1: с. 27]. Анна сама сравнивается с видением, сном, мечтой. Благодаря мотивам сна и видения в тексте романа реализуется фантастическое, сказочное начало.

Первое видение является Анне в мастерской брата, она как будто переносится из земного в небесное пространство, где виден Лик Бога, где Имя Его восхваляется: «Чудилось ей: близко открылись какие-то дали, придвинулся сон, и голоса прекрасные и зовущие звучат над ней, и внизу, и вокруг нее,

совсем ясно, явственно, — вот-вот поймет, расслышит, уловит — и её душа, один из тех же таинственных голосов, уже поет им в ответ, ликуя в светлом экстазе предчувствия. Лица Христа не видит она, Он подернут, закрыт золотистым туманом, но улыбка Его влекущая светит Anne...» [1: с. 30]. Девушку переполняет радость, её манит Божье присутствие: однако «колеблется Светлый Лик», «расплывается Облик Христов по мере того, как приближается Анна к Нему» [1: с. 30]. Имманентное видению присутствие образа Христа среди скульптур уродцев, работ Андрея Ставрова, как бы открывает характер Бога, Который являл Себя грешникам, говорил, что «не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф. 9:12). В первом видении для главной героини романа как будто открывается часть неба, и она вкушает сладость Божественного присутствия. В дальнейшем это станет психологической мотивировкой и повлияет на ход сюжета романа: выбирая между земным и небесным, девушка отдаст предпочтение последнему.

В своём видении Анна никак не может увидеть Христа, Он является ей во второй раз: «Вот Он тихо идёт один, опустив просто руки и нездешними неземными глазами глядя вдаль за земные поля. Одежды серовато-серебристые, мягкие, спадают до самой земли. Неспешной походкой идёт Он, и слышит явственно Анна легкую поступь шагов. Видение длилось мгновенье, но это мгновение было как жизнь» [1: с. 57]. Важна пространственно-временная конкретизация видения: «тотчас», «на простом и родном горизонте», «глядя вдаль за земные поля». Анна воспринимает галлюцинацию в состоянии бодрствования, таким образом осуществляется сплав сна и яви. Сообщая о фантастическом, автор внушает читателю убеждение в несомненности этого фантастического, раскрывая близость Бога человеку, Его простоту, заинтересованность земной жизнью. Два видения Анны, объединённые образом Христа, привносят в текст библейское начало. Интересно, что в первом видении её «благословляют с застенчивой радостью» скульптуры уродцев в мастерской, во втором видении Анну «на что-то благословила» осень. Создавая атмосферу предвкушения и ожидания, эти благословения готовят девушку к важному событию в её жизни, но не называют его, наполняя текст мистическим содержанием. Так видения героини, будучи органично вплетены в художественную ткань романа, раздвигают рамки сюжета, расширяют пространство романа, придают тексту загадочность. Встречаясь с Христом, Анна как будто слышит голос судьбы, в дальнейшем эти видения дадут ей импульс для действий.

Если видения Анны являются продолжением её мечтаний, грёз о Светлом Боге, Белом Христе, то галлюцинация Глеба, друга Андрея Ставрова, выполняет пророческую (пророческую) функцию, предвещая встречу с близкой душой (Анной Ставровой): «Сладкое видение, что встретило его на пороге новой жизни, стало у входа и разделило его бытие на две половины: одно до нее, после — другое, а миг этой встречи был как сечение перекрестных дорог» [1: с. 49]. Между первым видением Анны и видением Глеба есть связь — сходство ключевых констант (влага, улыбка, розовый и золотой цвета, определение «солнечный»), которая свидетельствует о том, что этих героев

объединяет духовное родство. В видении Глеба проявляется символистский принцип двоемирия: оппозиция материального и духовного («мир вещей, факты обыденности не есть еще настоящие факты, а чья-то часто нелепая шутка» [6: с. 47]). Мотив «второй реальности», «двойного бытия», характерный для символистов, всё отчётливее звучит в произведении.

В романе «Золотые кресты» онейрическое пространство создаётся пятью снами героев. В **первом сне** Глеб видит себя маленьким мальчиком в густом и дремучем лесу. Он бежит, рана ноги, вниз по узкой тропинке, у узкой щели встречает Федю, мальчика меньше, худее и тоньше себя. Федя признаётся, что ненавидит Бога, и показывает своё «большое, недетское, всё в ранах, сочащее кровь» [1: с. 109] сердце. Глеб объясняет Феде разницу между Богом-Отцом и Христом, мальчики видят вдали распятого Христа, тяжёлая капля крови скатывается к подножию ног Иисуса, после чего Федя неожиданно умирает, а Глеб остаётся перед «последним, мучительным входом», ведущим к распятому Богу. Этот сон Глеба оказывается пророческим, он связан с судьбой Феде, который трагически погибнет во время еврейских погромов. Центральная идея этого сна — мессианское самопожертвование Иисуса, искупившего все грехи мира. Подобно ветхозаветным героям, которые довольно близко общались со Вседержителем посредством видений и снов, Глебу открывается Божий промысел относительно судьбы Феде. Помимо этого сновидение выполняет в тексте и психологическую функцию. Глеб видит во сне себя и Феде маленькими мальчиками, оказавшимися в чуждой и враждебной им среде («густой и дремучий лес», «пещера», «камни»). Во сне образ ребёнка насыщается мифопоэтическим смыслом и раскрывается как художественно-философский символ. Это «образ совести и невинного, неискупимого страдания; это укор падшему, многогрешному человеку и одновременно — мера любви и нравственности, первожданной ангельской чистоты» [6: с. 277]. Сочетание профетического содержания сна с богатой онейрической символикой лишают текст романа обыденности, общепринятой логики, придают произведению зашифрованный характер.

Во **втором сне** Глеб видит в горах при луне Анну в черном бархатном платье и с розой в волосах. Ему очень хочется увидеть лицо Анны, когда же она оборачивается, то оказывается, что это не Анна, а царевна Тамара, девушка, которую Глеб любил, будучи мальчишкой. Неожиданно Тамара сливается с образом луны, а Анна опять появляется рядом с Глебом, он обнимает её, целует и «рушится все, падают горы, и смеется луна; Глеб просыпается» [1: с. 164]. Раздвоение образа Анны происходит в сознании Глеба, материализуя какую-то его часть, о которой ранее герой не подозревал. Персонаж-двойник (Тамара) служит целям психологического изображения: показывается восприятие Глебом женского образа. Испытывая в детстве возвышенное чувство к Тамаре, Глеб во сне проецирует его и на Анну. Если в реальности герой может подавлять свои чувства к Анне, называя её сестрой, то во сне проявляется его страсть.

Ю.М. Лотман отмечал наряду с семиотической (знаковой) направленностью сновидений их обращённость внутрь человека: «Сон-предсказание — окно

в таинственное будущее — сменяется представлением о сне как пути внутрь самого себя» [3: с. 223]. Сновидение Глеба подтверждает, что «сон — не что иное, как случайная встреча персонажа с самим собой» [6: с. 27]. Образная и цветовая символика (роза, луна, чёрный, алый, белый), особый хронотоп (замок высоко в горах ночью) сновидения обогащают текст романа, вносят в него условное (сказочное) начало, способствуют более глубокому проникновению во внутренний мир главного героя. В двух снах Глеба ирреальный мир оказывается тесно переплетённым с миром реальных людей, отношений.

Третий сон — сон Андрея Ставрова. Молодой человек видит себя работающим в мастерской, его маяние — галилейское утро и девушка в белом, поливающая цветы; неожиданно от Глеба к девушке подлетает серая мышь, садится на шею, пьёт её кровь, «нежную Аннину душу» [1: с. 231]. Жизненно-практическая функция этого сна заключается в том, что он предвещает смерть Анны, которая покончит жизнь самоубийством. Образ летучей мыши возникает во сне как некое предзнаменование и знак реальности: Анна всегда боялась, что летучая мышь может высосать душу, и делилась своим страхом с братом.

Четвёртый сон — это кошмар, снявшийся Наташе и повторяющийся в мельчайших подробностях эпизод из её жизни, когда в монастыре ею пытался завладеть монах Кривцов: «Каждую ночь целый год снился ей всё один незабываемый сон; всё в мелочах одинаково, до последней драгоценной бусинки на образе Богоматери» [1: с. 176]. Кошмарное сновидение связано с событием, повлиявшим на жизнь героини, на ход её мыслей и принимаемые решения. Воспоминание о нём причиняет боль Наташе, желающей вычеркнуть этот эпизод из сознания, однако пережитая травма возвращается к ней во сне, достоверно передавая психологическое состояние героини.

Пятый сон — сон Анны, в котором она вместе с Глебом идёт куда-то по узкой цветущей долине, где белоснежные розы устилают им дорогу, где солнце совершает «ускоренный путь», превращаясь в окровавленный диск, и где вместе с Глебом, закрывая глаза, они «дают оба легкий толчок легкому телу...» [1: с. 192]. Этот сон Анны является предвестием реальных событий, включает в себе пророческое начало: так как в будущем Анна шагнёт вниз вместе с Глебом с башни, пытаясь таким образом сократить путь в вечность. Образы розы и луны возвращают нас к последнему сну Глеба, в котором они неоднократно возникали. «Рифмующиеся» символические детали снов Глеба и Анны позволяют автору привести сюжет романа к неожиданной развязке: герои получили схожие откровения в своих снах, они понимают друг друга.

Итак, сны и видения в романе И.А. Новикова «Золотые кресты» способствуют раскрытию психологии героев и позволяют воплотить принцип двоемирия — через взаимодействие реального и ирреального, материального и духовного. Художественная функция снов состоит в безграничном расширении времени и пространства, в преодолении бытовой эмпирии.

Библиографический список

Источники

1. *Новиков И.А.* Золотые кресты: роман / И.А. Новиков. – Мценск: Мцен. гор. биб-ка им. И.А. Новикова, 2004. – 444 с.

Литература

2. *Есин А.Б.* Психологизм русской классической литературы: кн. для учителя / А.Б. Есин. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.

3. *Лотман Ю.М.* Сон — семиотическое окно / Ю.М. Лотман // Культура и взрыв. – М.: Прогресс: Гнозис, 1992. – С. 219–226.

4. *Михайлова М.В.* И.А. Новиков: грани творчества / М.В. Михайлова. – Орёл: ОРЛИК, 2007. – 232 с.

5. *Нагорная Н.А.* Виртуальная реальность сновидения в творчестве А.М. Ремизова: монография / Н.А. Нагорная. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – 150 с.

6. *Нечаенко Д.А.* Сон, заветных исполненный знаков: Тайнства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе / Д.А. Нечаенко. – М.: Юрид. литература, 1991. – 304 с.

7. *Прокофьев Н.И.* Видение как жанр в древнерусской литературе / Н.И. Прокофьев // Вопросы стиля художественной литературы. – М.: Московский государственный педагогический институт, 1964. – С. 35–56.

References

Istochniki

1. *Novikov I.A.* Zoloty'e kresty': roman / I.A. Novikov. – Mcensk: Mcen. gor. bib-ka im. I.A. Novikova, 2004. – 444 s.

Literatura

2. *Esin A.B.* Psixologizm russkoj klassicheskoj literatury': kn. dlya uchitelya / A.B. Esin. – M.: Prosveshhenie, 1988. – 176 s.

3. *Lotman Yu.M.* Son — semioticheskoe okno / U.M. Lotman // Kul'tura i vzry'v. – M.: Progress: Gnozis, 1992. – S. 219–226.

4. *Mixajlova M.V.* I.A. Novikov: grani tvorchestva / M.V. Mixajlova. – Oryol: ORLIK, 2007. – 232 s.

5. *Nagornaya N.A.* Virtual'naya real'nost' snovideniya v tvorchestve A.M. Remizova: monografiya / N.A. Nagornaya. – Barnaul: Izd-vo BGPU, 2000. – 150 s.

6. *Nechaenko D.A.* Son, zavetny'x ispolnenny'j znakov: Tainstva snovidenij v mifologii, mirovy'x religiyax i xudozhestvennoj literature / D.A. Nechaenko. – M.: Yurid. literatura., 1991. – 304 s.

7. *Prokof'ev N.I.* Videnie kak zhanr v drevnerusskoj literature / N.I. Prokof'ev // Voprosy' stilya xudozhestvennoj literatury'. – M.: Moskovskij gosudarstvenny'j pedagogicheskij institut, 1964. – S. 35–56.

Е.С. Луткова

Результаты экспериментального обучения чтению аутентичных текстов в профильной школе с позиции лингвокультурологического подхода

В статье представлены результаты экспериментальной проверки эффективности технологии обучения чтению аутентичных текстов с позиции лингвокультурологического подхода.

The paper summarizes the results of the experimental study of the effectiveness of the educational technology of reading authentic texts based on linguacultural approach.

Ключевые слова: экспериментальное обучение; эффективность; образовательная технология; лингвокультурологический подход.

Keywords: experimental study; effectiveness; educational technology; linguacultural approach to FLT.

Лингвокультурологический подход к иноязычному образованию в профильной общеобразовательной школе предполагает формирование основ лингвокультурологической компетенции учащихся, что, в свою очередь, является предпосылкой для развития межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции выпускника профильной школы. Вслед за Н.В. Языковой мы определяем межкультурную компетенцию как «готовность и способность вторичной языковой личности понимать и порождать речевое высказывание в устной и письменной формах, базирующиеся на знаниях, умениях анализа, понимания интерпретации инокультурных концептов в процессе сопоставления с аналогичными концептами в родной культуре; навыках оперирования языковыми средствами их выражения; умениях применять их для решения коммуникативных задач и отношениях к партнёру по межкультурному общению» [1: с. 4].

Реализация вышеставленной цели достигается посредством разработанной технологии обучения чтению, включающей ряд этапов: ознакомление с терминами лингвокультурологии как науки, дотекстовая беседа, этап прочтения текста и сбора культурологической информации, углубление понимания текста, исследование культурно-специфических языковых единиц текста, сокращение текста, кросс-культурный анализ проблематики текста, разработка лингвокультурологического поля, проектная работа [2].

Одной из задач нашего исследования явилось исследование эффективности разработанной технологии в ходе экспериментального обучения.

Целью экспериментального обучения стала проверка общей гипотезы исследования, согласно которой развитие основ лингвокультурологической компетенции учащихся общеобразовательной школы на профильном уровне будет проходить успешно при условии:

- отбора содержания обучения и систематизации знаний о культуре страны изучаемого языка на основе полевого исследования пласта культуры, представленного аутентичными текстами;

- осмысления инокультурных концептов в ходе работы над аутентичным текстом как процесса выявления лингвокультурем, анализа их семантической структуры и интерпретации культурологического фона на основе сопоставления с соответствующими явлениями в родной лингвокультуре;

- целенаправленного развития у обучающихся умений самостоятельного поиска культурологической информации для комментирования культурного фона лингвокультурем в различных источниках, в том числе и информационных.

В процессе экспериментального обучения предстояло решить следующие задачи:

- 1) выяснить, насколько эффективно разработанная технология вооружает учащихся культурологическими знаниями и способствует развитию культурологических умений;

- 2) определить эффективность разработанной технологии для развития мотивации учащихся, их отношения к изучаемому пласту культуры и её представителям, таких личностных качеств, как терпимость к иным воззрениям, эмпатия, ответственность и гордость за свою культуру.

В ходе экспериментального обучения были использованы количественные (анкетирование, тестирование) и качественные методы исследования (анализ продуктов деятельности учащихся, полуструктурированное интервью). Анализ подготовленных учащимися лингвокультурологических комментариев проводился с целью выявления динамики развития соответствующих лингвокультурологических умений. Полуструктурированное интервью позволило проследить динамику развития мотивации учащихся и их отношения к предмету учебной деятельности.

Экспериментальной базой исследования стали две группы профильного класса (10 «Г») на базе ГБОУ СОШ № 1520 им. Капцовых г. Москвы. По результатам опроса учащихся и их родителей обучение решено было проводить в рамках элективного курса в общей учебной сетке часов, что составило 34 часа занятий, по два урока в каждой группе в неделю. Общее количество учащихся, принявших участие в эксперименте, составило 24 человека.

В процессе экспериментального обучения учащиеся исследовали пласт культуры «Высшее образование в США», в частности такую специфическую особенность студенческой жизни в университетских кампусах, как «Греческие сообщества». Выбор предлагаемого пласта культуры обусловлен актуальностью темы, раскрывающей аспекты учебной и социальной жизни

студентов, для учащихся 10 класса как будущих абитуриентов российских, европейских и американских университетов.

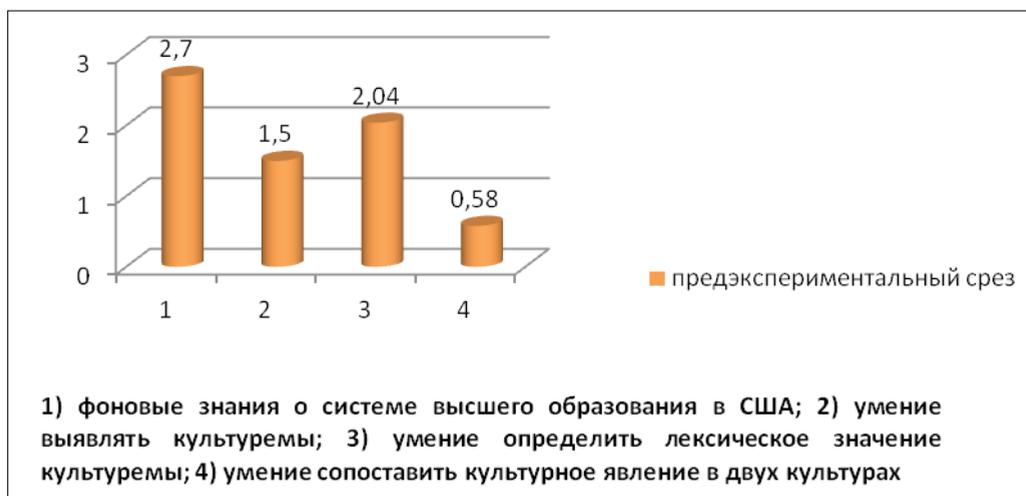
В связи с тем, что разработанная нами технология является инновационной [3], мы посчитали нецелесообразным деление групп на экспериментальную и контрольную.

В качестве критериев оценки эффективности разработанной технологии были взяты знания, умения и отношения, составляющие содержание лингвокультурологической компетенции учащихся профильной школы.

Целью предэкспериментального среза стала проверка фоновых знаний учащихся о системе высшего образования в США в целом и о некоторых аспектах социальной жизни американских студентов в частности, а также уровня сформированности некоторых элементарных культурологических умений (Гистограмма 1).

Гистограмма 1

**Результаты предэкспериментального среза
лингвокультурологических знаний и умений учащихся**

Предэкспериментальный срез продемонстрировал ожидаемые результаты. Анализ результатов свидетельствует о достаточно низком уровне сформированности культурологических знаний и умений учащихся. Несмотря на то, что учащиеся уже изучали темы, связанные с образованием в Великобритании и в США, всего 25 % учащихся знали о том, что образование в США является платным, 33 % смогли назвать такие институты высшего образования в США, как колледж и университет. На вопросы о том, какова продолжительность курса обучения для получения степени бакалавра и на какую финансовую поддержку могут рассчитывать студенты университетов США, дали неполный ответ 8 % обучающихся. На все вопросы о социальной жизни и греческих организациях на территории американского университета учащиеся ответили «не знаю».

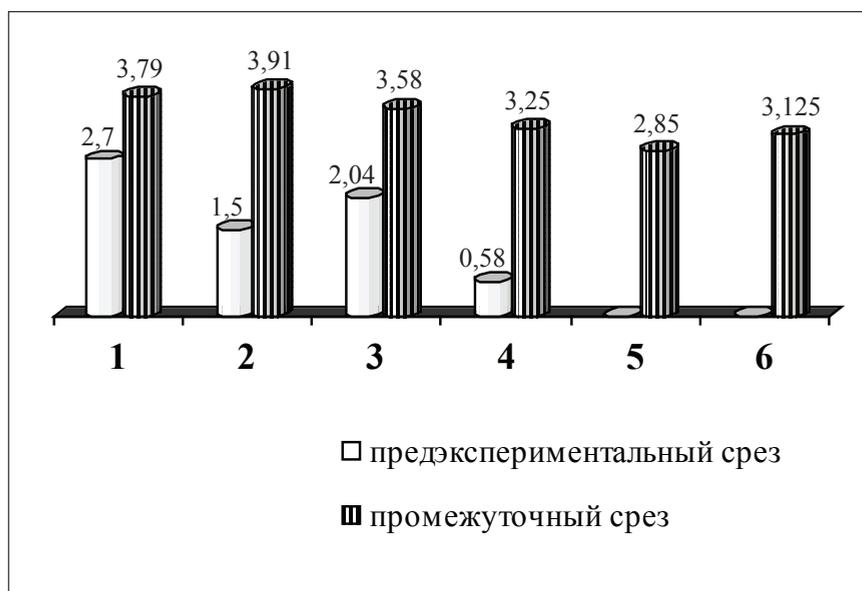
Учащиеся испытывали трудности в восприятии и понимании смысла предложенного текста из-за наличия в тексте лингвокультурем. Только 12% смогли выделить одну / две культуры, однако в целом это задание осталось невыполненным. Благодаря хорошо развитой языковой догадке 20% учащихся справились с заданием на определение лексического значения лингвокультурем, 8% смогли выявить некоторые различия в характеристиках американского и российского колледжа, но при этом не знали, как прокомментировать эти различия.

В середине экспериментального обучения был проведён промежуточный срез, чтобы выявить тенденцию приращения уровня культурологических знаний и умений учащихся в двух экспериментальных группах. Промежуточный срез также проводился в виде теста, но по сравнению с предэкспериментальным срезом критериальная база для промежуточного среза была расширена за счёт двух параметров, а именно культурологических умений составлять комментарий и упорядочивать культуры посредством культурологического поля.

Сопоставительный анализ результатов промежуточного и предэкспериментального срезов представлен в гистограмме 2.

Гистограмма 2

**Результаты промежуточного среза
лингвокультурологических знаний и умений учащихся**

Как видно из гистограммы, в результате целенаправленного, обусловленного технологией дидактического воздействия произошли явные изменения в сторону увеличения / улучшения сравниваемых параметров. Само количество критериев увеличилось до 6. На 40 % увеличился объём фоновых знаний

учащихся о системе образования в США. Учащиеся узнали о существовании и предназначении греческих сообществ на территории американских кампусов. Учащиеся стали лучше идентифицировать культуремы в тексте и определять их лексическое значение и выявлять культурный фон.

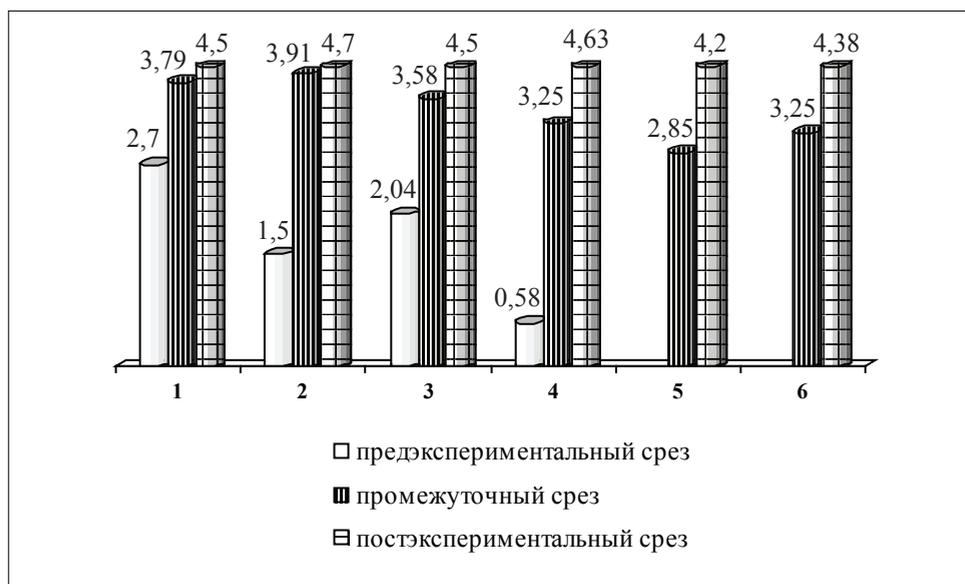
В три раза улучшился параметр умения сопоставлять культурные концепты в двух культурах. Такое динамичное приращение можно объяснить двумя факторами. Во-первых, у учащихся значительно увеличился объём фоновых знаний, во-вторых, учащимся была представлена пошаговая схема кросс-культурного анализа аналогичных явлений в родной и изучаемой лингвокультурах.

На формирующем этапе учащиеся с помощью учителя учились составлять культурологические комментарии и разработали основу культурологического поля. При составлении комментариев учащиеся успешно давали лексическое определение понятию, однако испытывали трудности в отборе значимой культурологической информации для комментария в письменной форме. При расширении лингвокультурологического поля у учащихся возникали трудности с правильной организацией выявляемых в тексте культурем.

В завершение экспериментального обучения был проведён постэкспериментальный срез с целью оценки уровня сформированности культурологических знаний, умений и отношений учащихся на момент окончания элективного курса, а также с целью подтверждения эффективности разработанной технологии обучения чтению и анализу аутентичных текстов с позиции лингвокультурологического подхода. Сопоставительный анализ результатов постэкспериментального среза с данными промежуточного и начального срезов представлен в гистограмме 3.

Гистограмма 3

Динамика приращения уровня знаний и умений по итогам постэкспериментального среза

По завершении экспериментального обучения уровень сформированности культурологических знаний и умений претерпел ещё более значительные изменения в сторону увеличения/улучшения. Объём фоновых знаний учащихся о греческих сообществах в университетах США увеличился на 18 %. Учащиеся уже могли без труда выявлять культураны в тексте (параметр улучшился на 81 %). Значительно улучшились показатели по параметру упорядочивания выявленных лингвокультураны посредством лингвокультурологического поля «Греческие сообщества» (42 %). Изменение в сторону увеличения (46 %) также претерпели показатели по параметру составления культурологического комментария. Учащиеся усвоили этапы составления комментария, они научились искать культурологическую информацию и отбирать ключевые фрагменты информации, а также составлять целостный текст комментария.

На 36 % увеличился показатель по параметру кросскультурного сопоставления явлений. Учащиеся самостоятельно могли выявить сходства (если они были) и различия концептов в двух культурах и, используя фоновые знания, прокомментировать их. Однако данное умение является сложным для формирования, поэтому на это требуется намного больше времени, чем было предоставлено для экспериментальной работы.

С целью решения третьей задачи экспериментального обучения было проведено анкетирование учащихся двух групп в начале и в конце обучения, а также полуструктурированное интервью с тремя учащимися с высоким, средним и низким уровнем обученности. Обработка результатов анкетирования и полуструктурированного интервью свидетельствует о высоком уровне мотивации учащихся к изучению предложенного фрагмента культуры, а также демонстрирует динамику развития отношения учащихся к американскому обществу и американскому студенчеству как представителям этого общества. На диагностирующем этапе учащиеся выражали в основном позитивное отношение к американскому обществу и нейтральное отношение к американским студентам. К концу обучения была зафиксирована динамика в увеличении интереса к греческим сообществам и развитию позитивного и уважительного отношения к ключевым идеям сообщества, а также к личностным качествам и ценностям «греков».

Результаты экспериментального обучения подтвердили эффективность разработанной методики, нацеленной на формирование и развитие основ лингвокультурологической компетенции учащихся профильной школы.

Библиографический список

Литература

1. Языкова Н.В. Целеполагание в языковом образовании с позиции межкультурного подхода / Н.В. Языкова // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: мат-лы I междунар. науч. конф. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – С. 409–411.

2. Языкова Н.В. USA Education Reader: High School and College Culture: книга для чтения / Н.В. Языкова, И.Н. Столярова, Е.С. Луткова. – М.: МГПУ, 2012. – 184 с.

3. *Tareva E.G.* Межкультурный подход как лингводидактическая инновация / E.G. Tareva // Теория и практика обучения иностранным языкам: традиции и инновации: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. памяти академика РАО И.Л. Бим. – М.: ТЕЗАУРУС, 2013. – С. 61–67.

References

Literatura

1. *Yazy'kova N.V.* Celepolaganie v yazy'kovom obrazovanii s pozicii mezkul'turnogo podxoda / N.V. Yazy'kova // Funkcional'no-kognitivny'j analiz yazy'kovy'x edinic i ego aplikativny'j potencial: mat-ly' I mezhdunar. nauch. konf. – Barnaul: AltGPA, 2011. — S. 409–411.

2. *Yazy'kova N.V.* USA Education Reader: High School and College Culture: kniga dlya chteniya / N.V. Yazy'kova, I.N. Stolyarova, E.S. Lutkova. – М.: MGPU, 2012. – 184 s.

3. *Tareva E.G.* Mezkul'turny'j podxod kak lingvodidakticheskaya innovaciya / E.G. Tareva // Teoriya i praktika obucheniya inostranny'm yazy'kam: tradicii i innovacii: mat-ly' Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati akademika RAO I.L. Bim. – М.: TEZAURUS, 2013. – S. 61–67.

В.В. Малькова

Русские и немецкие устойчивые сравнения как средство представления тематического поля «Социальные отношения»

В статье рассматриваются способы выражения социальных отношений посредством устойчивых сравнений в русском и немецком языках, проводится сопоставительный анализ заявленных в них характеристик и эталонов сравнений с выделением основных типов их эквивалентности/безэквивалентности.

This article deals with the means of representation of social relationships through Russian and German idiomatic comparisons. It involves a comparative analysis of their stated features and standard images and distinguishes their main equivalence/non-equivalence types.

Ключевые слова: устойчивое сравнение; эталон сравнения; основание сравнения (tertium comparationis); тематическое поле.

Keywords: idiomatic comparison; standard image; ground of comparison (tertium comparationis); thematic field.

Языковая реализация отношений между людьми представлена во всех языках многочисленными лексико-фразеологическими средствами (рус. *Они бранятся, ссорятся, воркуют, дерутся; Он в ней души не чаёт*; нем. *Sie verhält sich stiefmütterlich* (букв. *Она ведёт себя по-мачехиному* — в значении «грубо, неласково»), *Er behandelt seine Frau furchtbar* (*Он ужасно обращается с женой*), что связано с особой значимостью этого семантического пространства в общении представителей различных лингвокультур. Устойчивые сравнения, являясь средством образной интенсификации признака, позволяют представить межличностные отношения в языке более наглядно, через систему фиксированных слов-эталонов, которые, как считает В.Н. Телия, «становятся тем, в чём образно “измеряют” свойства человека» [1: с. 242]. (*Они живут как кошка с собакой; Она обращается с ним как с мебелью; Они воркуют как голубки* и т. д.) [2–3; 6–9].

Для полноценного сопоставительного анализа русских и немецких устойчивых сравнений тематического поля «Социальные отношения» (45 русских и 49 немецких устойчивых сравнений) необходимо прежде всего рассмотреть представленные в них характеристики. В результате анализа русских и немецких устойчивых сравнений было установлено, что большая часть из них (37 оснований сравнений в каждом языке) представляют собой эквивалентные единицы. Этот факт, очевидно, вызван универсальностью человеческой природы как социального существа (плохо/хорошо обращаться с кем-л.

(j-n schlecht / gut behandeln), неотступно следовать за кем-л. (j-m folgen), пристать к кому-л. (hängen an j-m), набрасываться на кого-л. (stürzen an j-n) и др.). Другую часть оснований сравнений следует признать национально-специфичными и характерными только для одного из языков, что свидетельствует о значимости этого социального действия или явления для носителей конкретной лингвокультуры (рус. *почитать как, пилить как, ухаживать за кем-л. как, придушить кого-л. как*; нем. *hassen j-n wie* (ненавидеть кого-л. как), *zusammenlaufen wie* (сходиться (о папе) как), *stehlen wie* (воровать как) и др.).

Такой тип межличностных отношений, как постоянные ссоры и ругань, в сопоставляемых языках передаются с помощью совпадающих образов (*жить как кошка с собакой = wie Hund und Katze sein*: «Der conservative Karrierist und die engagierte Frauenrechtlerin... sind wie Hund und Katze» (rheinzeitung.de, 14.4.2001) («Консервативный карьерист и активная защитница прав женщин... как собака и кошка») [4]; «Теперь об этом почти не вспоминают, но тогда наши страны между собой жили как кошка с собакой» [Шамиль Тарпищев. Самый долгий матч (1999)] [5]. В русском языке также используется устойчивое выражение *грызться как собаки*, которое отличается пренебрежительной эмоциональной оценкой: «Наши соседи *грызутся как собаки!*»; «Все в офисе *перегрызлись как собаки*» (примеры из разговорной речи). В немецком языке имеется приблизительный аналог *sich befehden wie bissige Köter* (букв. *враждовать как резаные дворняги*), который также представлен в словарях исключительно с пометой «пренебр.»).

Агрессивные и одновременно сопернические взаимоотношения двух мужчин реализуются в обоих языках через образы двух петухов: *наброситься друг на друга как петухи, драться как петухи = wie zwei Hähne aufeinander losgehen*: *Sie gingen wie zwei Kampfhähne auf einander los* (букв. Они *набросились друг на друга как два бойцовых петуха*) [4]; «Классическое разделение ролей: «Мишин как петух *наскакивал* на Глушко, а Королёв выступал в роли примиряющего арбитра» [Константин Феокистов. Траектория жизни (2000)] [5]. Таким образом, напряжённые, агрессивные межличностные отношения в сопоставляемых языках реализуются через набор эквивалентных образов-эталонов (*кошка и собака, собаки, петухи*), что свидетельствует об общности наблюдений окружающего мира русскими и немцами.

В обоих языках плохое, пренебрежительное отношение одного по отношению к другому также передаётся через образ собаки «обращаться с кем-л. как с собакой — j-n wie einen Hund behandeln»: «Mario erzählt: *Zu Hause behandeln sie mich wie einen Hund*» (FR 30.12.1999, 2) (Марио рассказывает: «Дома они *обращаются со мной как с собакой*») [4]; «Тебя послушать, — заметил муж, — так я *обращаюсь с тобой как с собакой*». — «Нет, гораздо хуже», — завопила жена [5].

Специфичным для немецкого языка является образ грязи со значением «объект плохого обращения» j-n wie ein Stück Dreck behandeln / wie den letzten

Dreck (обращаться с кем-л. как с грязью / с последней грязью): «Und beider Polizei sind wir... *wie* der letzte Dreck behandelt worden» (Klee, Pennbruder 43). (И полиция *обращалась* с нами... *как с последней грязью*) [4].

В немецком языке для выражения безразличия по отношению к кому-либо очень часто используется устойчивое сравнение *j-n wie Luft behandeln* (букв. *обращаться с кем-л. как с воздухом*): «Sie nahm sich fest vor, diesen unverschämten Flegel *wie Luft zu behandeln*». (Она твердо решила *обращаться* с этим бессовестным хамом *как с воздухом*) [4]. Важно подчеркнуть, что эталон «воздух» в русском языке, напротив, связан с демонстрацией чьей-л. необходимости и важности (*нужен как воздух*): «С годами Танино присутствие стало мне *необходимо как воздух*» [Сати Спивакова. Не всё (2002)] [5].

Для выражения безразличия русское языковое сознание в свою очередь выбрало иные эталоны сравнения (*обращаться с кем-л. как с мебелью, как с вещью, куклой, игрушкой, пешкой*), в каждом из которых прослеживается сходное семантическое наполнение «находиться в окружении человека, не вызывая особых эмоций, исполняя отведённую роль»: «Ты думаешь, можно вот так, *как с вещью*, со мной *обращаться* только потому, что я от тебя завишу материально?» [Ксения Яхонтова. Смятение Анастасии (1996–1998)]; «Вы, которые сами никогда ничего не создали, Вы *играете* с моим миром *как с игрушкой*» [Д.А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966)] [5].

Что касается внимательного и уважительно-трепетного отношения, которое зачастую выражается эквивалентным во многих языках устойчивым сравнением *беречь как зеницу ока* (нем. *hüten wie Augapfel*, испан. *apreciar como la pinta de tus ojos*, франц. *protéger comme la prunelle de ses yeux*), в немецком языке оно также выражается с помощью устойчивого сравнения *j-n wie ein rohes Ei behandeln* (букв. *обращаться с кем-л. как с сырым яйцом*): «Der Trainer dachte gar nicht daran, den Star der Mannschaft *wie ein rohes Ei zu behandeln*». (Тренер даже не думал *относиться* к звезде команды *как к сырому яйцу*) [4]. В русском языке для этого используется образ *хрустальной вазы*, который также выражает собой хрупкость и ценность объекта: «После операции человека надо беречь, как... *как хрустальную вазу...*» [Л.К. Чуковская. Памяти Фриды (1966–1967)] [5].

Достаточно часто в русском языке используется устойчивое выражение *относиться к кому-л. как к матери, к отцу, к (родному) сыну, к (родной) дочери, почитать кого-л. как отца (мать)*, что подчёркивает важность близких отношений между людьми в русской культуре: «А я люблю Костю, *как родного сына*» [Борис Акунин. Чайка // Новый мир. 2000]; «Для меня он *как отец, как старший брат*, я ему благодарна за всё» [Сати Спивакова. Не всё (2002)] [5].

В результате проведённого сопоставительного анализа русских и немецких устойчивых сравнений тематического поля «Межличностные отношения» были выделены три основных типа: 1) полная эквивалентность устойчивых сравнений, подразумевающая совпадение как оснований, так и эталонов

сравнений (жить как кошка с собакой (*leben wie Hund und Katze*), набрасываться (наскакивать) друг на друга как петухи (*auf einander wie zwei Hähne losgehen*), обращаться с кем-л. как с собакой / со скотиной (*j-n wie einen Hund / ein Stück Vieh behandeln*), следовать за кем-л. как тень — *j-n wie Schatten folgen* и др.); 2) совпадение оснований сравнений при расхождении выбранных эталонов (*обращаться* как с мебелью, вещью, куклой, игрушкой, пешкой (в значении «пренебрежительно или равнодушно») — *behandeln wie Luft* (*обращаться* как с воздухом); *обращаться* как с хрустальной вазой, драгоценностью (в значении «с бережностью, аккуратностью») — *behandeln wie ein rohes Ei* (*обращаться* как с сырым яйцом); *назойливый* как банный лист, пиявка — *anhänglich wie Rheumatismus* (букв. *привязанный* (навязчивый) как ревматизм). Данный тип является самым многочисленным, что свидетельствует о различном выборе эталонов для реализации социальных отношений в русской и немецкой лингвокультуре при совпадении характеристик и социальных действий, требующих интенсификации; 3) специфичные устойчивые сравнения (несовпадение оснований и соответственно эталонов сравнений (рус. *почитать как Бога, икону, идола; относиться как к родной матери, отцу, сыну, дочери*; нем. *hassen wie die Pest* (*ненавидеть как чуму*), *zusammenlaufen wie die Hunde* (*сходиться как собаки* — в значении «безрассудно жениться») и др. Таким образом, сходства и расхождения как в выборе характеристик, положенных в основу сравнения, так и в выборе эталонов в очередной раз свидетельствуют о различном мировосприятии носителей сопоставляемых лингвокультур.

Библиографический список

Литература

1. Телия В.Н. Русская фразеология / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Справочные и информационные издания

2. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь / Л.А. Лебедева. – Краснодар: Флинта, 1998. – 272 с.

3. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический): ок. 1500 единиц / В.М. Огольцев. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 800 с.

4. Мангеймский корпус немецкого языка (Institut für Deutsche Sprache, Mannheim, Germany). – URL: <http://corpora.ids-mannheim.de/~cosmas/>, режим доступа свободный.

5. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru>, режим доступа свободный.

6. Deutsch-russische Idiome Online. – URL: http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/index.htm, режим доступа свободный.

7. Duden. Redewendungen. Band 11: 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, Dudenverlag, 2002. – 959 S.

8. Walter H. Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche. Teil 1 / H. Walter. – Hamburg, Verlag Dr. Kovac, 2008. – 336 S.

8. Wörterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke und feste Wortverbindungen. – URL: <http://www.redensarten-index.de>, режим доступа свободный.

References

Literatura

1. *Teliya V.N.* Russkaya frazeologiya / V.N. Teliya. – M.: Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'», 1996. – 288 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

2. *Lebedeva L.A.* Ustojchivy'e sravneniya russkogo yazy'ka: Tematicheskij slovar' / L.A. Lebedeva. – Krasnodar: Flinta, 1998. – 272 s.

3. *Ogol'cev V.M.* Slovar'j ustojchivy'x sravnenij russkogo yazy'ka (sinonimo-antonimicheskij): ok. 1500 edinicz / V.M. Ogol'cev. – M.: OOO «Russkie slovari»: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2001. – 800 p.

4. Mangejmskij korpus nemeckzogo yazy'ka (Institut für Deutsche Sprache, Mannheim, Germany). – URL: <http://corpora.ids-mannheim.de/~cosmas/>, rezhim dostupa svobodny'j.

5. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka. – URL: <http://ruscorpora.ru>, rezhim dostupa svobodny'j.

6. Duden. Redewendungen. Band 11: 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, Dudenverlag, 2002. – 959 S.

7. Duden. Redewendungen. Band 11: 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, Dudenverlag, 2002. – 959 S.

8. *Walter H.* Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche. Teil 1 / H. Walter. – Hamburg, Verlag Dr. Kovac, 2008. – 336 S.

8. Wörterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke und feste Wortverbindungen. – URL: <http://www.redensarten-index.de>, rezhim dostupa svobodny'j.

К.Г. Шишкин

Особенности детективного жанра на примере неоконченной повести Г. Грина «Пустой стул» (1926)

Статья посвящена малоизвестному произведению английского классика Г. Грина. На примере рассматриваемой повести выделяются знаковые элементы детективного жанра.

The article deals with the G. Greene's early detective story «The Empty Chair» (1926). The key elements of the detective genre are distinguished in the literary piece in question.

Ключевые слова: детективный жанр; архивы и переписка писателей.

Keywords: detective genre; writers' archives, correspondence.

Любопытный детективный набросок, неизвестный до недавнего времени, создал в 1920-е годы Г. Грин. Сенсационную находку¹, черновик неоконченной повести «Пустой стул» («The Empty Chair», 1926), удалось обнаружить французскому литературоведу Ф. Галли в архивах Техасского университета. Как пишет Галли, в этой истории проявляются характерные особенности стиля будущего романиста: «чувство диалога, смелые курьёзные сравнения, умение использовать приёмы, свойственные современным триллерам, например, затягивание сюжета и даже кинематографичность, благодаря которой Грин «монтирует» свои сюжеты» [2]. Однако ещё до обнаружения рукописи канадский исследователь Б. Димерт, ссылаясь на различные источники, уверенно заявлял о существовании неопубликованной детективной истории. Он предположил, что «нелюбовь Грина к классическим детективным историям не помешала ему самому поработать в этом жанре и уйти за его традиционные рамки» [9: p. 65] (перевод наш. — *К.Ш.*). Грин рефлексировал о своём творчестве в автобиографии «Часть жизни» («A Sort of Life», 1971), например, там есть описание детективного сюжета, похожего на исследуемую нами повесть: «The detective story I still believe to have been ingenious. A young governess was found murdered in a country house, and a multiplicity of strange clues baffled the police» [3: p. 132]. Однако писатель

¹ Примечателен этот факт ещё и тем, что основная часть архива Грина, который формировался уже в юные годы писателя, сейчас находится в Библиотеке Бёрнса при Бостонском колледже в США, и нельзя было даже предположить, что подобный текст мог быть найден в иных стенах. Это говорит о том, что исследования закрытых до сего момента архивов и коллекций, посвящённых Грину и другим авторам, могут сулить новые открытия. Например, в 2004 году в одной из юридических фирм Лондона был обнаружен архив Конан Дойла, в том числе дневники и личная переписка с У. Черчиллем, О. Уайлдом, Б. Шоу, а также неопубликованные произведения писателя.

не упоминал о данной истории в своей переписке. Возможно, создавая детективный сюжет, юный автор до конца не знал, как поступить с ним. Рукопись не имела даже чернового названия и только при публикации повести в наши дни² в известном английском журнале «Strand Magazine» она была озаглавлена по названию первой главы. Текст пятой главы обрывается по неизвестной причине³. Вероятно, работа над другими проектами не позволила писателю завершить повесть. Именно поэтому Грин мог об этом опыте никому не говорить, сохранив в тайне само существование черновика. Желание поэкспериментировать с жанром, возможно, появилось у Грина неслучайно: в начале XX века английский воздух был пронизан интересом к творчеству Конан Дойла. В письмах оксфордского однокашника и эпистолярного собеседника Грина Ивлина Во речь идёт о создании детективной истории. Например, 28 августа 1928 года И. Во в письме Х. Эктону⁴ пишет следующее: «I am beginning a detective story full of murder and mystery» [4: p. 37]. В ином письме Во того периода, адресованном А.Д. Питерсу⁵, звучит устрашающая ирония по отношению к его старшему брату — Алеку: «I would also write a detective serial about the murder of an author rather like Alec Waugh» [4: p. 39]. Вполне логичным кажется ответ Грина на вопрос об увлечении детективом, заданный отечественным литературоведом В.В. Ивашевой в конце 1960-х годов. По её словам, Грин объяснил свой интерес к жанру «склонностью к мелодраматическому, которой он хотел дать выход, с одной стороны, и желанием что-то противопоставить влиянию романов В. Вульф (то есть упорно наступавшему в те годы на реализм модернизму)» [5: с. 46]. Интерес к детективному жанру английский литератор не утратил на протяжении всей жизни. Существует переписка между Грином и Р. Реймондом⁶, о которой не было известно до 1990-х годов, свидетельствующая об их дружбе.

Рассуждая о детективных экспериментах Грина, необходимо обратиться к истокам данного жанра и вспомнить его отдельных представителей, в первую очередь, Э.А. По. Напомним, что жанрообразующим элементом детектива является наличие загадки и зачастую убийства, а основной сюжетной задачей становится решение преступной головоломки и поимка злодея. В XX веке о жанре детектива и его авторах ярко полемизировали писатели и литературоведы, например,

² Впервые отрывок данной повести был опубликован в газете «Таймс» в 2008 году.

³ Журналом «Strand Magazine» был объявлен конкурс написание лучшего финала к этой повести. Чтобы получить эти пять глав, нам пришлось провести целое расследование. В результате длительной переписки с зарубежными коллегами, библиотеками, а также благодаря неотъемлемой помощи Франсуа Галли и Майкла Сирса (одного из авторов, написавших окончание повести), любезно предоставившими опубликованные главы, мы получили возможность ознакомиться с этим произведением и оценить его место в творчестве Грина.

⁴ Х. Эктон (1904–1994) — британский писатель, друг И. Во, ошибочно считающийся прототипом героя Энтони Бланша, эстетствующего оксфордца из романа «Возвращение в Брайсхед» (1945).

⁵ А.Д. Питерс (1892–1973) — литературный агент и друг И. Во.

⁶ Таково настоящее имя Дж.Х. Чейза, английского писателя, автора множества детективов. Умер в Швейцарии, как и Грин.

С. Моэм, Дж. Фаулз, У. Эко, Ю.В. Ковалев, Г.А. Анджапаридзе, А.П. Саруханян, а также другие исследователи⁷. Подробнее мы остановимся на мнении крупнейшего специалиста по творчеству Г. Грина С.Н. Филюшкиной⁸. Она пишет о двух подходах к определению детектива, один из которых предполагает, что «это жанр развлекательный, приносящий читателю удовольствие», другой пытается «связать этот жанр с проблемой культурной памяти, с этапами развития художественного мышления у человека, эстетического освоения им действительности» [8: с. 4]. Детектив в равной степени может быть интересен любому читателю. Как классический признак детективного повествования исследовательница выделяет «детали-приметы» — художественно осмысленные подробности жизни, несущие в себе разнообразное содержание» [8: с. 22].

«Приметами» в повести Грина могут быть, например, наблюдения одного из персонажей за открытым окном комнаты убитого и его вывод о том, что злодей не смог бы залезть в это окно без лестницы, поскольку на стене не было никаких приспособлений, чтобы взобраться по ней. Внимательно собранные и расположенные в особом порядке «детали-приметы» впоследствии могут стать «детальми-ключами», благодаря которым сыщик сможет разгадать тайну. Такими «детальми» являются подробные описания уклада и быта определённой социальной страты. Например, основное место действия повести — роскошный особняк с широкими лестничными пролётами с резной итальянской балюстрадой. Однако Грин подчёркивает, что богатый дом, наполненный разными людьми, на самом деле является пустым и неуютным. Речь в повести идёт не только о пустом стуле как символе внезапно пропавшего человека, но и пустом доме с людьми-пустышками в нём. Исследуя структуру повествования детектива, Т.Г. Скребцова отмечает: «Пространственно-временные координаты действия в классическом детективе также обладают спецификой. Преступление часто случается в благополучном, приятном месте — богатом загородном доме, уютной английской деревушке, замке на острове» [6: с. 92]. Таким образом, под сомнение ставится правдивость происходящих событий, в изображаемую реальность добавляется элемент хаоса и абсурда. Всё это «оказывает психологическое воздействие на читателя» [6: с. 92].

Разумеется, юный Грин не был знаком с двадцатью положениями из «Закона Ван Дайна»⁹, которые будут опубликованы спустя два года после написания

⁷ Интерес представляют современные подходы к жанру Л.С. Крюковой, О.Ю. Ахманова, Л.П. Дмитриевой и Н.Ю. Георгиновой.

⁸ В монографии, посвящённой детективу, С.Н. Филюшкина упоминает о таких романах писателя, как «Наёмный убийца», «Тихий американец» и «Комедианты», в которых основной сюжет развивается с элементами детектива.

⁹ Стивен Ван Дайн (псевдоним американского литератора У.Х. Райта) составил в 1928 г. «20 правил для пишущих детективы». Самые яркие положения: «в детективе нет места литературщине, описаниям кропотливо разработанных характеров»; «обязательное преступление в детективе — убийство». Важным моментом является то, что сыщик не должен быть злодеем, однако в современной литературе и кино это правило, как и все остальные, нарушается. Этот свод правил условно можно сравнить с фундаментальной работой В. Проппа «Морфология сказки», опубликованной в том же году, что и труд Ван Дайна, в которой рассматриваются основные и повторяющиеся элементы — «функции» в фольклоре, и в целом в литературе.

«Пустого стула». Тем не менее название и сюжет раннего творения Грина вызывают ассоциации с одним из лучших рассказов холмсианы «Пустой дом», вошедшим в сборник «Возвращение Шерлока Холмса» (1894). Грин мог заимствовать идею убийства в запертой комнате у Конан Дойла. Нельзя не отметить сходство повести Грина и с романом А. Кристи «Убийство Роджера Акройда» (1926), где действие также строится вокруг убийства в замкнутом пространстве. Вопрос, заданный одной из героинь Грина о том, где находится убийца и можно ли его найти среди людей в доме, вполне в духе героев Кристи.

Следуя определённым правилам написания «романа-загадки» (Whodunit), который достиг совершенства в 1930-е годы, а также черпая вдохновение у одного из любимых писателей своей юности Дж. Бьюкена, Грин уже в первой главе заявляет об убийстве: в запертой комнате английского особняка обнаруживается труп некоего Ричарда Гровза. Данный зачин вызывает ассоциации с романом Бьюкена «Тридцать девять ступеней» («The Thirty-Nine Steps», 1915), мгновенно погружающим читателя в таинственную атмосферу.

Грин изображает узнаваемые типы: богатая вдова, священник¹⁰, известный актёр, врач, пожилой инспектор полиции — все они оказываются участниками событий. Мы выделим среди них лишь несколько ключевых фигур: леди Элис Перрихам, в прошлом популярная актриса, вышедшая замуж за старшего сына лорда Перрихама, а ныне молодая вдова; сэр Джон Коллиз, вернувшийся из путешествия по Австралии и Африке актёр; Теодор Чабб с говорящей фамилией (Chubby — *пер. с англ.* круглолицый, полнощёкий). Самый начитанный персонаж, хотя не примечательный внешне, цитирует Шекспира, например, его трагедию «Юлий Цезарь»: «Хочу кругом людей я видеть полных». Цезарь, который обращается к Антонию во второй сцене, намекает, что тощий Кассий много думает и поэтому опасен. Данный фрагмент демонстрирует авторскую иронию через интертекстуальность; Сильвия — голубоглазая четырнадцатилетняя приёмная дочь леди Перрихам. Возможно, её образ, главная особенность которого — золотистые волосы, в будущем трансформируется в образ Элизабет из первого крупного произведения Грина — неоромантического романа «Человек внутри». Из автобиографии Грина [3] очевидно, что, описывая «потерянное» детство Сильвии, Грин черпает вдохновение из собственного детства; отец Валентайн — местный священник, повадками напоминающий осторожного голубя: «Father Valentine crossed to the table like a small, deliberate pigeon» [2: p. 7].

Он опоздал к завтраку, так как у него нет часов, потому что он им не доверяет; находит общий язык с сэром Коллизом, производя впечатление внимательного слушателя. Хотя, как он признаётся сам, цель его визита — роскошный завтрак, а не богословский диспут. В конце повести происходит важный диалог на религиозную тему в контексте судьбы самого Грина. Священник спрашивает Коллиза, является ли он сторонником англиканской церкви, на что Коллиз отвечает, что

¹⁰ Персонаж священника отсылает внимательного читателя к отцу Брауну — герою детективного цикла рассказов английского писателя Г.К. Честертона.

его вера слаба. Отца Валентайна интересует, что знает Коллиз о роли исповеди в католической церкви, к которой принадлежит он сам. Можно предположить, что в реплике Коллиза «Господь прощает человека, который исповедуется искренне» отражено понимание исповеди у католиков самим Грином — тогда еще неофитом Римско-католической церкви. Умудрённый жизнью писатель в романе «Монсеньор Кихот» устами Санчо выразит иную точку зрения по данному вопросу: «Я должен кое в чём признаться вам, отче. О нет, не в исповедальне. Я хочу просить прощения не у этой вашей или моей мифической фигуры, которая там, наверху, а только у вас» [1: с. 184].

При этом следует отметить, что существенным фактором исповеди становится её тайна, которую нельзя раскрыть даже сыщикам или следователям, неотъемлемым фигурам любого детектива. Эти традиционные роли в повести играют полицейский констебль, который появляется сразу же после убийства, и его шеф — эксцентричный инспектор уголовной полиции, пробравшийся в поместье под видом садовника (переодевание в духе Шерлока Холмса). Условно их можно охарактеризовать как проницательного аналитика и недалёкого исполнителя приказов. Достаточно вспомнить дополняющие друг друга дуэты Холмса и Ватсона, Пуаро и Гастингса, Вулфа и Гудвина.

Характерно, что юный Грин знает о специфическом способе работы следователя — перекрёстном допросе (*англ.* cross-examination), к которому прибегают служители закона, опрашивая свидетелей. Инспектор считает себя способным увидеть тёмную сторону злоумышленника, что придаёт его образу мистический оттенок. Но, к сожалению, убийца, лишённый каких-либо сверхспособностей, оказывается вовсе не тем, кого бы хотел увидеть читатель, знакомый с некоторыми антигероями Конан Дойла и По, наполненными inferнальными чертами. Грин не стремится быть оригинальным, и в тексте повести проскальзывают разнообразные детективные штампы, а именно — нарастающее волнение по поводу отсутствия за столом одного из гостей и необходимость проникновения в запертую комнату, где предположительно может находиться исчезнувший герой. Кстати, выбить запертую дверь удаётся с трудом, поскольку она, согласно английской пословице «Мой дом — моя крепость», не поддаётся. В комнате герои видят заколотого ножом¹¹ мужчину (он, как выясняется, был сомнительной личностью: не отдавал долги и шельмовал в картах). Придя в себя первым, священник, опустившись на колени, шепчет слова молитвы; высказывается предположение, что убийца проник через окно.

Далее Грин детально описывает психологические портреты героев, которые строят догадки о случившемся. Некоторые персонажи конфликтуют, поскольку стоят на разных нравственно-моральных платформах. По сюжету инспектор

¹¹ Нож для Грина — существенный предмет. Он часто сверкает в руках контрабандистов в «Человеке внутри», а сам Грин по-настоящему резал свою ногу тупым лезвием в отрочестве. В повести нож — это деталь-примета: «It was no ordinary knife. The shaft was of silver carved prettily with loops and twists and flowery patterns» [2].

вынужден опросить всех постояльцев дома, поэтому действие по-прежнему сосредоточено в замкнутом пространстве. Читатель постепенно погружается в их судьбы не без помощи аллюзий, к которым прибегает Грин, часто цитирующий классические тексты, например Шекспира, а также библейские сюжеты. Убийцу, несмотря на предположения главных героев, Грин так и не назовёт.

Это произведение не закончено, но в нём уже заметны черты будущего Грина-художника. Некоторые типажи, например священник или служитель закона (как Скоби, герой романа «Суть дела»), вскоре станут частыми, а порой даже главными героями историй Грина. Такие важные элементы детектива, как убийство и его расследование, получают у начинающего автора своё первое воплощение именно в данной повести. И всё же трудно назвать, какой из зрелых романов английского классика можно отнести к жанру детектива или его разновидностям¹². С уверенностью можно сказать, что во многих произведениях писателя есть существенные признаки этого жанра: убийства, преследования, жертвы и преступники. Пародией на шпионский детектив можно было бы назвать роман «Наш человек в Гаване», если бы настоящие убийства не соседствовали по сюжету не только с несуществующими секретами, но и с именами реальных агентов британской разведки. Другой военно-шпионский роман Грина, «Ведомство страха», по мнению В.А. Скороденко, «с полным правом можно назвать антибондовским. Грин дегероизирует культ жестокости, насилия и романтики “тайной войны”, хотя враг в его изображении вовсе не глуп и не примитивен» [7: с. 12]. Библиографическая находка рукописи «Пустого стула» позволила вернуться к новому прочтению «серьёзных» и «развлекательных» романов Грина, в которых такие элементы жанра детектива, как загадка, преступление и его расследование, а также поиски истины, занимают ведущее положение.

Библиографический список

Источники

1. Грин Г. Монсеньор Кихот / Г. Грин. – М.: Мол. гвардия, 1989. – 240 с.
2. Greene G. The Empty Chair. Int. by F. Gallix / G. Greene. – Strand Magazine. 2009. – June-Sept. – P. 4–9.
3. Greene G. A Sort of Life / G. Greene. – London: Penguin Books, 1971. – 157 p.
4. Armory M. The Letters of Evelyn Waugh / Ed. by M. Amory. – London: Phoenix, 2009. – 761 p.

Литература

5. Ивашева В.В. Английская литература. XX век / В.В. Ивашева. – М.: Просвещение, 1967. – 178 с.
6. Скребцова Т.Г. Структурный анализ детективного повествования / Т.Г. Скребцова // Структурная и прикладная лингвистика: межвуз. сб. / Под ред. А.С. Герда. – Вып. 9. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. – С. 80–94.

¹² Следует отметить, что имя Г. Грина включено в Популярную библиографическую энциклопедию зарубежного детектива XX века под редакцией С.П. Бавина (1991).

7. *Скороденко В.А.* Английский детектив в трёх лицах / В.А. Скороденко // Английский детектив. – Мн.: Маст. лит., 1984. – С. 3–14.

8. *Филюшкина С.Н.* Детектив и проблема культурной памяти. Атаки новаций и упрямство жанра / С.Н. Филюшкина. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2012. – 82 с.

9. *Diemert B.* Graham Greene's Thrillers and the 1930's / B. Diemert. – Kingston: McGill-Queen's University Press, 1996. – 256 p.

References

Istochniki

1. *Grin G.* Mosen'or Kixot / G. Grin. – М.: Мол. гвардиya, 1989. – 240 s.

2. *Greene G.* The Empty Chair. Int. by F. Gallix / G. Greene. – Strand Magazine. 2009. – June-Sept. – P. 4–9.

3. *Greene G.* A Sort of Life / G. Greene. – London: Penguin Books, 1971. – 157 p.

4. *Armory M.* The Letters of Evelyn Waugh / Ed. by M. Amory. – London: Phoenix, 2009. – 761 p.

Literatura

5. *Ivasheva V.V.* Anglijskaya literatura. XX vek / V.V. Ivasheva. – М.: Prosveshhenie, 1967. – 178 s.

6. *Skrebzova T.G.* Strukturny'j analiz detektivnogo povestvovaniya / T.G. Skrebzova // Strukturnaya i prikladnaya lingvistika: mezhvuz. sb. / Pod red. A.S. Gerda. – Vy'p. 9. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2012. – S. 80–94.

7. *Skorodenko V.A.* Anglijskij detektiv v tryox liczah / V.A. Skorodenko // Anglijskij detektiv. – Мн.: Mast.lit., 1984. – С. 3–14.

8. *Filyushkina S.N.* Detektiv i problema kul'turnoj pamyati. Атаки novacij i upryamstvo zhanra / S.N. Filyushkina. – Voronezh: Nauka-Yunipress, 2012. – 82 s.

9. *Diemert B.* Graham Greene's Thrillers and the 1930's / B. Diemert. – Kingston: McGill-Queen's University Press, 1996. – 256 p.

Н.В. Щенникова

Некоторые особенности понимания подростками слова «аромагия» (по данным ассоциативного эксперимента)

Статья посвящена проблеме влияния рекламных текстов на языковое сознание подростка. Предметом исследования является психологически реальное значение окказионализма «аромагия» в языковом сознании подростка. Результаты ассоциативного эксперимента с подростками 13–15 лет позволяют говорить о существовании «псевдопонятия» *аромагия* в сознании подростка.

The article is dedicated to the problem of advertisement influence on the linguistic consciousness. The subject of the research is the psychologically real meaning of the occasionalism «aromagic» («аромагия») in the linguistic consciousness of modern adolescents. A result of an association experiment with adolescents aged 13–15 reveals the existence of the «pseudo-concept» of *aromagic* in the adolescent's linguistic consciousness.

Ключевые слова: поздний онтогенез; психологически реальное значение слова; речевое воздействие; рекламный текст; ассоциативный эксперимент.

Keywords: late ontogeny; psychologically real word meaning; linguistic manipulation; advertising copy; associative experiment.

Подростковый период развития характеризуется перестройкой функционирования физиологических систем организма и социокультурным влиянием на формирование личности подростка. Этот период наиболее изменчив и максимально чувствителен ко всем изменениям, происходящим в обществе. В этот период в большей или меньшей степени происходит изменение системы ценностей в сознании подростка, кризис социальной идентичности, и как результат — отмечается выраженная противоречивость поведения подростка, в том числе и речевого. Процессы адаптации к социальному окружению, стремление «ассимилироваться» в нём и в то же время осознание собственной индивидуальности, переживание собственного уникального опыта находятся в постоянной конфронтации. Чем старше ребёнок, тем больший отпечаток накладывают на него условия, характеризующие жизнь данного общества. Психологи, социологи, социолингвисты относят этот возраст к периоду «*промежуточной или псевдоустойчивой социализации*» [1: с. 205], что подчёркивает предрасположенность сознания подростка к влиянию извне.

Развитие мышления подростка в этот период зависит от социокультурных факторов и соответствует становлению формальных операций, стадии интеллектуального развития, описанной в концепции Ж. Пиаже [5: с. 29–44]. Овладевая формальными операциями, ребёнок учится строить собственные

гипотетико-дедуктивные рассуждения, основанные на собственном опыте. В таких рассуждениях конкретные отношения заменяются универсальными символами. Происходит становление мышления в понятиях, оперирование абстрактными понятиями. Со становлением формальных операций в мышлении ребенка в возрасте 11–15 лет появляются так называемые символы второго уровня (символы для обозначения символов), дети начинают адекватно понимать метафоры, многозначность знакового мира сознания [7]. Происходит процесс постепенной перестройки мышления, переход от более конкретных к более абстрактным формам мышления, к мышлению в понятиях. Л.С. Выготский считал, что только в подростковом возрасте ребёнок достигает той ступени социализации своего мышления, которая необходима для выработки вполне развитых понятий, хотя они и не являются еще господствующей формой мышления [2]. Единицей же речевого мышления, по Выготскому, выступает слово, взятое со стороны его значения. «Значение слова — это часть слова, речевое образование, потому что слово без значения не слово. Так как всякое значение слова есть обобщение, то оно является продуктом интеллектуальной деятельности ребенка. Таким образом, значение слова — единица речи и мышления, далее неразложимая» [2: с. 382].

Этапу образования понятий предшествует комплекс псевдопонятия, когда обобщение, возникающее в мышлении, напоминает по внешнему виду понятие, но по своей психологической природе не является понятием в прямом смысле, т. е. на этом этапе происходит «комплексное объединение ряда конкретных предметов, которое по внешнему виду, по совокупности внешних особенностей совершенно совпадает с понятием, но по генетической природе, по условиям возникновения и развития, казуально-динамическим связям, лежащим в его основе, отнюдь не является понятием. С внешней стороны — понятие, с внутренней стороны — комплекс» [3: с. 148]. При переходе к этапу мышления в понятиях отношения между предметами действительности устанавливаются на основе объективных связей, действительно существующих между этими предметами, а не только на основании субъективных связей, устанавливаемых во впечатлении ребёнка [3]. А в структуре значения слова находят своё отражение результаты социализации.

Агентами вторичной социализации личности становятся учебные заведения, сообщества, средства массовой информации, в том числе и реклама. Рекламные тексты, которые воздействуют на сознание реципиента, моделируя смысловое поле знака, оказывают очевидное влияние на формирование образов языкового сознания подростка. «Такое изменение смыслового поля возможно лишь через значения, ибо речевое воздействие всегда осуществляется при помощи языковых, вообще общественно выработанных средств» [4: с. 276]. Поэтому язык рекламы, и в частности телерекламы, отражает общее состояние современного языка и особенно разговорной речи, хотя, несомненно, изменение смыслового поля знака, а следовательно, и системы значений слова, не является целью рекламных текстов, так как цель рекламы — убедить реципиентов приобрести тот или иной

товар или воспользоваться услугой. Однако даже при отсутствии мотивации купить товар или воспользоваться услугой подросток всё равно испытывает влияние рекламных текстов, хотя и полагает, что не смотрит телевизионные рекламные ролики и не читает встречающиеся ему повсеместно рекламные тексты [8].

Как известно, для привлечения и удержания внимания реципиентов создатели рекламных текстов используют различные приёмы манипулирования сознанием. Один из таких приёмов — использование окказионализмов (лексических новообразований): сникерсни (Не тормози! Сникерсни!), охлаждайс (Stimorolice — охлаждайс!), фруктанём (Соки и нектары «Яблочкин»! Фруктанём на всю катушку!). Такие новообразования строятся преимущественно на основе типовых глагольных моделей, в которых происходит усложнение семантики и создаётся фонетическое подобие хорошо запоминающемуся слогану. Если текст заставляет остановиться, задуматься, как бы «потрудиться» над разгадыванием смысла, то он непроизвольно запоминается и связывается в сознании реципиента с рекламируемым товаром или услугой. В результате навязчивого воздействия текста, при постоянном повторе окказионализма происходит формирование словообраза (или понятия), связанного с данным (звучащим) знаком. Как происходит это формирование, можно понять, анализируя ассоциативное поле «рекламного» окказионализма, так как оно отражает в том числе и неосознаваемые (и, может быть, в какой-то мере неадекватные) знания, связанные с данным знаком.

Одним из общепризнанных исследований процесса формирования понятий (образов языкового сознания) является ассоциативный эксперимент, который позволяет обнаружить изменения в системе значений слова, установить семантические и прагматические связи между словом-стимулом и словом-реакцией.

Предметом нашего исследования избрано ассоциативное поле слова «аромагия», понимаемое как субъективное содержание знакового образа. Нами был проведён ассоциативный эксперимент, направленный на исследование содержания ассоциативных полей слов, функционирующих в рекламных текстах. В эксперименте принимали участие 323 подростка (53 % мальчиков, 47 % девочек) в возрасте 13–15 лет, учащиеся 7–9 классов общеобразовательных школ г. Москвы. Для 100 % испытуемых родным языком является русский. Испытуемым был дан список из 61 слова-стимула, составленный по результатам пилотного эксперимента [8]. Так как не все подростки понимали, что такое ассоциации, их просили записать первое пришедшее в голову слово (слово-реакцию) после прочтения слова из списка (слова-стимула). Время проведения эксперимента — 15 минут. Одним из слов-стимулов в анкете был представлен окказионализм «аромагия».

Создатели телевизионного рекламного ролика кофе «Якобс Монарх» (Jacobs Monarch) прибегли к одному из основных правил создания рекламного текста — дать как можно больше информации в рамках предельно сжатой лексико-грамматической структуры текста: *Якобс Монарх. Аромагия сближает*. Использование окказионализма *аромагия*, с одной стороны, и глагола

в личной форме — с другой делает текст динамичным, побуждающим к действию. Динамичность создаётся и лаконичностью структуры высказывания, в котором используется только предикативная основа, а видеоряд связывает этот рекламный текст в сознании реципиента с рекламируемым продуктом — кофе «Якобс Монарх».

Ассоциативное поле слова «аромагия» представлено следующими реакциями:

АРОМАГИЯ: кофе (66), магия (20), реклама, Якобс Монарх (10), запах (9), сближает (7), вкуса (6), аромат, чай (5), Нескафе, Хогвартс (4), вкус, чая, Nescafe Gold (3), афродизиак, духи, магазин, магия ароматов, суп, цвета, Nescafe (2), альманах, ароматерапия, ароматические масла, блаженство, бред, бывает, вкусный запах, воздух, волшебник, волшебство, восторг, Гарри Поттер, Дамблдор, Дед Мороз, духота, жесь, жизнь, забыл, звёзды, зелье, игра, игра?, кулинария, курица, ласка, лепестки, ложь, маг, мистика, наркотики, натурализм, неизвестность, «непонятность», парфюмерия, пирожок, пиромания, прелесть природы, работа, свежесть, света, сила аромата, счастье, тёмный дар, токсикомания, тренд, утра, «хз», цвет, чайная, «что-то вкусно пахнет», что это?, фиг его знает, фигня, чистоты, чувство, Jacobs Monarch, Tchibo, Palmolive (1); [323 + 80 + 59 + 95].

Слова-реакции расположены в статье в порядке убывания от частотных к единичным с указанием числа реакций. В конце ассоциативного поля указано число общих реакций, число разных реакций, число единичных реакций и число отказов от реагирования, когда испытуемые ничего не писали или ставили прочерк.

При образовании слова *аромагия* наблюдается явление гаплогонии [9]: *аромат* + *магия* = *аромагия*. Результаты исследования показывают, что в сознании реципиентов *аромагия* связана как со словом *аромат*, так и со словом *магия*. В первом случае реакции связаны с объектами, имеющими запах; количество данных реакций составляет 7 % от общего числа испытуемых (*духи, запах, аромат, ароматические масла, вкусный запах, парфюмерия, суп, чай, «что-то вкусно пахнет»*). Во втором — реакции связаны с «чем-то мистическим», количество таких реакций составляет 7 % от общего числа испытуемых (*магия* (гипероним), *вошебство, маг, мистика*).

По результатам ассоциативных экспериментов, направленных на исследование зависимости частоты различных типов ассоциаций от возраста испытуемых, было выявлено, что число парадигматических реакций у носителей флективных языков с возрастом превалирует над синтагматическими [6], что доказывают и результаты нашего эксперимента: более 50 % реакций, обнаруживающих парадигматические связи, и только 7 % — синтагматические. У 2 % респондентов прослеживается синтагматическая реакция «сближает», так как это звучит в рекламном слогане («Аромагия сближает!»). Освоение слова может происходить через его структуру: в сознании слово имеет потенциальную сочетаемость, поэтому мы можем наблюдать реакции по аналогии

со словосочетанием *магия чего-то*, выражающие отношение принадлежности, *вкуса, чая, цвета, природы, света, утра, чистоты* (4 % от числа общих реакций).

В ассоциативном поле слова присутствуют и рефлексивные реакции, связанные с осознанием собственного отношения к слову, при этом эти реакции можно разделить на две группы: это осознание слова как чего-то неизвестного — *забыл, игра?, неизвестность, «непонятность», что это?, фиг его знает*, ненормативное «хз» (2 %) и оценочные реакции, связанные с псевдоосознанием понятия, такие как *бред, жесть, зелье, ложь, фигня* (1,5 %). У испытуемых создается иллюзия адекватной оценки понятия, а на самом деле они негативно воспринимают и отторгают непонятное.

Так как неизвестное, непонятное подросткам слово *аромагия* функционирует лишь в рекламном тексте, то становится объяснимым большое количество отказов от реагирования — 29 % от общего количества респондентов.

Подростковый возраст, как уже было сказано выше, характеризуется особой сензитивностью, развитие мышления в этот период в большой степени зависит от социокультурных факторов, слово может вступать в широкие парадигматические отношения. Это доказывает присутствие в ассоциативном поле слова таких реакций, как *Гарри Поттер, Дамблдор, тёмный дар, Хогвардс*, отсылающих к популярному литературному произведению Джоан Роулинг «Гарри Поттер».

Анализируя результаты проведённого эксперимента, можно констатировать успешность создания этого рекламного текста, который представляет собой часть рекламного продукта, совмещающего в себе видео- и звукоряд, так как почти у 30 % испытуемых слово «аромагия» связано в сознании с рекламируемым товаром: 20 % — *кофе*, 3 % — *Якобс Монарх*, 2 % — *сближает*, 4 % — *Нескафе, Nescafe Gold, Nescafe, Jacobs Monarch, Tchibo*.

Освоение окказионализма «аромагия» происходит и через структуру (синтагматически), и через логическое сопоставление с материальными объектами (парадигматически), но всё же слово еще не до конца оформлено в сознании подростка. На данном этапе можно говорить о существовании «псевдопонятия» [3] *аромагия* в сознании подростка.

Библиографический список

Литература

1. Беликов В.И. Социолингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2001. – 436 с.
2. Выготский Л.С. Детская психология // Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – 433 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.
4. Леонтьев А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2004. – 368 с.

5. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – СПб.: Питер, 2003. – 192 с.
6. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. – 251 с.
7. *Шабалина О.В.* Структура и функционирование метафоры в детской речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; защищена 19.09.2007 г. / О.В. Шабалина. – Пермь, 2007. – 212 с.
8. *Щенникова Н.В.* Влияние рекламных текстов на языковое сознание современного подростка: экспериментальное исследование. / Н.В. Щенникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 4. – С. 68–75.

Справочные и информационные издания

9. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: УРСС, 2007. – 576 с.

References

Literatura

1. *Belikov V.I.* Sociolinguistika / V.I. Belikov, L.P. Kry'sin. – М.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. – 436 s.
2. *Vy'gotskij L.S.* Detskaya psixologiya // Vy'gotskij L.S. Sobr. soch. T. 4. – М.: Pedagogika, 1984. – 433 s.
3. *Vy'gotskij L.S.* My'shlenie i rech' // Vygotkij L.S. Sobr. soch. T. 2. – М.: Pedagogika, 1982. – 504 s.
4. *Leont'ev A.A.* Psixologiya obshheniya / A.A. Leont'ev. – М.: Smy'sl, 2004. – 368 s.
5. *Piazhe Zh.* Psixologiya intellekta / Zh. Piazhe. – Spb.: Piter, 2003. – 192 s.
6. *Ufimceva N.V.* Yazy'kovoe soznanie: dinamika i variativnost' / N.V. Ufimceva. – М.: In-t yazy'koznaniya RAN, 2011. – 251 s.
7. *Shabalina O.V.* Struktura i funkcionirovanie metafory' v detskoj rechi: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19; zashhishhena 19.09.2007 g. / O.V. Shabalina. – Perm', 2007. – 212 s.
8. *Shhennikova N.V.* Vliyanie reklamny'x tekstov na yazy'kovoe soznanie sovremennogo podrostka: e'ksperimental'noe issledovanie / N.V. Shhennikova // Vestnik Rossijskogo universiteta družby' narodov. Teoriya yazy'ka. Semiotika. Semantika. – 2013. – № 4. – S. 68–75.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. *Axmanova O.S.* Slovar' lingvisticheskix terminov / O.S. Axmanova. – М.: URSS, 2007. – 576 s.

Н.М. Девятова

**Рецензия на монографию
Н.А. Герасименко «Бисубстантивные
предложения в русском языке:
структура, семантика, функционирование»
(М.: МГОУ, 2012. – 292 с.)**

В монографии Н.А. Герасименко рассматривается значительный фрагмент русской языковой системы — бисубстантивные предложения — предложения, организованные субстантивными субъектной и предикативной синтаксемой. Такие конструкции представляют разновидность двусоставного предложения и отражают многие особенности его структуры. Специфика этого типа предложений создается составным именным сказуемым, включающим падежную форму существительного и связочный компонент.

Монография Н.А. Герасименко представляет самое полное описание этого фрагмента системы, поэтому трудно переоценить её значение. В лингвистике и в школьной практике нечётко определены границы между простым глагольным сказуемым и сказуемым составным. Работа автора вносит существенный вклад в решение проблемы. По сравнению с привычным представлением о составном именном сказуемом в монографии существенно расширены границы составного именного сказуемого. Сюда относятся, в частности, и такие типы, как *Он похож на отца*, *Она превратилась в развалину* и др., включающие не только привычные падежные формы с именительным и творительным падежами, но и другие падежные формы. Такой подход представляется достаточно перспективным. В работе предлагается решение важных лингвистических проблем, например место бисубстантивных предложений в системе русского языка. Получают решение и многие методические проблемы, в том числе проблема границ разных типов сказуемых в русском языке.

В монографии дано комплексное описание одного из типов синтаксических конструкций: представлена семантическая типология предложений, обусловленная особенностями предикативного признака и ролью такого компонента в структуре предложений, как связка, выявлена роль связки и раз-

личных падежных форм в формировании семантики предложения, показана роль бисубстантивных предложений в организации и выражении ментальной деятельности человека.

В исследовании Н.А. Герасименко находят отражение научные подходы, определяющие состояние современной лингвистической мысли. В монографии реализован антропоцентрический подход, во многом определивший своеобразие и уникальность представленной монографии. Новизна и вклад в лингвистику рецензируемой монографии во многом определяется тем, что в ней показано, каким образом изучаемый тип предложений отражает связь с фигурой говорящего и как характер модусной семантики определяет специфику отдельного типа бисубстантивного предложения.

Специфика такого предложения объясняется языковым способом выражения предиката — именная его часть выражена падежными и предложно-падежными формами имени существительного. В исследовании таких предложений автор идёт от значения к специфике его формального представления и функционирования. Автор показывает место неглагольных предложений в системе языка. Их специфику составляет особенность предиката (сказуемого), в котором предикативный признак выражается с опорой на связку.

Исследуемый фрагмент системы русского языка отличается разнообразием входящих в него типов, объединяемых не только тем, что предикативный признак выражается субстантивной формой, но прежде всего тем, что исследуемые предложения передают такие значения, как отождествление и характеристика. Значения отождествления и характеристики, называемые в науке логико-синтаксическими типами предложений, рассматриваются в работе как типовые значения соответствующих предложений. Значение отождествления понимается достаточно широко. Здесь анализируются предложения самых разных значений. В работе предлагается типология семантических типов бисубстантивного предложения, в которой значения отождествления и характеристики, составляющие центр системы бисубстантивного предложения, дополняются переходными зонами. Сюда входят предложения, выражающие семантику сходства и сравнения, а также такие периферийные типы, как предложения со значением состояния и превращения. Периферия системы выделяется на основании противопоставления признаков динамики/статике, выражаемых субстантивными предложениями.

Специфику подхода автора к исследуемым предложениям определяет внимание как к самим предикативным падежным формам, так и к связке — конструктивному компоненту бисубстантивных предложений, что во многом определяет новизну представленной работы. Связка исследуется в связи с её причастностью к выражению диктумных и модусных значений. Место бисубстантивных предложений в системе русского предложения автор объясняет спецификой отражения позиции говорящего. И здесь роль связки трудно переоценить. Для таких предложений, как отмечает Н.А. Герасименко, характерна позиция говорящего как информатора: «Пропозиция, находящаяся в основе номинативного значения предложения, может быть охарактеризована

как логическая: языковая категоризация логической операции осуществляется при помощи неглагольных знаменательных частей речи: грамматическое значение передается при помощи связки» (с. 26).

Связка рассматривается как компонент, во многом определяющий специфику отдельных разновидностей бисубстантивного предложения, через который выражаются «отношения между субъектом и предикатом суждения» (с. 46). Связками признаются не только единицы с фазисным, авторизующим значением, но и конструкции, выражающие более сложные значения: *Брат имеет вид учителя, Брат подобен учителю, Брат напоминает учителя, Брат похож на учителя* и др. Именно через связку отражается своеобразие логических операций, осуществляемых говорящим с предметами и явлениями действительности. Связка рассматривается поэтому как ядро пропозиции. Её значение определяет и семантику предложения в целом. На основании признака свободной/несвободной сочетаемости различаются неспециализированные и специализированные связки. Показано отношение связки к таким уровням смысла, как содержание объективное / субъективное.

В работе различаются связки диктумные и модусные (с. 67). Например, автор отмечает возможность употребления тех и других в одном сказуемом: *Официантки в столовой казались хорошенькими и похожими на медсестер* (С. Довлатов). Исследуя иерархию значений, выражаемых связками, автор говорит о месте фазисных компонентов. Определены границы варьирования пространства диктума и модуса в бисубстантивном предложении. В семантическом пространстве модуса автор разграничивает два типа модусных значений: подлинность/мнимость и субъективная оценка. Иерархия значений, выражаемых связками, представлена четырьмя типами: «диктумными, модусными, модальными и фазисными» (с. 73).

Специфику бисубстантивного предложения определяет и падежное значение субстантивной формы. При определении его типов автор следует традиции и выделяет достаточно абстрагированные значения: определительные, объектные и др. Анализ предикативных падежных форм выполнен достаточно тонко. Здесь, однако, мы видим и дискуссионный момент. Нам представляется нецелесообразным выделять у падежных предикативных форм определительное, объектное и т. п. значения. Употребляясь в позиции предиката, субстантивная форма выражает предикативное значение. Представляя субстантивную форму, автор говорит об абстрагированном значении предметности («предикативное соединение предмета и его определения на грамматическом уровне признака» (с. 14)), однако, как нам представляется, такие формулировки не вносят ясности в описание значения предикативной формы.

Внимание к модусной стороне бисубстантивных предложений позволило автору прийти к интересным выводам. Значима мысль о субъектной модусной парадигме изучаемых моделей. Несомненную ценность представляют выводы автора о приспособленности косвенных субъектных форм для выражения значения субъективной оценки (с. 35).

Отдельная глава монографии посвящена связкам как конструктивному компоненту бисубстантивных предложений. Одним из существенных признаков связки, определяющих специфику отдельных предложений, а также отношения в системе бисубстантивного предложения, является признак статики/динамики, с учётом которого предлагается семантическая иерархизация предложений тождества. Названный признак определяет и отношения центра и периферии в системе бисубстантивного предложения. Семантика модусных связок описывается в отдельном разделе (с. 209).

Полнота описания — исследуются большое количество предложений с разными типами субъекта — позволяет автору представить безграничные возможности бисубстантивного предложения в выражении самых разных смыслов.

Значение книги Н.А. Герасименко в том, что она представляет полное описание значительного фрагмента системы русского языка, показывает возможности такого предложения в языковом освоении действительности, в передаче самых разных диктумных и модусных смыслов.

Авдеева Елизавета Олеговна — старший преподаватель кафедры японского языка ИИЯ МГПУ, соискатель кафедры японской филологии ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: avdeeva_07@inbox.ru

Алексеев Александр Валерьевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ИГН МГПУ.

E-mail: alsalva@narod.ru

Афанасьева Ольга Васильевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: AfanasievaOV@m-kaz.mgpu.ru

Баранова Ксения Михайловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: Ksenia_Bar@tochka.ru

Девятлова Надежда Михайловна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка ИГН МГПУ.

E-mail: deviatovaa@mail.ru

Евдокимова Людмила Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы факультета филологии и журналистики Астраханского государственного университета.

E-mail: lv_evdokimova@mail.ru

Калинина Кристина Сергеевна — аспирант кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: teleshovaks@gmail.com

Карпова Любовь Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: karpova_lyuba@mail.ru

Луткова Елена Сергеевна — учитель английского языка ГОУ СОШ Гимназия № 1520 г. Москвы; аспирант кафедры теории и методики обучения иностранным языкам ИИЯ МГПУ.

E-mail: krepkih.elena@yandex.ru

Малькова Валентина Валерьевна — аспирант кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: valentyana4@yandex.ru

Матвеева Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: matv1@yandex.ru

Черкашина Елена Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: elena_chere@inbox.ru

Чернявская Валерия Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая научно-исследовательской лабораторией лингвистических технологий Института прикладной лингвистики НИУ «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет».

E-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

Чурпына Ольга Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: ochurpyna@yandex.ru

Шишкин Константин Георгиевич — главный библиограф Государственной публичной научно-технической библиотеки (ГПНТБ) России; соискатель кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: shishkin_k@mail.ru

Щенникова Нина Викторовна — старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

E-mail: elenazamkovskaya@yandex.ru

Яковлев Михаил Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Московского государственного областного гуманитарного института (г. Орехово-Зуево Московской области).

E-mail: mihaelramblerru07@rambler.ru

Ярыгина Елена Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ИГН МГПУ.

E-mail: es1957@mail.ru

«MCTTU Vestnik» / Authors, series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2014, № 3 (15)

Avdeeva Elizaveta Olegovna — senior assistant professor of Japanese language department, Institute of Foreign Languages, MCTTU; postgraduate of Japanese Philology department, Lomonosov MSU.

E-mail: avdeeva_07@inbox.ru

Alekseev Alexander Valeryevich — PhD (Philology), docent, associate professor of department of Russian Language department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: alsalva@narod.ru

Afanasyeva Olga Vasilyevna — Doctor of Philology, full professor, head of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: AfanasievaOV@m-kaz.mgpu.ru

Baranova Ksenia Mikhailovna — Doctor of Philology, docent, professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: Ksenia_Bar@tochka.ru

Devyatova Nadezhda Mikhailovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Russian Language department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: deviatovaan@mail.ru

Evdokimova Lyudmila Viktorovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Literature department, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University.

E-mail: lv_evdokimova@mail.ru

Kalinina Krestina Sergeevna — postgraduate of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: teleshovaks@gmail.com

Karpova Lyubov Sergeevna — PhD (Philology), associate professor of English Language department, Faculty of Mechanics and Mathematics, Lomonosov MSU.

E-mail: karpova_lyuba@mail.ru

Lutkova Elena Sergeevna — English teacher of SEI SCSch №1520; postgraduate of Theory and Methods of Modern Languages Teaching department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: krepkih.elena@yandex.ru

Malkova Valentina Valeryevna — postgraduate of Department of Comparative Analysis of Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov MSU.

E-mail: valentyna4@yandex.ru

Matveeva Irina Ivanovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: matv1@yandex.ru

Cherkashina Elena Ivanovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Romance Philology department, of Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: elena_chere@inbox.ru

Chernyavskaya Valeria Evgenyevna — Doctor of Philology, full professor, head of Scientific and Research laboratory of Linguistic Technologies, Institute of Applied Linguistics, NRU St. Petersburg State Polytechnical University.

E-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

Chupryna Olga Gennadyevna — Doctor of Philology, full professor, professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: ochupryna@yandex.ru

Shishkin Konstantin Georgievich — chief librarian of Russian National Public Library for Science and Technology; postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: shishkin_k@mail.ru

Schennikova Nina Viktorovna — senior assistant professor of Russian Language and Crosscultural Communication department, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia.

E-mail: elenazamkovskaya@yandex.ru

Yakovlev Mikhail Vladimirovich — PhD (Philology), associate professor of Literature department, Moscow State Regional Humanities Institute (Orekhovo-Zuevo).

E-mail: mihaelramblerru07@rambler.ru

Yarygina Elena Sergeevna — Doctor of Philology, full professor, head of Russian Language department, Institute of Humanities, MCTTU.

E-mail: es1957@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, германским языкам, романским языкам, восточным языкам, русистике), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объём статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05 – 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [З: с. 147], по образцам, приведённым в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подаётся в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, учёная степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для её доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Викуловой Ларисе Георгиевне* (Москва, Малый Казённый пер., д. 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 3 (15), 2014

Главный редактор:
доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щетилова*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:
М.В. Чудова

Корректор:
Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:
О.В. Вострикова

Техническое редактирование и вёрстка:
О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgrpu.ru

Подписано в печать: 10.10.2014 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объём: 9 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.